

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 1 (3)

Санкт-Петербург
2017

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Scientific journal

№ 1 (3)

St. Petersburg
2017

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2017
№ 1
(3)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веретенко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор, Россия
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
И. А. Тропов, доктор исторических наук, профессор, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2017
№ 1
(3)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
L. Yu. Gusman, Doctor of History, Associate Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
N. D. Kozlov, Doctor of History, Full Professor, Russia
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
I. A. Tropov, Doctor of History, Full Professor, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.Н. Шайдуров

Особенности экономической жизни украинских крестьян
в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. 9

Е.И. Медеубаев

Политика Советского государства в жилищной сфере
в городах Казахской и Туркестанской АССР
в период «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) 23

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В.Н. Бенда

Инженерные проблемы в военной и гражданской сфере
безопасности Российского государства в начале XVIII в. 35

Е.С. Котова

Особенности управления «зелёным строительством»
в период послевоенного восстановления хозяйства Ленинграда 50

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

З.Г. Сактаганова

Советская модель государственной религиозной политики
в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев
во второй половине XX в. 60

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Л.А. Самарина

«Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги
в России второй половины XIX в. 77

ГЕНДЕР И ОБЩЕСТВО

Е.О. Тютин

Влияние индустриальной революции
на положение американской женщины в 1865–1914 гг. 89

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Л.Н. Семенова

От мирного детства к военному: страницы дневника
ленинградской школьницы Ларисы Ивановой 101

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

«...Я вышла замуж за любимого...»

Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967)

Публикация, комментарии и вступительная статья

В.В. Каминский, В.А. Верременко..... 109

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

С.В. Зайцева

Рецензия на сборник статей: *Everyday Life in Russia Past and Present /*

Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). –

Bloomington: Indiana University Press, 2015. – 430 p...... 151

Сведения об авторах..... 165

Contents

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

V.N. Shaidurov

Features of the economic life of the Ukrainian peasants
in Western Siberia in the late XIX – early XX century.....9

Ye.I. Medeubayev

Soviet policy in the housing sector in the cities of Kazakh
and Turkestan ASSR in the period of "war communism" (1918–1921) 23

ECONOMIC DAILY LIFE

V.N. Benda

Engineering problems in the military and civilian spheres of security
of the Russian state at the beginning of the XVIII century 35

E.S. Kotova

"Green building" Management Features in the period
of post-war reconstruction of Leningrad economy 50

GOVERNMENT AND SOCIETY

Z.G. Saktaganova

Soviet model of the state religious policy in Kazakhstan
and the religious daily life of the Kazakstanis
in the second half of the XX century 60

EVERYDAY LIFE OF CERTAIN SOCIAL GROUPS

L.A. Samarina

"Bastards stole all": theft among domestic workers in Russia
in the second half of the XIX century 77

GENDER AND SOCIETY

E.O. Tiutina

Impact of Technological Innovations on American Women
in 1865–1914`s 89

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

L.N. Semenova

From peaceful to wartime childhood: Diary pages of the Leningrad
schoolgirl Larissa Ivanova 101

PUBLICATION OF DOCUMENTS

“... I was married to a loved one ...”

Memoirs of O.M. Menitskaya-Zommar (01.03.1874–31.01.1967)

Publishing, comments and introductory article

V.V. Kaminsky, V.A. Veremenko 109

RESPONSES, REVIEWS

S.V. Zaitseva

Review of the Collection of Articles: Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). –

Bloomington: Indiana University Press, 2015. – 430 p. 151

About authors 166

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(571+477)"18/19"
ГРНТИ 03.23: История России

В.Н. Шайдуров

Особенности экономической жизни украинских крестьян в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.

В результате активного переселенческого движения в азиатской России произошёл резкий скачок численности населения, был дан импульс экономическому развитию Сибири, Дальнего Востока. Возникли национальные общины. Одной из самых крупных была украинская община (более 700 тыс. чел.). В современной научной литературе большое внимание уделено истории еврейской, польской, немецкой общин. Жизнь украинцев в Сибири остаётся в тени истории русского населения региона. Но украинская община имела специфические черты как процессов формирования, так и особенностей развития в новых условиях. Особо стоит вопрос об адаптации украинцев в Сибири. В статье определены этапы формирования украинской общины в Сибири и анализируются их характеристики (география прежнего и нового мест жительства, динамика переселения и ее результаты), выявлены особенности адаптации украинцев к новым условиям. Главным источником для статьи послужили опубликованные и архивные материалы обследований переселенцев, которые раньше не были использованы учеными.

Ключевые слова: Российская империя, Западная Сибирь в начале XX в., крестьянское переселение, украинцы в Сибири, экономическая адаптация, земледелие.

V.N. Shaidurov

Features of the economic life of the Ukrainian peasants in Western Siberia in the late XIX – early XX century

The active resettlement campaign in Asiatic Russia resulted in a dramatic leap in the population and gave impetus to the economic development of Siberia and the Far East. This also gave rise to new ethnic communities. One of the largest groups was the Ukrainian community (more than 700 thousand people.). Current scientific literature pays much attention to the history of Jewish, Polish, and German communities. The life of Ukrainians in Siberia remains in the shadow of the history of the Russian population in the region. But the Ukrainian community had specific features which distinguished the processes how it formed and developed in the new environment. The issue of the adaptation of Ukrainians in Siberia is of particular interest. The article identifies stages in the formation of the Ukrainian community in Siberia and analyzes their characteristics (ge-

ography of previous and new places of residence and migration dynamics and results), examines the features describing how Ukrainians adapted to their new conditions. The main source for this article has been provided by published and archival materials of migrant surveys that have not been previously used by researchers.

Key words: The Russian Empire, Western Siberia in the 20th century, peasant resettlement, Ukrainians in Siberia, economic adaptation, agriculture.

Активное крестьянское переселение в Сибирь началось еще в XVIII в. Наиболее перспективными были южные районы Томской губернии. В миграционном потоке XVIII – первой половины XX в. преобладали крестьяне из земледельческих губерний Европейской России (Саратовская, Самарская, Казанская, Нижегородская). В течение 1846–1860 гг. основной поток мигрантов в Тобольскую губернию состоял из переселенцев Смоленской, Витебской, Псковской, Орловской, Курской, Калужской, Воронежской губерний [1, с. 74]. Как мы видим, до середины XIX в. крестьяне малороссийских губерний не участвовали в межрегиональной миграции.

Однако это вовсе не означает, что украинцев не было в Сибири. Основной причиной их появления в Сибири стала ссылка. По данным Е. Анучина, лишь 0,8 % сосланных за уголовные и административные преступления в 1827–1837 гг. были выходцами из малороссийских губерний¹ [2, с. 188]. Основная масса ссыльных была отправлена в Сибирь за бродяжничество. Надо сказать, что уровень преступности в малороссийских губерниях был гораздо ниже, чем в соседних губерниях Новороссии (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская).

Активная деятельность Министерства государственных имуществ была направлена на улучшение положения государственных крестьян и заселение окраинных регионов. Именно поэтому появились представители украинской национальности в Западной Сибири, о чем упоминается в источниках. Так, в «Памятной книжке Акмолинской области на 1912 г.» говорится о проведенном по распоряжению правительства в 1846–1850 гг. переселении «малороссийских» казаков и крестьян Оренбургской и Саратовской губерний (3 852 чел.), которые заняли лучшие земледельческие участки в Кокчетавском уезде Акмолинской области и образовали там богатые и многолюдные станицы [3, с. 7].

Наиболее полную информацию о численности украинцев дает первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. По ее данным, на территории Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области на этот момент проживало ок. 190 тыс. украинцев. Их распределение в регионе было крайне неравномерным. Самая крупная община была в Томской губернии (53 % или ок. 100 тыс. чел.), а

---

¹ Волынская, Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская губернии.

самая малочисленная община была представлена в Тобольской губернии (20 % или ок. 38 тыс. человек). В общей массе населения удельный вес малороссов был невелик и составлял в Тобольской губернии 2,64 %, в Томской – 5,2 %, в Акмолинской – 7,5 % [4, с. 52, 53, 55; 5, с. 84–87; 6, с. 76–81]. По этому показателю в Тобольской и Томской губерниях они делили второе место с татарами. В Акмолинской области они занимали третье место, уступая казахам и русским. Одной из специфических черт украинской общины стал ее исключительно аграрный характер – почти 98% украинцев проживало в сельской местности. В этом отношении она ничем не отличалась от белорусской общины, которая тоже была сконцентрирована преимущественно в деревне.

За 1897–1913 гг. численность украинской общины в Сибири выросла в несколько раз. Так, только в Западной Сибири она увеличилась с 137 тыс. до 376 тыс. Произошел скачок в соотношении украинцев и прочего населения Сибири: в Западной Сибири с 4,1 до 5,7 % и в Восточной Сибири с 1,9 до 4,6 % [7, с. 60].

В дальнейшем общественно-политические и экономические потрясения в России способствовали переселению в Западную Сибирь украинцев. Миграционный поток и естественный прирост населения привел к тому, что в 1926 г. в регионе проживало почти 700 тыс. украинцев [8, с. 85–93].

Оказавшись в Сибири, украинцы должны были адаптироваться на новом месте жительства. Уже во второй половине XIX в. определилась экономическая направленность украинской общины в Сибири. Главным занятием, как и на старом месте жительства, было земледелие. Сравнительные данные по Тобольской и Томской губерниям на 1897 г. вполне это подтверждают (см. табл. 1).

Таблица 1

*Хозяйственные занятия украинцев
в Тобольской и Томской губерниях (1897 г.)**

	Тобольская губерния		Томская губерния	
	<i>8964 семей</i>	<i>100,0%</i>	<i>18255 семей</i>	<i>100,0%</i>
Земледелие	7083	79,0	16153	88,5
Наемные рабочие	332	3,7	432	2,4
Изготовление одежды	287	3,2	276	1,5
Строительство	137	1,5	150	0,8
Работы на железной дороге	29	0,3	150	0,8
Ремесла	343	3,8	294	1,6
Прочее	753	8,4	800	4,4

* Таблица составлена по: 4, с. 52, 53, 55; 5, с. 84–87; 6, с. 76–81. Подсчет наш.

Как мы видим, подавляющая масса семей сохраняла традиционное занятие земледелием. С одной стороны, сказывалось доминирование в переселенческом потоке именно крестьян. С другой стороны, сказалось получение переселенцами более крупных земельных наделов, в сравнении с прежним местом жительства. Так, переселенцы из Черниговской губернии в среднем имели земельный надел в 8,7 дес. на семью, а переселенцы из Полтавской губернии – 6 дес. Это вселяло в них надежду на улучшение материального благосостояния. Свою роль сыграл крестьянский менталитет украинцев, которые не представляли свою жизнь в городе. Даже динамично развивавшиеся на рубеже XIX–XX вв. такие сибирские города, как Омск, Томск, Барнаул, Ново-Николаевск не могли обеспечить рабочие места всем желающим. При этом в деревне, как мы видим, от 10 до 20 % украинцев зарабатывали на жизнь иными способами. Они были наемными рабочими на заводах и фабриках, занимались ремеслами. В эти сферы уходили те крестьяне, которые не смогли наладить хозяйство на новом месте жительства.

О характере адаптации украинцев в Сибири мы можем говорить на основе материалов статистических обследований, которые проводились в Западной Сибири и охватывали, в том числе, переселенцев из малороссийских губерний. Всего таких обследований мы можем выделить три. Первое обследование было проведено в переселенческих поселках Тобольской губернии в конце 1880 – начале 1890-х гг. Их результаты были опубликованы в 1895 г. [9]. Второе обследование было проведено статистиками в Томской губернии в 1911–1912 гг. Результаты были опубликованы в 1913 г. [10]. Третьим обследованием стала Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. В Сибири перепись была проведена в августе и охватила практически 100 % крестьянских хозяйств. Погрешность по результатам выборочной проверки составила по разным показателям от 0,5 до 1,5 %. К сожалению, начавшаяся Гражданская война в России и экономическая разруха помешали обработке и публикации полных результатов переписи 1917 г. В 1920-х гг. были опубликованы ограниченные сведения. Мы будем использовать информацию, полученную при обработке анкет переписи 1917 г., которые в небольшом количестве сохранились в региональных архивах.

В Сибири второй половины XIX в. украинцы быстро утрачивали свою идентичность. В первую очередь, это объяснялось их совместным проживанием в одних поселениях с русскими и сибиряками, а с другой стороны, этот процесс был обусловлен рассеянием украинцев внутри регионов. Один из очевидцев писал в конце XIX в., что «курские хохлы в течение пятилетнего пребывания в Сибири, значительно утратили черты своей малорусской жизни и усвоили сибирские» [9, с. 90].

На новом месте жительства украинцы сталкивались с различными проблемами. Очень сложно было приспособиться к новым природно-климатическим условиям. В холодную сибирскую зиму спасала близость леса, в котором заготавливают дрова. Дома строили традиционные: бревна обрабатывали внутри дома и снаружи, стены обмазывали глиной. В дальнейшем украинцы перестали обрабатывать бревна, так как в этом случае стены зимой не промерзали.

Необходимо было время и деньги для покупки необходимой сельскохозяйственной техники. На родине украинцы пахали землю плугом. В Сибири его можно было использовать только для обработки уже освоенных земель. На целине такие плуги ломались, и украинцы вынуждены были применять сибирскую соху.

В первые годы жизни на новом месте украинцы пытались сохранить прежнюю структуру земледелия. Они сеяли гречиху, просо, кукурузу, фасоль, арбузы, дыни, сажали яблони и груши. Однако все эти сельскохозяйственные культуры не были адаптированы к местным природно-климатическим условиям. Урожай зависел от природы. От нее в этой ситуации зависело и благосостояние украинских крестьян. Исключение составил лишь табак, который давал хороший урожай в местных условиях [9, с. 91].

Большую роль в жизни украинцев на старом месте жительства играли кукуруза и овощные культуры, в том числе фасоль. Интересный факт зафиксировали польские историки при изучении польско-украинских колоний в Аргентине: на долю кукурузы в структуре посевов приходилось до 70 %, а овощных культур, включая фасоль, от 15 до 30% посевной площади [11, р. 140]. В мягком аргентинском климате украинцам в большей степени удалось сохранить традиционную для них структуру посева.

Уровень экономического благосостояния украинцев в первые годы проживания на новом месте жительства был крайне низкий. Причиной тому было отсутствие капитала для приобретения скота. Так, в пос. Лебединском Тобольской губернии в 1893 г. проживало 32 украинские семьи (переселенцы из Харьковской губернии). Статистическое обследование, которое было проведено чиновниками, показало, что пять семей не имеют лошадей для проведения полевых работ. В среднем, одна лошадь приходилась на одну семью, одна корова – на две семьи [9, с. 91].

Большие расстояния от украинских поселков до крупных административных и экономических центров (45–60 км) делало украинцев чрезвычайно зависимыми от старожилов, которые были более состоятельными. Именно они могли предоставить переселенцам дополнительный заработок. Наибольшее распространение получила поденная работа в летне-осенний период: уборка урожая, молотьба, уборка сена и др. Однако оплата труда была очень низкой. Местные торговцы из

старожилов предоставляли украинцам небольшие кредиты деньгами, давали в долг хлеб.

Все это делало экономическое положение мигрантов более тяжелым. Далеко не все смогли приспособиться к новым суровым условиям жизни. Распространенным явлением была обратная миграция, которая составляла до 25–30 %. Однако отмечался и рост благосостояния в украинских поселках, зависевший от срока проживания. Так, в пос. Черниговка Тобольской губернии (первые украинцы этого поселка пришли в Сибирь в 1886 г. из Черниговской губернии) мы наблюдаем к 1893 г. следующую картину: на 24 семьи приходилось 77 лошадей, 67 коров, молодой скот – 82 шт. [9, с. 107].

Таким образом, процесс адаптации шел достаточно тяжело. Сказывалось бедственное материальное положение крестьян, которые переселялись из Малороссии в Сибирь. Денег, которые крестьяне получали от продажи на старом месте жительства земельного участка, дома, скота едва хватало на проезд в Сибирь. Многие крестьяне говорили чиновникам, что все деньги они проели. До начала 1900-х гг. правительство не выделяло им денежные пособия. Поэтому крестьяне должны были рассчитывать только на собственные силы. В результате у них не было средств, на которые можно было на новом месте жительства купить необходимый скот (коровы, лошади), рабочий инвентарь, построить жилище и надворные постройки. Удаленность от основных транспортных путей и крупных городов лишала их возможности найти дополнительный заработок.

В начале XX в. в сибирской деревне начинается активное развитие капиталистических отношений. Именно переселенческая деревня наиболее адекватно реагировала на вызовы времени. В отличие от старожилов переселенцы были гораздо слабее связаны общинными отношениями, а сам процесс переселения в Сибирь и обустройство на новом месте способствовали активизации экономической дифференциации общества. В итоге это привело к углублению социально-имущественного расслоения общества, развитию товарно-денежных отношений, арендных отношений, капитализации крестьянского хозяйства и др.

В 1912 г. начался постепенный спад переселенческого движения в Сибирь. Оказавшиеся здесь столыпинские переселенцы, в том числе и пришедшие сюда из малороссийских губерний, активно включались в экономические процессы. Этому способствовало изменение государственной переселенческой политики. Следует помнить, что переселение из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток перестало быть стихийным. Большое число чиновников переселенческого управления занималось обустройством крестьян на новом месте жительства. Крестьяне-переселенцы должны были за проезд платить только 25 % железнодорожного тарифа. От государства они получали беспроцентную ссуду в размере 160 р. В течение первых пяти лет прожи-

вания в Сибири легальные переселенцы были освобождены от уплаты всех налогов и сборов, в следующие пять лет они платили лишь 50 %. Наконец, была установлена норма надела земли в 15 дес. на одного мужчину в семье [12, с. 27]. Все это создавало благоприятные условия для устройства эффективного хозяйства.

Основной поток украинских переселенцев направился на юг Западной Сибири. В первую очередь, переселенцев привлекала Барабинская степь. Местные природно-климатические условия были близки к малороссийским. Это должно было способствовать их адаптации.

В этом регионе украинцы оказались соседями немецких переселенцев, которые пришли сюда в большом количестве из Поволжья и губерний Новороссии. У немцев они заимствовали новую для себя систему землевладения. Если на старом месте жительства господствовала система общинного распределения земли между крестьянскими семьями, то в Сибири они перешли к подворному землевладению: каждая семья стала владельцем собственного земельного надела и могла распоряжаться им по собственному желанию.

Одним из самых больших переселенческих поселков, основанных украинскими переселенцами, стало село Архангельское, расположенное в 200 км к юго-востоку от г. Омска. Это переселенческое общество получило в 1907 г. 10 тыс. дес. земли, из которых 6 тыс. дес. в 1910 г. уже были обработаны [13, с. 31].

Адаптационные процессы в экономической сфере для украинцев протекали в целом благополучно. Одним из признаков улучшения экономического благосостояния переселенцев стало увеличение размера пашни в расчете на одно хозяйство. Так, из 1 188 обследованных украинских семей почти 42 % имели пашню площадью от 3 до 9 дес., а 21,1 % семей – более 9 дес. [10, с. 4]. Следовательно, более 60 % семей переселенцев значительно улучшили свое положение. Это можно показать и на примере выходцев из отдельных малороссийских губерний (см. табл. 2).

Таблица 2

Размеры пашни у украинских переселенцев разных губерний*

Размер пашни	Полтавская губерния		Харьковская губерния		Черниговская губерния	
	семей	%	семей	%	семей	%
Без посева	9	5,9	8	4,5	2	3,5
До 1 дес.	13	8,6	9	5,1	4	7
1–3 дес.	48	31,8	43	24,4	19	33,9
3–9 дес.	56	37,1	83	47,2	29	51,8
Больше 9 дес.	25	16,6	33	18,8	3	3,8

* Таблица составлена по: 10. Подсчет наш.

Как мы видим, положительная динамика прослеживается и в этом случае: у подавляющего большинства переселенцев на новом месте жительства были гораздо большие размеры пашни, чем на родине. При этом следует помнить, что крестьяне имели еще землю под усадьбу (как правило, 0,1–0,2 дес.), покос и выгон.

Эта картина будет неполной без сравнения с русскими и немецкими крестьянами, которые жили в соседних переселенческих поселках. Так, в немецких поселках почти 60 % семей имело пашню больше 9 дес., в русских поселках – только 13 %. Около 11 % украинских крестьянских семей в Сибири было связано не с сельским хозяйством, а продажей рабочей силы и ремеслом. В то же время в немецкой деревне этот показатель составил 4 %, а в русской деревне – 7,5 %. До 21,1 % украинских хозяйств было ориентировано на рынок. Большой земельный надел давал необходимое количество хлеба для семьи и излишки для продажи. В русской деревне только 13 % хозяйств носило товарный характер. Самый высокий уровень товарности был в немецкой деревне – 59,5 %.

Земледелие, как мы уже отмечали, являлось основным занятием украинских переселенцев. Переселившись в Западную Сибирь они столкнулись здесь с различными вариантами агрикультуры: от заимо-чно-захватной у старожилов до четырехпольной у переселенцев из немецких колоний Юга России. Современники неоднократно отмечали факт культурного воздействия немцев-колонистов на своих соседей. То же самое наблюдалось на Юге Западной Сибири. Одно из них касалось перехода от общинного землевладения к индивидуальному. При этом крестьяне-малороссы говорили, что свою-де легче пахать.

Выбор сельскохозяйственных культур во многом был обусловлен природно-климатическими условиями. В первые годы проживания в Сибири переселенцы стремились вести хозяйство так, как это было принято на прежнем месте жительства. Однако очень быстро они понимали, что необходимо обратиться к опыту старожильского населения, заимствовав у него семенной материал. В то же время выходцы из малороссийских губерний способствовали распространению в степных районах Юга Западной Сибири бахчевых культур. Это превращало общение старожильского и переселенческого обществ в подобие агрикультурного диалога.

Основной зерновой культурой у переселенцев была яровая пшеница местных твердых сортов, на долю которой приходилось до 75–80 % посевной площади. На втором месте находились ячмень и овес, занимавшие ок. 15–20 %. Прочие зерновые культуры в структуре посева отсутствовали. Незначительная часть посевной площади была занята у украинцев под техническими культурами (подсолнечник, картофель, табак), в отдельных районах – под бахчевыми [14–16].

Украинские переселенцы оказались в регионе с колоссальным экономическим потенциалом. Так, в первые годы они обрабатывали только часть полученной земли. Сохранялся очень большой фонд целины, который давал возможность увеличивать размер пашни.

Степь позволяла получать в первые годы большие урожаи. Появление на Юге Западной Сибири сотен тысяч крестьянских земельных хозяйств резко увеличило производство зерна и объемы его продажи. В начале XX в. существовало несколько фирм, которые занимались скупкой зерна у крестьян. Крупнейшими фирмами были Торговый дом «А.И. Винокуров и сыновья», «В.А. Горохов», «Васловский и Фрей». В 1914 г. было образовано акционерное общество «Алтайская фабрично-промышленная компания», которая стала одним из крупнейших переработчиков зерна [17. Л. 29].

В 1910-х гг. товарность крестьянского хозяйства в Сибири росла быстрыми темпами. Однако развитие зернового рынка тормозилось отсутствием развитой транспортной сети. Главными транспортными путями по-прежнему являлись реки Обь, Иртыш, Алей. По ним хлеб доставлялся на железнодорожные станции Омска, Ново-Николаевска. В дальнейшем по Сибирской железной дороге хлеб отправляли в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Однако речной транспорт носил сезонный характер, перевозка хлеба по суши была нерентабельной. Выход из сложившейся ситуации был в развитии сети железных дорог.

Необходимость железнодорожного строительства понимали сами крестьяне, благополучие которых зависело от объема проданного зерна. В 1910 г. Сибирь посетил премьер-министр П.А. Столыпин. Крестьяне обратились к нему с просьбой о строительстве железной дороги от села Славгород до Сибирской железной дороги.

В 1913–1915 гг. была построена частная Алтайская железная дорога от Семипалатинска до Ново-Николаевска. Главным акционером стал Русско-Французский банковский синдикат. Строительство железной дороги позволило вывозить зерно из южных районов Алтая. В 1917 г. было завершено строительство Кулундинской железной дороги между городом Славгородом и станцией Татарская, которая соединила один из крупнейших динамично развивавшихся переселенческих районов Сибири с Сибирской железной дорогой (в 1910 г. здесь проживало ок. 600 тыс. крестьян, которые обрабатывали более 5 млн дес. земли).

Развитие транспорта и торговли способствовало росту товарного крестьянского хозяйства. В годы Первой мировой войны и накануне её оно развивалось по двум направлениям. С одной стороны, сохранялось доминирование продажи хлеба как главного источника формирования семейного бюджета. С другой стороны, все большее значение стало играть участие в производственной кооперации, которая была связана с производством сливочного масла.

Общее экономическое развитие Сибири способствовало улучшению материального благосостояния крестьян. Это же можно сказать и об украинских крестьянах. К 1917 г. уже ок. 50 % украинских переселенческих хозяйств были обеспечены достаточным количеством рабочего скота и имели значительный земельный надел (св. 10 дес.). На основе этих признаков они могут быть охарактеризованы как буржуазные. В то же время доля бедняцких хозяйств сохранялась на уровне ок. 11 % [14–16]. Это свидетельствует о том, что с увеличением срока проживания в Сибири крестьяне увеличивали поголовье рабочего скота и приобретали технику, что было необходимо для обработки земли и уборки урожая.

1910-е гг. демонстрируют высокие темпы развития хозяйства. Использование в хозяйстве сложной техники стало достаточно рентабельным: жнейка-лобогрейка, как правило, окупалась в течение одного сезона. Однако высокая цена не позволяла всем желающим ее приобрести. Одним из путей выхода из сложившейся ситуации становилась ее аренда. Украинцы не стали исключением. Степень распространения аренды сельхозтехники была достаточно высокой (см. табл. 3).

Таблица 3

Аренда уборочных машин у различных категорий населения Алтая, 1917 г. (на 10 хозяйств)*

	Жнейки	Веялки
Немцы	2,66	2,56
Русские	3,75	4,06
Украинцы	4,14	8,6

Заметную роль в украинских хозяйствах стало играть стойловое животноводство. Тут также отмечались заимствования у аборигенного населения. Так, в степных районах Прииртышья украинцы заимствовали у казахов породистых курдючных овец, а в некоторых селениях в качестве тягловой рабочей силы появлялись верблюды [25, с. 21]. Однако по уровню обеспеченности скотом украинцы уступали прочим категориям населения. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 2,6 лошадей, 1,6 коровы. У русских переселенцев эти показатели были 3,1 и 1,9. Всего средняя обеспеченность украинских крестьян всеми видами домашнего скота составляла 10,2 (у немцев – 13,2, русских переселенцев – 16,6, эстонцев – 27,8) [14–16, 18–24].

В Сибири малороссы вынуждены были отказаться от использования в качестве тягловой рабочей силы волов и использовать лошадей. Крупный рогатый скот разводился в первую очередь с целью получе-

* Таблица составлена по: 14–16, 18–24. Подсчет наш.

ния мясомолочных продуктов. В начале XX в. в Сибири начался маслодельческий бум, который резко повысил рентабельность этого направления в животноводстве. Распространение накануне Первой мировой войны системы маслодельческих кооперативов привело к резкому увеличению поголовья крупного рогатого скота в переселенческих поселках, в том числе и у украинцев. Разведение овец и свиней в это время было достаточно слабо представлено у малороссов.

Все большее значение приобретал крупный рогатый скот. В первую очередь это было связано с бурным развитием производства сливочного масла. Одновременно с этим росла рентабельность молочного животноводства. Если в конце XIX в. корова давала доход от 5 до 7 р. ежегодно, то в начале XX в. ее доходность выросла в два с половиной – три раза [26, с. 73].

Экономическое развитие украинской переселенческой деревни включало в себя не только постоянный рост производства сельскохозяйственной продукции. Одна из основных задач, возникших перед украинскими крестьянами, заключалась в переработке продукции, которую они производили как для собственного потребления, так и для реализации на рынке.

В регионе в начале XX в. бурно развивались отрасли пищевой промышленности и прежде всего переработка зерна. Анализ прошений на право строительства мельниц на территории Сибири свидетельствует о том, что сами украинцы в силу недостаточности или отсутствия капиталов приняли слабое участие в строительстве перерабатывающих предприятий. Как правило, они вынуждены были сдавать земельные участки в аренду под сооружение мельниц с нефтяными двигателями русским или немецким предпринимателям, оговаривая для себя фиксированную цену за помол одного пуда зерна.

В конце XIX в. в Сибири появились первые механические сепараторы, которые значительно облегчили процесс отделения сливок. Механизация труда позволила резко увеличить производительность отрасли. Первоначально в Сибири открывались частные маслодельные заводы, на которые крестьяне сдавали молоко. Однако закупочная цена была крайне низкой. Это заставило крестьян открывать собственные кооперативные маслодельные заводы. В отличие от мукомольной мельницы, они не требовали больших капиталовложений. Такой завод помещался в крестьянском доме. Основные деньги тратились на приобретение сепаратора и оборудования, необходимого для технологического процесса производства сливочного масла. Практически в каждой украинской деревне в Сибири действовала собственная маслодельческая артель. По нашим подсчетам, ок. 50 % украинских хозяйств степной части Сибири было вовлечено в маслодельную кооперацию [14–16]. Артели производили продукцию достаточно высоко-

го качества, которая в дальнейшем продавалась датской «Сибирской компании» для экспорта в страны Европы.

Таким образом, крестьянский характер переселения определил включение украинцев в аграрный сектор экономики Сибири. Незначительная часть мигрантов не смогла адаптироваться в новых условиях и вынуждена была перейти в ремесло и категорию наемных рабочих.

Изменение государственной политики в начале XX в. значительно облегчило адаптацию украинских крестьян-переселенцев в Сибири. Постепенно они оказываются втянутыми в капиталистические отношения. Украинские хозяйства, основанные на заимствованном у немцев подворном землевладении, представляли собой средние и мелкие хозяйства фермерского типа, которые были вовлечены в товарное производство сельскохозяйственных продуктов. Уровень их благосостояния постепенно рос. Однако Гражданская война в России и экономическая разруха нанесли серьезный удар по крестьянскому хозяйству. Его восстановление произошло только в условиях изменившейся общественно-экономической системы в годы нэпа.

Список литературы

1. Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. – Пг., 28-я Государственная типография, 1922. – С. 17–79.

2. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг.: материалы для уголовной статистики России. – СПб., 1873. – 246 с.

3. Статистические сведения о состоянии Акмолинской области. Колонизация. Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 год. Омск, Акмолинская областная типография, 1912. – С. 1–40.

4. Акмолинская область. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81 / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Типография Центрального статистического управления МВД, 1904. – 138 с.

5. Тобольская губерния. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78 / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Типография Центрального статистического управления МВД, 1905. – 248 с.

6. Томская губерния. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79 / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Типография Центрального статистического управления МВД, 1904. – 246 с.

7. Романцов О.В. Українці на одвічних землях (XVIII – початок XXI століття). К., Видавництво імені Олени Телеги, 2004. – 200 с.

8. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Выпуск 4: Народность и родной язык населения СССР / под ред. Т.И. Семенова. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. – XXIX, 138, [1] с.

9. Станкевич А. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 1870-х до 1893 года). – СПб.: Типография С. Яковлева, 1895. – 541 с.

10. Нагнибеда В.Я. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Вып. 2. – Томск: Типография В. Перельмана, 1913. – 466 с.

11. Stemplowski R. Slowianskie gospodarstwo rolne w Misiones (1897–1939) // Polacy, Rusini i Ukrain'cy Argentyn'czycy. Osadnictwo w Misiones. 1892–2009. Ed. R. Stemplowski. Warszawa, 2011. – P. 135–194.
12. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул, Издательство Алтайского государственного университета, 2013. – 348 с.
13. Воцинин Н. На сибирском просторе. Картины переселения. – СПб., 1912. Типография "Наш век". – 100 с.
14. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 233 – Алтайская губернская земская управа. Оп. 1-б. Д. 411.
15. ГААК. Ф. 233. Оп. 1-б. Д. 575.
16. ГААК. Ф. 233. Оп. 1-б. Д. 576.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 23 – Министерство торговли и промышленности. Оп. 11. Д. 1014.
18. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 799.
19. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 800.
20. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 801.
21. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 803.
22. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 805.
23. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 810.
24. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 812.
25. Томилов Н.А., Реммлер В.В. Украинцы Западной Сибири // Информационно-методический бюллетень российских немцев Омской области «Культура». – Омск, 2004. – С. 18–25.
26. Звездин Л. Как возникло и развивалось в Тобольской губернии маслоделение // Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. – Тобольск, 1910. – С. 66–83.

References

1. *Bakhrushin S.V. Istoricheskii ocherk zaseleniya Sibiri do poloviny 19 v.* [A historical sketch of settlement of Siberia until the middle of the 19th century] // *Ocherki po istorii kolonizatsii Severa i Sibiri* [Essays on the history of the colonization of the North and Siberia]. Vypusk 2. Petrograd, 28-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1922. – S. 17–79.
2. *Anuchin E.чN. Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 gg.: materialy dlya ugovovnoi statistiki Rossii* [Research into the percentage of exiles in Siberia in the period between 1827–1846: Materials for Russian criminal statistics]. – St. Petersburg, 1873. – 246 s.
3. *Statisticheskie svedeniya o sostoyanii Akmolinskoi oblasti. Kolonizatsiya* [Statistical information on the state of the Akmola region. Colonization] // *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Akmolinskoi oblasti na 1912 god* [Memorial book and address-calendar of Akmola region for 1912]. – Omsk: Akmola region Press, 1912. – S. 1–40.
4. *Akmolinskaya oblast'. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [Akmola oblast. The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. Ed. N. Trojnitsky. Vol. 81. Bechaskov, P. (ed.). – St. Petersburg, M.Ya. Minkov Publ.: 1904. – 138 s.
5. *Tobol'skaya guberniya. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [Tobolsk governorate. The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. Ed. N. Trojnitsky. Vol. 78. – St. Petersburg, M.Ya. Minkov Publ.: 1905. – 248 s.

6. *Tomskaya guberniya. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [Tomsk governorate. The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897]. Ed. N. Trojnitky. Vol. 79. Patkanov, S. (ed.). – St. Petersburg, M.Ya. Minkov Publ.: 1904. – 246 c.

7. *Romantsov O.V. Ukraintsi na odvichnikh zemlyakh (XVIII – pochatok XXI stolit-tya)* [Ukrainians on their native lands (18 – early 21 century)]. – Kiev: Olen' Telega Press, 2004. – 200 s.

8. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki. Vypusk 4: Narodnost' i rodnoi yazyk naseleniya SSSR* [All-Union population census of 17 December 1926 : a brief summary. Issue 4: Nationality and native language of population of the USSR] / T.I. Semenov (ed.). – Moscow, 1928. – XXIX, 138, [1] s.

9. *Stankevich A. Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoi gubernii za 15 let (s kontsa 1870-kh do 1893 goda)* [Materials for the study of life of migrants installed in the Tobolsk governorate over 15 years (from the end of 1870 until 1893)]. St. Petersburg: S. Yakovlev Press, 1895. – 541 c.

10. *Nagnibeda V.Ya. Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozenii pereselentsev v Tomskoi gubernii. Uezdy Barnaul'skii, Kainskii, Tomskii i Mariinskii.* [The collection of statistical data on the economic situation of migrants in the Tomsk governorate] Vol. 2. Ed. Nagnibeda, V. Ia. Tomsk, V. Perel'man Press, 1913. – 466 s.

11. *Stemplowski R. Slowianskie gospodarstwo rolne w Misiones (1897–1939) // Polacy, Rusini i Ukrain'cy Argentyn'czycy. Osadnictwo w Misiones. 1892–2009.* Ed. R. Stemplowski. Warszawa, 2011. – P. 135–194.

12. *Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: pereselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya* [Stolypin migrants in the Altai district: resettlement, land supply, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Altai State University Press, 2013. – 348 s.

13. *Voshchinin N. Na sibirskom prostore. Kartiny pereseleniya* [In the Siberian expanse. Picture relocation]. St. Petersburg: Tipografiya "Nash vek", 1912. – 100 s.

14. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya [State Archives of the Altai Krai] (dalee GAAK). F. 233 – Altai governorate Zemstvo. Op. 1-b. D. 411.

15. Tam zhe. F. 233. Op. 1-b. D. 575.

16. Tam zhe. F. 233. Op. 1-b. D. 576.

17. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive]. F. 23 – The Ministry of trade and industry. Op. 11. D. 1014.

18. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 799.

19. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 800.

20. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 801.

21. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 803.

22. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 805.

23. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 810.

24. GAAK. F. 233. Op. 1. D. 812.

25. *Tomilov N.A., Remmler V.V. Ukraintsy Zapadnoi Sibiri* [Ukrainians of Western Siberia] // *Informatsionno-metodicheskii byulleten' rossiiskikh nemtsev Omskoi oblasti «Kul'tura»* [Information-methodical Bulletin of the Russian Germans in the Omsk region "Culture"]. – Omsk, 2004. – S. 18–25.

26. *Zvezdin L. Kak vzniklo i razvivalos' v Tobol'skoi gubernii maslodeliye* [As it emerged and developed in the the Tobolsk governorate butter-making] // *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1910 g.* [Memorial book of the Tobolsk governorate in 1910]. Tobol'sk, 1910. – S. 66–83.

Е.И. Медеубаев

**Политика Советского государства в жилищной сфере
в городах Казахской и Туркестанской АССР
в период «военного коммунизма» (1918–1921 гг.)**

В данной статье освещаются некоторые аспекты политики Советского государства в городах Казахской и Туркестанской АССР в эпоху «военного коммунизма» (1918–1921 гг.). Основное внимание уделено политике в жилищной сфере. С помощью привлеченного фактического материала, почерпнутого из архивных источников, в статье делается попытка охарактеризовать процессы муниципализации и социализации частных домов и жилищ, национализации частного имущества, происходившие в городах КАССР и ТАССР. С опорой на архивные источники приводятся примеры статистических данных о численности городского населения, состоянии коммунального хозяйства. Проведение политики «военного коммунизма» в городах Казахской АССР и Туркестанской советской республики затруднялось их удаленностью от главных очагов советской власти, малочисленностью промышленных рабочих, военными действиями. Все это объективно предопределило особую роль насильственных методов в политике большевиков. Волны конфискации и реквизиции буквально захлестнули небольшие города Казахстана, став обычным явлением в повседневной жизни горожан.

Ключевые слова: «военный коммунизм», революция, Советское государство, конфискация, реквизиция, сопротивление, повседневность, советская власть, Казахстан, города Степного края и Туркестана в 1918–1921 гг.

Ye.I. Medeubayev

**Soviet policy in the housing sector in the cities of Kazakh
and Turkestan ASSR in the period of "war communism" (1918–1921)**

This article highlights some aspects of the policy of the Soviet state in the cities of Kazakh and Turkestan ASSR in the era of "war communism" (1918–1921). The focus is on the housing sector policy. Basing on the involved factual evidence derived from archival sources, the article attempts to study the processes of municipalisation and socialisation of private houses and dwellings, and the nationalisation of private property that took place in KASSR and TASSR cities.

The archival sources present the examples of statistics on urban population, condition and utilities. The implementation of the policy of "war communism" in the cities of the Kazakh ASSR and the Turkestan Soviet Republic was hampered by their remoteness from the main centers of Soviet power, the small number of industrial workers and military action. All these factors objectively predetermined the special role of violence in

the politics of the Bolsheviks. Waves of confiscations and requisitions literally swept small towns of Kazakhstan, becoming commonplace in everyday life of citizens.

Key words: "war communism", revolution, Soviet state, confiscation, requisition, resistance, everyday life, Soviet power, Kazakhstan, the cities of the Steppes and Turkestan in 1918–1921.

Изучение социально-экономического положения и обывательского бытия в городах Степного края и Туркестана эпохи «военного коммунизма» представляется очень актуальной и сегодня темой.

Вообще, изучение повседневной, обыденной жизни, рост внимания к «маленькому» человеку характерны для современной историографии. Ведь именно через психологию обывателя, через его изменившееся под воздействием произошедших социально-экономических и политических потрясений мировоззрение, мы можем лучше понять и осмыслить исследуемый период. И здесь важно отстраниться от идеологических штампов и пережитков прошлого, и по мере сил и возможностей, объективно и честно взглянуть на ту жестокую, и во многом противоречивую, эпоху глазами людей, обогащенных опытом современной жизни.

Конечно, в изучаемое время Степной край отличался от центральных и западных районов Российской империи невысоким уровнем урбанизации и более низкой плотностью населения. Тем не менее, применительно к этому времени можно говорить о том, что городское население Казахстана составляло заметную часть в социальной структуре общества. Приведем для наглядности данные Всероссийской переписи 1920 г. по Казахской АССР. Так, в Оренбурго-Тургайской губернии с населением в 1.411.628 чел. горожан насчитывалось 174.923 чел. Разумеется, самым крупным городом являлась столица республики г. Оренбург, в котором проживало 108.768 чел. Из 414.117 чел. населения Уральской губернии 41.930 чел. составляло городское население. Подавляющее большинство из них проживало в г. Уральске – 33 тыс. чел. В Семипалатинской губернии из 1.054.000 чел. населения горожан насчитывалось 81.472 чел. В крупнейшем городе губернии Семипалатинске проживало около 40 тыс. чел. В Акмолинской губернии, насчитывавшей в 1920 г. 1.295.000 чел, в городах проживало около 217 тыс. Если не считать Омска с населением в 140 тыс. чел., то самым крупным городом Акмолинской губернии являлся 50-тысячный Петропавловск. Наименее значительной и по площади занимаемой территории, и по количеству населения (209.451 чел. по переписи 1920 г.) являлась Букеевская губерния. Тем не менее, на ее территории находились два города. Именно города, как они указывались и в данных переписи, и на административных картах, несмотря на явную малочисленность. Это город Степной (Джаныбек) – 1.746 чел. и центр губернии г. Урда (Ханская ставка) – 2.024 чел.

населения [З. Л. 173–176]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что в исследуемый период, несмотря на численное преобладание жителей деревни и аула в составе населения Казахстана, горожане играли большую роль, особенно в политической жизни края, а городская экономика в народном хозяйстве занимала важное место. Здесь следует учитывать и традиционно густонаселенные города казахского Туркестана: Перовск, Чимкент, Туркестан, Аулие-Ата, Верный и др.

В сущности, трудно ответить на вопрос, когда конкретно, согласно какому декрету или распоряжению большевистского правительства начался процесс массовой экспроприации частного имущества, муниципализации частных домов и жилых строений в городах Степного края и Туркестана. Очевидно, что на этот вопрос однозначного ответа и нет. Бесспорно, первоотлчком этим процессам послужили непосредственно события Октября 1917 г. Сама революция, с ее резкими спонтанными проявлениями, дала санкцию на противоправные действия, когда под лозунгами «социальной справедливости», «всеобщего равенства» началось гигантское перераспределение частной собственности и материальных благ. Во многом это был неуправляемый процесс, потому что в принципе все было отдано на откуп творческой самодеятельности огромной массы людей, всколыхнутой революцией. Революционный кризис принял необузданный характер, когда на поверхность вышли все низменные страсти; в такой момент на авансцену, к сожалению, выходят люди далеко не с самыми лучшими человеческими качествами, которые, как гласит старая истина и доказывает исторический опыт, пользуются плодами революции. В такой ситуации никаких правовых обоснований для экспроприаторских акций со стороны государства, по сути дела, не требовалось.

Если все же попытаться конкретизировать законодательную базу действия большевистского государства в области частноправовых отношений, то здесь можно выделить те декреты, которые явились ключевыми в процессе уничтожения прав на частную собственность в городе. Во-первых, это декрет СНК, подписанный В.И. Лениным, о запрещении сделок с недвижимостью. Согласно этому документу, действие которого вступало в силу с 18 декабря 1917 г., ввиду предстоящего обобществления городской земли запрещались какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т.п. всех недвижимостей и земель в городах. Наблюдение за исполнением данного декрета возлагалось на местные Советы рабочих и солдатских депутатов. 16 апреля 1920 г. вышел декрет СНК РСФСР о реквизиции и конфискации частного имущества. В дополнение и развитие к этому декрету вышло постановление СНК РСФСР, действие которого вступало в силу с 20 сентября 1920 г. Согласно этому постановлению «... имущество лиц, проживавших в местностях РСФСР, которые были

временно заняты неприятельскими или контрреволюционными войсками, и добровольно ушедших с противникам при эвакуации ими означенных местностей, подлежит конфискации». При этом постановление о конфискации должно было исходить от местных исполкомов и ревкомов, а конфискованное движимое имущество передавалось органам, ведающим «бесхозным» имуществом, в порядке указанного декрета СНК РСФСР. И, наконец, одним из самых важных юридических документов большевиков, в корне изменявшем трактовку частноправовых отношений, явился декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [6. Л. 4, 5, 15].

По отношению к владельцам частных домов и квартир в городах Казахстана революционное государство в полной мере применило репрессивно-террористические методы политики «военного коммунизма». Конфискация и реквизиция стали главными способами решения государственных проблем в области жилищного хозяйства и удовлетворения потребностей в служебных и хозяйственных помещениях. Так, в марте 1918 г. в Усть-Каменогорске был конфискован дом Степанова под помещение для Красной гвардии [10. Л. 8]. Для размещения оборудования укрупненных после национализации текстильных мастерских Уральский облСНХ по предложению фабзавкома текстильного предприятия в марте 1919 г. реквизировал дом частного владельца Паншева, находившийся в г. Уральске по Астраханской улице. При этом одной лишь реквизицией дома дело не ограничилось. Так как городская электростанция часто выходила из строя, не давая энергию на промышленные предприятия, то в числе другого имущества у Паншева был реквизирован и нефтяной электродвигатель [9. Л. 73, 93]. В том же Уральске в июне 1919 г. текстильным отделом облСНХ под склад для шерсти был реквизирован дом Решетова на Кирсановской улице [9. Л. 131]. 27 апреля 1920 г. Казревком обращался в жилищный отдел Оренбургского губисполкома с просьбой выдать мандат на занятие дома № 3 частного владельца Хайдарова, находившегося в г. Оренбурге, на углу Хлебной и Базарной площадей, под общежитие-коммуна для сотрудников Казревкома. 3 мая 1920 г. Казревком обращался в тот же самый орган с просьбой: «Прошу выдать мандат на право занятия дома и двух флигелей Серякова, находящихся на углу Кадетского переулка и Деевской площади, для учреждении органов управления Киргизского края» [1. Л. 89–98].

Здесь были приведены примеры реквизиции частных домов для государственных учреждений в г. Оренбурге. Что касается реквизиции и муниципализации домов и квартир частных хозяев непосредственно в этом городе, то этот процесс приобрел масштабный характер после образования Казахской АССР в октябре 1920 г., в связи с возросшими потребностями в зданиях и помещениях для государственных учреждений, когда Оренбург стал столицей республики. При этом, как пра-

вило, хозяева частных домов, где помещались государственные учреждения и ведомства, выселялись. Например, так была выселена семья Губайдуллиных, в доме которых разместились губернское и краевое управления народной связи [7. Л. 41]. Между тем существенная часть из фонда отчужденной жилищной собственности в Оренбурге уходила на обеспечение жильем формировавшейся партийно-государственной элиты КазАССР. Вообще, послереволюционное общество, вопреки широко продекларированным обещаниям и ожиданиям, ощутимо раскалывалось на власть и народ. В органы коммунального хозяйства республики поступали такие характерные записки: «С получением сего немедленно предоставьте квартиру...» [7. Л. 2]. Например, поступила записка следующего содержания: «Предлагаю немедленно представить квартиру из числа трех комнат для зам. председателя СТО КАССР тов. Шлейфера. О принятых мерах сообщить» [7. Л. 70].

Вместе с тем государство, проводя в первые годы советской власти строго ориентированную в классовом отношении социальную политику, пыталось улучшить жилищные условия рабочих. Для этого рабочие и советские служащие переселялись из бараков и плохого жилья в муниципализированные и конфискованные дома более зажиточных сограждан, которые, в свою очередь, выселялись на окраины города или подлежали так называемому, уплотнению. О таких процессах, проходивших в Оренбурге в 1920–21 гг., сообщается в архивных документах Главного управления коммунального хозяйства НКВД при СНК КАССР. В этих документальных материалах часто можно встретить многочисленные жалобы граждан в вышестоящие органы на незаконные действия местных властей. Так, на имя председателя Верховного трибунала КазАССР от жителя Оренбурга А.А. Быбина поступила жалоба на действия комиссии по улучшению быта рабочих. Эта комиссия в трехдневный срок выселяла на окраины города владельцев муниципализированных домов, таким образом, проводя «меры репрессивного характера против буржуазии». По словам подателя прошения, ни его самого, ни его семью в силу их материального положения нельзя отнести к классу буржуазии [5. Л. 4]. В связи с этим возникает риторический вопрос: а как на практике блюстители революционной справедливости определяли принадлежность человека и его семьи к аморфной, обтекаемой категории «буржуазия», по каким критериям? И где та грань, которая отделяет «буржуя» от «небуржуя»? Но с другой стороны, заведомо ясно, что все заявления и прошения подобного рода были в этих условиях совершенно бессмысленны, так как вектор направления, указанный Революцией, определял правомочность подобных экспроприаторских акций.

Продолжая рассматривать проблему перераспределения жилплощади в городах Казахстана в период «военного коммунизма», хотелось бы привести еще один пример. Атбасарский уездный исполком

своим приказом № 24 от 12 октября 1920 г. образовал чрезвычайную жилищную комиссию-тройку в составе представителей коммунального отдела, профсоюза, уездного исполкома. «Тройка» брала на учет все хорошие дома в г. Атбасаре и переселяла в них семьи красноармейцев и рабочих [12. Л. 44 об.]. В свою очередь, Атбасарский уездный экономический отдел в декабре 1920 г. приказом № 2 обязал всех домовладельцев г. Атбасара, у которых помещены на жительство рабочие и служащие, готовить пищу и отапливать комнаты, занимаемые квартирантами, за свой счет. В противном случае за неисполнение данного приказа следовало наказание в виде отправки в лес за дровами по трудовой повинности [11. Л. 147]. Таким образом, государство не только отнимало частную собственность у своих граждан, но и пыталось осуществлять тотальную регламентацию частной жизни людей.

Единая система управления муниципализированным частным недвижимым имуществом и социализированной землей в городах, расположенных на советской территории, сложилась постепенно в процессе становления и укрепления всего советского административно-бюрократического механизма управления государством. К 1920 г. руководство обобществленной частной недвижимостью и землей в городах от местных Совдепов и ревкомов перешло к сформировавшимся органам коммунального хозяйства. В масштабах РСФСР эта функция была возложена на НКВД, при котором действовало Главное коммунальное управление. В Казахской советской автономии этими вопросами занималось Главное управление коммунальным хозяйством НКВД КазАССР, которое непосредственно подчинялось Главному управлению коммунального хозяйства НКВД РСФСР [4. Л. 4–18]. Соответственно на местах, в разных городах, создавались коммунальные отделы, в ведение которых перешло городское обобществленное хозяйство. Деятельность такого хозяйственного органа можно рассмотреть на примере работы коммунального отдела г. Петропавловска, одного из крупных по численности населения городов Казахстана в исследуемый период.

Петропавловский коммунальный отдел был организован 8 ноября 1919 г., и до января 1920 г. существовал как подотдел местного СНХ. С января 1920 г. коммунальный отдел, разбитый на несколько подотделов, начал работать как самостоятельное подразделение ревкома. Кратко остановимся на выполнении функций каждого из подотделов, попутно делая дополнения и некоторые замечания, относящиеся к теме нашей публикации. В ведении технического подотдела находились городская электростанция, водопровод, механическая мастерская, городской склад. Электростанция не в состоянии была удовлетворить потребности города, энергия подавалась лишь в советские учреждения, предприятия и госпитали. В ведении хозяйственного подотдела также находились кладбища, похоронное бюро, ассенизационный

обоз, баня. В Петропавловске к этому времени были национализированы все крупные бани, находившиеся в частных руках: центральная баня, бани бывших владельцев Копнова, Литвинова, Бадретдинова. Квартирно-жилищный подотдел занимался учетом и распределением муниципализированного и конфискованного жилья. Учетно-распределительный подотдел брал на учет реквизированную и конфискованную мебель и другое частное движимое имущество и занимался их распределением.

Наиболее крупным являлся подотдел кварткомов. Он контролировал и руководил действиями всех 32 районных квартальных комитетов, на которые был поделен город. В обязанности каждого из райкварткомов входило: 1) учет населения на подведомственной территории и выдача продовольственных карточек; 2) учет всех лошадей и другого гужевого скота и осуществления контроля за тем, чтобы они работали в транспортно-мобилизационном отделе; 3) учет крупного рогатого скота и контроль за выполнением горожанами масляной и молочной разверстки; 4) организация трудовой повинности в городе и вылавливание дезертиров труда; 5) наблюдение за бесхозным недвижимым имуществом и выполнение всевозможных поручений исполкома, милиции, топливного комитета, транспортно-мобилизационного отдела, отделов труда, здравоохранения и других советских организаций. В обязанности земельного подотдела входило правильное хозяйственное использование социализированной городской земли: устройство огородов, посевов сельскохозяйственных культур, молочное дело, сенокосы и т. п. Подотдел общественного благоустройства ведал разбивкой новых кварталов, отводом усадеб, следил за содержанием в порядке мостов, тротуаров, состоянием улиц [8. Л. 7–8]. Нетрудно заметить, что в самом принципе устройства такой системы управления обобществленным городским хозяйством проглядываются некоторые утопические элементы социализма в том виде, в каком его себе представляли Фрэнсис Бэкон в «Новой Атлантиде» и Томазо Кампанелла в «Городе Солнца». В этих утопических государствах люди гармонично сочетали физический труд с умственным, работая не по принуждению, так как труд являлся занятием почетным и приятным. В этом смысле революционный романтизм эпохи «военного коммунизма» был во многом схож с мессианско-утопическими идеями мыслителей прошлого.

В южноказахстанских городах Туркестана вопросами муниципализации и управления частным недвижимым имуществом занимался отдел коммунального хозяйства при НКВД республики. В январе 1920 г. ТурЦИК утвердил положение о краевом коммунальном отделе, а с февраля начался процесс организации коммунальных хозяйств во всех городах Туркестана. В республике были разработаны положения об уездных горотделах комхоза и об отделах комхоза при облисполко-

мах. Эти положения были выработаны на основе тезисов 1 Всероссийского съезда заводов коммунального хозяйства. В введение комхозов городов Южного Казахстана вошли такие отрасли народного хозяйства, как жилищное дело, заведывание и эксплуатация земель и ирригационных сетей в пределах города, заведывание предприятиями общего пользования, имеющими местное значение, благоустройство города, организация работы транспорта, распределение топлива между жителями города и советскими учреждениями. Для отделов комхоза была разработана инструкция по учету и распределению жилья. Жилищному вопросу уделялось особое внимание. При горисполкомах создавались квартирно-жилищные отделы и хозяйственные части. Вместе с тем при национализации домов отсутствовал правильный учет квартир и регистрации жильцов. Несмотря на острый квартирный кризис, советские учреждения требовали предоставить отдельным лицам специальные комнаты. Лучшие дома в процессе муниципализации захватывались государственными учреждениями. Особенно активно процесс муниципализации домов в городах Туркестанской республики пошел с мая 1919 г. Муниципализации подверглись в основном дома, оцениваемые не ниже 10 тыс. р. по ценам 1914 г. Однако, с того времени большая часть частных домов явилась объектом купли-продажи, их стоимость повышалась, и они также попали под процесс обобществления [15. Л. 256–258; 14. Л. 43].

В соответствии с новой системой управления национализированным городским хозяйством южноказахстанские города этого периода делились на участки, кварталы. К каждому участку был прикреплен уполномоченный участковый смотритель. В каждом доме назначался домовый староста, который был обязан вести документацию по учету жильцов и квартир. Жильцы должны были иметь мандат на проживание в доме. Следует отметить, что муниципализированное городское хозяйство в городах Туркестанской республики быстро пришло в полный упадок, так как не хватало средств на его содержание. Закуп фуража, заготовка топлива, содержание объектов комхоза, городских дорог и улиц, ремонт зданий – все это требовало огромных расходов, увеличения кредитов [14. Л. 45]. Государство было не в состоянии экономически освоить всю массу муниципализированного частного недвижимого имущества.

Главным инструментом проведения политики «военного коммунизма» стало революционное насилие, уродовавшее общественную мораль. К сожалению, крайняя жестокость и экстремизм, характерные для процесса революционной ломки в городах Советской России, не обошли стороной и небольшие города Казахстана. На колониальной окраине людей, объявивших себя большевиками, таковыми чаще всего можно было считать только лишь условно. В большевистских Совдепах и ревкомах Степного края и Туркестана заседали и монархи-

сты-черносотенцы, и просто авантюристы, искавшие личную выгоду в складывающейся политической действительности и успешно орудовавшие под сенью советской власти. Показательной в этом отношении является ситуация, сложившаяся уже к концу 1917 – началу 1918 г. в уездном городе Сырдарьинской области Перовске. В городе была проведена тотальная конфискация домов и частного имущества жителей. Из свидетельства очевидцев: «Раньше, где бы то ни было на территории Туркестанской республики начались в Перовске реквизиции, которые очень немногим отличались от грабежей. К некоторым ремесленникам приходили ночью, забирали вещи, материалы и примитивные орудия кустарного производства. Перовский Совдеп вел ожесточенную классовую борьбу с портным, сапожником, колбасником» [17. Л. 41].

Выше уже говорилось о том, что при проведении экспроприаторских акций власти на местах особенно не утруждали себя в законодательном оформлении своих решений. К тому же существовавшие юридические нормы большевистского государства были весьма противоречивы, позволяли двусмысленное толкование, таким образом, создавая на местах для их исполнителей обширное поле для произвола и собственной трактовки законов. Например, декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» предусматривал исполнение основных положений этого документа в городах с населением более 10 тыс. чел. Как известно, на территории Казахстана в тот период было немного городов, имеющих население выше указанной в декрете нормы. Например, менее 10 тыс. чел. проживало в уездных городах, где проводилась муниципализация, таких как Темир, Тургай, Гурьев и т. д. Даже в административном центре Букеевской губернии г. Урде проживало менее 10 тыс. чел. Таким образом, муниципализация и конфискация частных строений в 1918–1921 гг. в этих населенных пунктах Казахстана, даже с точки зрения закона того периода, была незаконной. Однако в том же декрете ВЦИК ст. 20 органам местной власти предоставлялось право с разрешения центральной государственной власти производить муниципализацию частных владений в населенных пунктах, имевших число жителей менее 10 тыс. чел. Но ни одного такого ходатайства в НКВД КАССР с мест не поступало [2. Л. 80]. Между тем из приходивших с мест материалов видно, что муниципализация частных домов производилась даже в незначительных населенных пунктах и маленьких селах. Так, в 1918 г. все дома в поселке Аральское Море были национализированы и объявлены собственностью Аральского совдепа. В их числе дома известных рыбопромышленников Маркова, Шапошникова, Елисеева, Удальцова [16. Л. 21; 4. Л. 1].

Правовая ситуация, а точнее, полное отсутствие прав граждан, не обеспечивала предсказуемость экономического и политического пове-

дения со стороны официальной власти. Центральная государственная власть не всегда поспевала за бурными процессами, происходившими на местах. Поэтому многие законодательные акты того периода, ликвидировавшие частную собственность, оформлялись задним числом, *postfactum*. Если взять тот же декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г., то разве до выхода этого декрета не происходили процессы, связанные с конфискацией частного недвижимого имущества в городах, расположенных на советской территории, в том числе и в Казахстане? Или возьмем другой пример, с сентябрьским постановлением 1920 г. СНК РСФСР о конфискации имущества лиц, которые добровольно ушли вместе с эвакуировавшимися контрреволюционными войсками. А между тем почти за год до выхода этого постановления на территории Акмолинской и Семипалатинской губерний действовало аналогичное постановление Сибревкома от 8 октября 1919 г. о национализации имущества и частных торгово-промышленных учреждений, лиц, бежавших с белыми [6. Л. 5; 13. Л. 57].

Еще одно из постановлений ВЦИК, вышедшее уже в 1922 г., грубо попирало экономические права бывших владельцев частной собственности в городах Казахстана. На примере механизма принятия этого постановления проявляется сущность образовавшегося политического сообщества и характер проводимой им экономической политики. В соответствии с духом утверждавшейся в стране НЭП, 3-я сессия ВЦИК 9 созыва приняла от 22 мая 1922 г. постановление «Об основных частных имущественных правах». На основании этого решения ВЦИК бывшие владельцы через органы юстиции предъявили права на свои, отобранные государством в процессе национализации и муниципализации в 1918–1921 гг., владения в городах РСФСР. В КАССР бывшие частные владельцы также предъявляли свои права. Тогда, в мае 1922 г., нарком внутренних дел КАССР Айтиев обратился в адрес заместителя наркома по делам национальностей РСФСР Бройдо с докладной запиской. В ней говорилось, что в Казахстане фактическое изъятие владений от частных собственников в городах было проведено в процессе событий 1918–1920 гг., но юридически до настоящего времени (май 1922 г.) эти акты не оформлены из-за непрерывных боевых действий на территории Казахстана до 1920 г. «Многие материалы, относящиеся к муниципализации, на местах в губерниях утеряны при различных эвакуациях», – сообщалось далее в записке [2. Л. 13]. Тем самым руководство республики просило у вышестоящих органов власти дополнительное время для окончательного правового закрепления конфискованных и национализированных в 1918–1921 гг. частных владений. С другой стороны, содержание этого документа еще раз убедительно доказывает, что в большинстве случаев местные органы большевистской власти в Казахстане при проведении национализации и муниципализации частных владений не прибегали ни к каким право-

вым нормам, а проводили все это в пылу псевдоклассовой борьбы. По ходатайству председателя КазЦИК Мендешева ВЦИК принял в отношении КАССР новое постановление в дополнение к своему декрету от 20 августа 1918 г. и постановлению от 22 мая 1922 г. Данным решением окончательным сроком завершения муниципализации во всех городах КАССР признавалось дата 1 февраля 1923 г. [2. Л. 18]. Тем самым «сверху» дали возможность органам государственной власти в Казахстане продолжить процесс конфискации частного имущества, хотя в стране уже была объявлена нэп, и национализировать необходимое количество строений в городах, которое не успели отобрать у их частных владельцев в 1918–1921 гг. из-за войны и хозяйственной разрухи.

Характерная черта этой эпохи – легитимизация насилия и использование его в качестве универсального средства решения всех проблем. Под натиском революционных преобразований правосознание в обществе претерпело значительную трансформацию. Полностью игнорировалось право неприкосновенности частной собственности. Правящий режим не признавал правовых механизмов, подменив их аморфным понятием «революционная законность». Все это создавало простор для произвола и разгула беззакония со стороны нарождавшегося советского тоталитаризма.

Список литературы

1. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. 14. Оп. 3. Д. 20.
2. ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2.
3. ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 70.
4. ЦГА РК. Ф. 878. Оп. 1. Д. 1.
5. ЦГА РК. Ф. 878. Оп. 1. Д. 2.
6. ЦГА РК. Ф. 878. Оп. 1. Д. 5.
7. ЦГА РК. Ф. 878. Оп. 1. Д. 12.
8. ЦГА РК. Ф. 878. Оп. 1. Д. 24.
9. ЦГА РК. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 36.
10. ЦГА РК. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1.
11. Государственный архив Акмолинской области (далее ГААО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 3.
12. ГААО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 8.
13. ГААО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 5.
14. Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз). Ф. 17. Оп. 1. Д. 40.
15. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 62.
16. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 690.
17. ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 979.

References

1. Tsentral'niy gosudarstvennii archive Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan] (further TsGARK). F. 14. Op. 3. D. 20.
2. TsGARK. F. 83. Op. 1. D. 2.
3. TsGARK. F. 83. Op. 1. D. 70.

4. TsGARK. F. 878. Op. 1. D. 1.
5. TsGARK. F. 878. Op. 1. D. 2.
6. TsGARK. F. 878. Op. 1. D. 5.
7. TsGARK. F. 878. Op. 1. D. 12.
8. TsGARK. F. 878. Op. 1. D. 24.
9. TsGARK. F. 1404. Op. 1. D. 36.
10. TsGARK. F. 1416. Op. 1. D. 1.
11. Gosudarstvennii archive Akmolinskoi oblasti [State Archive of Akmola Oblast] (further GAAO). F. 115. Op. 1. D. 3.
12. GAAO. F. 115. Op. 1. D. 8.
13. GAAO. F. 152. Op. 1. D. 5.
14. Tsentral'nii gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan] (hereafter TSGARUz). F. 17. Op. 1. D. 40.
15. TSGARUz. F. 17. Op. 1. D. 62.
16. TSGARUz. F. 17. Op. 1. D. 690.
17. TSGARUz. F. 17. Op. 1. D. 979.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(47)"17":33

ГРНТИ 03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX в.)

В.Н. Бенда

Инженерные проблемы в военной и гражданской сфере безопасности Российского государства в начале XVIII в.

В статье рассматриваются некоторые проблемы инженерного характера в военной и гражданской сфере обеспечения безопасности Российского государства, возникшие в начале XVIII в. Последовательность их урегулирования определялась необходимостью решения геополитических интересов России на Европейском континенте и ходом войны России со Швецией. Работа расширяет и дополняет уже имеющиеся сведения об основных моментах истории развития инженерного дела во время строительства приморских крепостей и отдельных морских оборонительных укреплений, среди которых наиболее значимыми были форты и батареи Кронштадта, Ревеля и Рогервика, а также Санкт-Петербурга, что позволило прочно закрепиться России на завоеванном побережье Балтийского моря. Также вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные источники.

Ключевые слова: Петр I, XVIII в., Северная война, инженерное дело, крепость, побережье, флот, Санкт-Петербург, Швеция.

V.N. Benda

Engineering problems in the military and civilian spheres of security of the Russian state at the beginning of the XVIII century

The article discusses some of the problems of engineering nature in the military and civilian areas of security of the Russian state, appeared to the government of Peter I in the early XVIII century, the sequence of which was determined by the need to address the geopolitical interests of Russia on the European continent and the war of Russia with Sweden. The work extends and complements existing information on the key aspects of the history of engineering during the construction of coastal FORTS and sea fortifications, among which the most important were the FORTS and batteries of Kronstadt, Revel and Rogervik and St. Petersburg, which allowed to gain a foothold on Russia conquered the Baltic sea coast. Also introduced into scientific circulation previously unpublished archival sources.

Key words: Peter I, XVIII century., Northern war, engineering, fortress, coast, Navy, St. Petersburg, Sweden.

© Бенда В.Н., 2017

© Benda V.N., 2017

Общеизвестно, что в соответствии с планами Петра I одним из путей решения проблемы по устранению отсталости России от западно-европейских государств в экономической, военной, технической, научной и других сферах жизнедеятельности государства – был возврат России берегов Балтийского моря. Петр I прекрасно понимал, что, не выполнив эту задачу, вряд ли пришлось бы *даже думать о том*, чтобы Россия смогла сравняться с передовыми странами Европы, не говоря уже о практической реализации таких планов. Стоявшая перед Российским государством задача по приобретению выходов к Балтийскому морю была одной из приоритетных, если не главной.

Разрешение этой и других задач требовало проведения реформ во всех областях жизни страны, потому что невозможно было вести борьбу с таким сильным в военном отношении врагом, как Швеция, без преобразования русской армии, постройки флота, строительства целого ряда промышленных предприятий, преобразования финансов и т.д.

Уже в первые годы Северной войны русские войска пробились к Балтийскому морю в районе устья Невы и в других местах побережья. Но это еще не решало полностью поставленной исторической задачи, так как мало было вернуть стране утраченное морское побережье Балтики, нужно было прочно закрепиться на нем. Для этого необходимо было решить комплекс инженерных проблем в военной и гражданской сфере.

Прежде всего необходимо было построить военный и торговый флот и создать для него добротные по устройству и хорошо защищенные от нападения неприятеля базы, оборона которых обеспечивалась бы разветвленной сетью защитных сооружений и укрепленных пунктов. В свою очередь, это определяло необходимость строительства не только новых оборонительных сооружений и укрепленных пунктов, но и ремонта уже существовавших ранее и завоеванных русской армией.

В решении этой задачи огромное значение имело строительство в устье Невы нового укрепленного пункта – Санкт-Петербургской крепости и города, города-крепости, города-порта, а также главной базы русского Балтийского флота – Кронштадта. Основание Санкт-Петербурга и его морского форпоста – Кронштадта, строительство флота поставили перед руководством страны ряд сложных инженерных проблем, последовательность решения которых определялась ходом Северной войны.

Постоянная угроза нападения шведов определили первостепенную важность создания надежных инженерных укреплений как в Санкт-Петербурге, так и на его ближних и дальних подступах. Проект Санкт-Петербургской крепости составлял находившийся с 1701 по 1706 гг. на русской службе французский инженер-генерал Ламбер, по замыслу которого она и была построена практически без изменений. Помимо этого, Ламбер также помогал Петру I выбрать место для строительства

Санкт-Петербурга [1, с. 422]. В 1706 г. он сопровождал Петра I при его поездке в Польшу и под предлогом поиска офицеров инженерных войск, желавших поступить на русскую службу, посетил Гродно, Данциг, Копенгаген и Берлин. Под надуманным предлогом он отказался возвращаться в Россию, чем вызвал крайнее неудовольствие Петра I. В 1711 г. Ламбер был арестован в Пруссии русским посольством как дезертир, самовольно оставивший службу. Но ему удалось бежать в Италию, откуда он в течение пяти лет писал письма Петру I с просьбами о возвращении его опять на службу Российскому государству. Однако все его старания оказались безуспешны [2, с. 6].

С 1706 г. началось сооружение каменных бастионов и стен вокруг Петропавловской крепости, первоначально представлявшей собой земляную крепость. В 1705–1708 гг. на противоположной стороне Кронверского пролива, отделяющего Заячий остров, на котором находится крепость, от остальной территории Петроградской стороны, велось строительство дополнительного укрепления – Кронверка. Причиной строительства Кронверка послужили намерения шведского генерала Майделя, напасть летом 1705 г. на строящийся город и крепость, чтобы разрушить город и овладеть крепостью.

К 1725 г. состав Санкт-Петербургской крепости был следующим: укрепленное ядро, образованное крепостью на острове Луст-Элант (Петропавловская крепость на Заячьем острове – *В.Б.*) и укрепленные (опорные) пункты, расположенные на левом берегу Невы (Адмиралтейство), Васильевском острове (Биржа), на Петроградской стороне – канец и кронверк [3, с. 82].

При Санкт-Петербургской крепости, которой гарнизон не полагался, находилось всего 180 артиллерийских служителей разных чинов и должностей и 130 пушек и мортир различных калибров [4, с. 11]. Также в городе располагались лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки, общей численностью офицеров и рядовых в 6.630 чел. и четыре пехотных полка общей численностью личного состава 5.469 чел. [1, с. 432].

На острове Котлин, находящемся в Финском заливе, близ Санкт-Петербурга вместо временных в это время началось сооружение постоянных укреплений.

Санкт-Петербург до 1709 г. строился стихийно. До этого переломного года в ходе войны Петр не мог уделить достаточного внимания развитию города и по существу почти не осуществлял регламентации городской застройки, поэтому Петербург вначале застраивался по старинке. Одна за другой возникали слободы с узкими и подчас кривыми улицами, по сторонам которых стояли крохотные домишки. Вплоть до 1711 г. это был период исключительно деревянного строительства [5, с. 20].

Второй период Северной войны характеризуется осуществлением целого комплекса мероприятий по регламентации строительства Петербурга, в основе которых лежала идея создания благоустроенного города с прямыми улицами, застроенными каменными, поставленными в линию домами, с большими садами, бульварами и целой системой каналов. Петр стремился сделать водные магистрали (Неву, протоки, каналы) главными путями сообщения в городе [5, с. 24].

Во втором периоде Северной войны молодой русский флот, рожденный на Санкт-Петербургских и других прибалтийских верфях, стал выходить на просторы Балтики. Уже в самом начале жизнедеятельности рожденного флота остро встал вопрос о его базах – удобных портах, защищенных естественными и искусственными препятствиями для защиты и отражения возможных атак противника с моря.

Второй базой для русского флота после Петербурга стал Кронштадт, где под защитой фортов, вооруженных мощной артиллерией, с 1713 г. началось строительство военной и купеческой гаваней, велось сооружение деревянных молов, простирающихся на 130 сажен, путем постройки деревянных срубов, которые заполняли камнем, щебнем, землей и затем опускали в воду. Как видно из донесения А.Д. Меншикова, уже в 1716 г. было срублено деревянного молу «...в длину на 120 сажен, в высоту от воды на 5 футов» [1, с. 438].

Одновременно для усиления обороны рейда производились работы по увеличению протяжения Кроншлотского форта, сооружалась Ивановская батарея на десять 24-х фунтовых пушек. Поскольку для устранения различных повреждений и текущего ремонта действующих больших кораблей «других способов кроме валяния (с вытаскиванием на сушу хотя и с повреждением) не было» [6. Л. 159], Петр I решил построить на острове Котлин специальные доки с бассейном, куда для производства ремонта могли бы одновременно заходить до 10–11 больших кораблей через каменный канал, соединяющий доки с гаванью воротами и сложной системой шлюзов. Строительство канала началось уже летом 1718 г. [7. Л. 61]. Каменный канал имени Петра Великого в Кронштадте вступил в действие в июле 1752 г., когда «...через отворение шлюзных ворот в док одного канала 10 кораблей уже введено было» [8. Л. 346]. Это сложное гидротехническое сооружение является выдающимся памятником русской инженерной мысли первой половины XVIII в.

Однако, осуществляя строительство военного и торгового порта на острове Котлин, Петр I отчетливо видел и некоторые, весьма существенные его недостатки, главным из которых было то, что Кронштадтский рейд очень рано покрывается льдом и поздно вскрывается. Вода в рейде слишком пресная, что было вредно для деревянных судов. Промеры глубины и другие исследования показали, что быстрое течение Невы несет с собой много ила и песка, засоряет рейд и делает его год от году мельче.

Когда в 1710 г. русские войска и моряки Балтийского флота комбинированным ударом с суши и с моря овладели важным приморским пунктом – Ревелем, Петр сразу же решил использовать его в качестве базы и порта для военного флота и торговых кораблей. Но Ревельская гавань оказалась узкой и на большое пространство совершенно открытой для северных ветров. Сам Ревель был слабо укреплен с суши, а еще слабее – с моря, из чего, по выражению Петра, «...за фортецию почестья не может». Тем не менее, Петр решил приступить к сооружению в Ревеле военной и купеческой гаваней, а для их защиты – цитадели в центре гавани и выдвинутых в море отдельных мортирных батарей. Для ведения этого строительства нужно было заготовить необходимое количество строительных материалов (лес и камень – В.Б.).

С целью осуществления данной задачи Петром I 12 октября 1713 г. был издан именной указ Сенату «О приготовлении камня и лесу для постройки Ревельской гавани...», в соответствии с которым эта повинность распределялась между жителями Лифляндии и Эстляндии [9, с. 62]. После заготовления необходимых материалов, 2 февраля 1714 г. произошла торжественная закладка новых сооружений Ревельской гавани, строительство которых особенно интенсивно осуществлялось в первой половине 1716 г., когда общее руководство работами возглавили А.Д. Меншиков и адмирал Ф.М. Апраксин [10. Л. 52].

Но строительство в Ревеле обширной и удобной гавани, и форта для ее защиты, натолкнулось на ряд трудностей, связанных как со свойством грунта в прибрежных водах, так и, особенно, с разрушительным воздействием северных ветров, часто разрушавших возведенные или находившиеся в работе сооружения. Особенно катастрофичными были последствия от бури, разразившейся над Ревелем осенью 1716 г., во время которой были разбиты корабли «Фортуна» и «Антоний».

Многие другие корабли получили повреждения, а гавань, по существу, была полностью разрушена. Работу по сооружению гавани пришлось начинать заново. Направленный в Ревель для контроля за мероприятиями по исправлению повреждений Ф.М. Апраксин сообщал 5 апреля 1717 г., что «...зачато новой гавани на 85 сажен французских сделано» [11, с. 119–120]. Руководивший в 1718 г. ревельскими работами командир артиллерийского полка генерал-майор Гинтер доносил Меншикову: «Ныне уже вся новая гаванная работа на берегу срублена и вина в том нынешняя непостоянная погода, что невозможно было в воду опустить» [1, с. 458]. Несмотря на непригодность Ревеля к строительству морского порта, Ревельская крепость была важным оборонительным сооружением на побережье Балтийского моря, прикрывавшим, в первую очередь, завоеванные территории с моря. Гарнизон Ревельской крепости на тот момент составлял 141 штаб- и обер-офицеров, из которых двое были артиллеристами и 5.328 нижних чи-

нов, из которых 291 – артиллерийские служители. На вооружении гарнизона помимо стрелкового вооружения находилось 513 артиллерийских орудий различного типа и калибра [1, с. 459–460].

Огорченный тяжелыми последствиями бури 1716 г., неудовлетворенный местоположением и возможностями Ревельской гавани, техническими трудностями по ее расширению и оборудованию, Петр I продолжал поиски нового места на побережье, где можно было бы соорудить для Балтийского флота обширную, защищенную от ветров гавань, из которой в любое время года могли бы выходить корабли. Он лично осмотрел все южное побережье Финского залива и остановил свое внимание на Рогервитском заливе, расположенным между мысом Паксорт и двумя лежащими на одной параллели островами: Большим и Малым Роге, на расстоянии 48 верст от Ревеля и 407 верст от Санкт-Петербурга.

Осмотрев и исследовав залив, Петр I поручил инженер-полковнику Ивану Люберасу произвести тщательные исследовательские работы, составить подробный чертеж залива, проект будущей гавани и ее фортификационных сооружений. Эти исследования проводились в течение нескольких лет. Так, 30 июня 1721 г. Петр I приказал флота капитан-поручику Гансу из Петербурга «Ехать тебе в Ревель и оттоль в Рогервик на почте, купно с полковником Люберасом и вымерять с прилежанием весь гаван, от пункта Нордного острова до 4-х саженой глубины, а особенно зюйдный конец острова, где быть Гавану. Глубину чаще ставить, например на каждые 14 или 10 сажен и всю ту глубину ставить на текень Люберасов (т.е. чертеж Любераса – *авт.*), для того, что он сей берег по астролябии брал. И чтоб как возможно больше чертеж был, дабы возможно на оном гавань и фортификацию поставить. И кои сие исполните немедленно сюда приезжайте оба» [11, с. 298]. В результате исследования выяснилось, что с моря, на расстоянии около 7 верст, глубина в заливе достаточна для кораблей, в южной его части, на пространстве 370 сажен – от 16 до 24 футов. Пролив между островами Б. и М. Роге, равно как и другой пролив между островами и материком, шириною 2,5 версты – доступны только для мелких судов. Грунт в заливе мягкий или с песком, но к якорной стоянке надежный, что подтвердили и местные моряки.

Очень важным обстоятельством, говорящим в пользу строительства здесь порта, было то, что залив замерзает редко, даже в самые сильные морозы, причем только у берегов и в его вершине. На острове М. Роге, где предполагалось соорудить основные сооружения и город, была найдена в изобилии хорошая пресная вода. Но вместе с тем Рогервикский залив, будучи защищен с суши береговой линией с крутыми каменистыми склонами, был совершенно открыт для северных и северо-восточных ветров. Как свидетельствует история строительства Ро-

гервикского порта, это было причиной неоднократных катастрофических последствий для строившихся портовых сооружений.

В результате проведенных исследований Петр I принял решение о сооружении в Рогервике гаваней для военных кораблей и купеческих судов, а на острове М. Роге построить адмиралтейство, верфь и город. Для защиты сооружений порта от ярости северных ветров предполагалось соорудить каменный мол от середины острова М. Роге к востоку до материка. Все это предполагалось (по проекту, составленному инженер-полковником фон Люберасом и одобренному Петром) прикрыть мощными фортификационными укреплениями [1, с. 462].

В 1718 г. в торжественной обстановке Петр I бросил первый камень в основание нового порта. Он придавал большое значение строительству в Рогервикской бухте. Это определялось следующими факторами: *во-первых*, Рогервикская бухта была значительно ближе Кронштадта к выходу в Балтийское море; *во-вторых*, в отличие от Кронштадта, замерзавшего практически на полгода, бухта замерзала на очень короткое время и могла предоставить спокойное и безопасное убежище для всего Балтийского флота [12, с. 47; 13, с. 1672]. Именно этими обстоятельствами определялся тот огромный объем работ, которые необходимо было выполнить в Рогервикской бухте при строительстве главного военного порта на Балтике.

В последующие годы шло заготовление строительных материалов. С 1721 г. развернулось строительство вспомогательных сооружений. В 1722 г. на острове М. Роге были построены: деревянный дворец для приезда Петра на четыре комнаты; деревянная церковь; 68 казарм для солдат, каторжных работников и других строителей; восемь квартир для штаб- и обер-офицеров; ветряная мельница; сооружены две пристани для выгрузки судов [14. Л. 279]. 19 июля 1723 г., Петр I, находясь с флотом у Рогервика, заложил каменный мол и приказал строить его по чертежу, составленному собственноручно. В этом же году по приказанию Петра на северной оконечности мыса Пакерорт была построена каменная башня для маяка, высотой 5 сажен. Строительство мола шло быстро, несмотря на глубину залива в этом месте от 12 до 14 сажен и естественные природные препятствия в виде жестоких северных ветров, тормозивших не только работу по возведению мола, но и часто разрушавших то, что уже было сделано. Так, например, 10 января 1724 г., сильным штормом, значительно повредившим Ревельскую гавань, в Рогервике разбило надводную часть возведенного мола на протяжении 117 сажен. До 27 января 1725 г. это повреждение было исправлено, причем высота мола над горизонтом воды была поднята с 7 до 9 футов и расширена до 16 футов. После смерти Петра работы продолжались еще четыре года, а потом на долгое время совершенно прекратились.

Для строящегося и быстрорастущего Балтийского флота, обеспечения его жизнедеятельности требовались не только удобные, благоустроенные но и хорошо защищенные базы. Необходимо было изучить графические, климатические и гидрографические особенности и условия Балтийского моря – водоема бурного и капризного. С этой целью в широких масштабах изучалось побережье Балтики, проводились промеры глубин, определялись и обозначались безопасные форватеры, в результате чего были составлены подробные карты и планы побережья моря от Финского залива до Курляндии и Швеции, морские карты-лоции, построены маяки и т. п.

Петру Великому принадлежит заслуга в организации первых географических исследований и создании условий для развития научной картографии в России. Он настойчиво стремился изучить не только окраины Российской империи, но и внутреннюю территорию государства. Об этом свидетельствуют знаменитые путешествия одного из первых исследователей Сибири Д.Г. Мессершмидта, изучение бассейна Азовского моря, низовьев Волги и Северного Кавказа, многочисленные экспедиции князя А. Берковича-Черкасского, А.И. Кожина, князя В. Урусова и др. для исследования Каспийского моря и прилегающих к нему юго-восточных районов. Были осуществлены плаванья по рекам северо-восточных окраин Азиатского материка, экспедиция навигаторов Ф. Лукина и И. Евреинова к Курильским островам, снаряжение первой камчатской экспедиции Витуса Беринга [15, с. 11–12]. 9 декабря 1720 г. состоялся именной указ Петра I о рассылке учеников, изучивших из Санкт-Петербургской академии геодезию и географию, в «...в губернии для сочинения ланд-карт» [16, с. 266].

Важное значение в закреплении отвоеванного обширного Северо-Западного приморского края имела организация работ по размежеванию земель и землеустройству, описи заповедных лесов и т. д. С 1723 г. в широких масштабах осуществлялась работа по размежеванию земель и сочинению ландкарт в Ингерманландском, Санкт-Петербургском, Ямбургском, Копорском и Шлиссельбургском уездах под руководством инженера генерал-майора Де Кулона [24. Л. 49–50, 52–55].

С присоединением Балтийского побережья и основанием С.-Петербурга – новой столицы государства в районе его северо-западной окраины, остро встал вопрос о связи его удобными путями сообщения с центральными районами страны. Увеличивающееся население города прежде всего нуждалось в продуктах питания. Поредевшее и сильно разоренное войной, испытывавшее бедствия чумы население отвоеванного у шведов края не могло обеспечить С.-Петербург продовольствием, которое вместе с другими предметами первой необходимости подвозилось в столицу конным транспортом издалека, за сотни верст, по скверным дорогам, доступным зимой, но малопроезжим весной и осенью. О величине подвоза можно судить по

данным еженедельного полицейского учета всех прибывающих в Петербург возов. Так, например, за 34 дня с 7 января по 9 февраля 1723 г., в Петербург прибыло 10.698 возов, т. е. в среднем ежедневно прибывало 315 возов. В марте привоз был меньше [5, с. 141–142].

Несмотря на проводимую правительством политику регламентации цен на все товары, жизнь в Петербурге, по свидетельству Вебера, была в три раза дороже, чем в Москве [18, с. 1384–1385]. Это вынудило правительство пойти на дополнительную прибавку жалования всем находящимся в Петербурге военным, мастеровым и работным людям.

Строительство Санкт-Петербурга и превращение его в крупнейший европейский морской порт, куда направлялись потоки грузов, экспортируемых в европейские страны товаров, в том числе и такой новой, невиданной до этого статьи русского экспорта, как «добрее уральское железе», поставили на очередь вопрос прежде всего о связи Санкт-Петербурга водным путем с бассейном реки Волги. С этой целью в 1703 г. началось строительство Вышневолоцкого канала, окончание которого в 1706 г. связало Санкт-Петербург с Волгой так называемой Вышневолоцкой водной системой. Однако, когда в 1709 г. была сделана первая попытка провести суда из Волги в Петербург, уровень воды на водоразделе оказался настолько низким, что не обеспечивал сквозного движения судов без их перегрузки. Обнаружилось, что строившие канал голландские шлюзные мастера не смогли решить сложную гидротехническую задачу по созданию водохранилища, необходимого для поддержания соответствующего уровня воды для свободного прохода судов. В 1719 г. новгородский купец М.И. Сердюков представил составленный им проект исправления Вышневолоцкого канала путем создания водохранилища из вод рек Цны и Шлины. Одобрив проект, Петр I поручил все строительство М.И. Сердюкову, который к 1722 г. успешно закончил эти работы. М.И. Сердюков был не только строителем, но затем и главным надзирателем Вышневолоцкого канала, обеспечивая его содержание на должном техническом уровне. Указом от 15 октября 1742 г. императрица Елизавета Петровна пожаловала: «...Вышневолоцких шлюзов и каналов содержателя Михайлу Сердюкова и потомков его за его в промывке Цны и учении шлюзов и прочие службы в дворяне». Указом 19 марта 1745 г. были пожалованы «за их верные службы и труды дворянин Михайло Сердюков – коллежским советником, сын его Иван – коллежским ассесором» [19. Л. 2, 135].

Но усовершенствование Вышневолоцкого судоходного канала не могло полностью решить проблему надежного обеспечения водной связи Санкт-Петербурга с центром страны. Дело в том, что суда, идущие с Волги в Петербург, после прохождения канала, через реку Мсту попадали в озеро Ильмень, затем по реке Волхов – в Ладожское озеро

и далее в реку Неву. На озере Ильмень, и, особенно, на бурном Ладожском озере суда часто терпели аварии. Ладожское озеро, особенно в осенний период, стало огромным кладбищем, поскольку в бурную погоду на нем гибли караваны речных судов, гибли грузы и люди. Это вынудило руководство страны приступить к строительству большого обводного Ладожского канала от устья Волхова до истоков Невы, общей протяженностью в 104 версты. Строительство этого канала началось в 1718 г. и потребовало огромных усилий и средств.

Петр I предполагал осуществить строительство еще ряда соединительных каналов. По его указанию проводились изыскательские работы для определения возможности соединения реки Тихвины и реки Сяси, впадающей в Ладожское озеро, с рекой Мологой – притоком Волги (т. е. на трассе будущей Тихвинской системы – В.Б.). В 1710 г. инженер Пирри представил проект канала между реками Шексной и Вычегдой для соединения бассейна Волги с Балтийским морем через Белоозеро и Онежское озеро (т.е. проект будущей Мариинской системы – В.Б.).

Особо важное значение приобрела проблема инженерного прикрытия государственной границы, особенно новой границы в северо-западном районе государства, в связи с враждебной демонстрацией у русского побережья объединенного англо-шведского флота и угрозой высадки десанта.

Как раз в это время в Кронштадте были осуществлены существенные оборонительные работы и сделаны наиболее важные распоряжения по его упорной обороне. Помимо Ивановской батареи и выдвинутого в море форта Александр-шанца, на западном берегу о. Котлин была возведена новая деревянная Андреевская батарея. Благодаря этим постройкам нападение шведской эскадры в 1705 г. было успешно отражено. В 1721 г. началось сооружение оборонительной ограды на северном берегу острова [3, с. 83].

Были приняты необходимые меры не только по инженерной и артиллерийской защите острова, военной и купеческой гаваней строительство которых было закончено, но и к отражению возможного прорыва вражеских кораблей и высадки десанта.

Одновременно осуществлялись работы по усилению обороны Ревеля с суши и с моря, восстановлению повреждений и усиления крепостей в Нарве, Ивангороде, Риге, Динамюнде и Пернове.

Большой объем инженерных работ был выполнен по укреплению юго-западной и южной границ в связи с постоянной опасностью нападения татар и особенно после объявления Турцией войны России в феврале 1706 г., когда возникла реальная угроза турецкого вторжения на Украину. Усиленные крепостные работы осуществлялись в районе Киева, ставшего основной базой южной русской армии под командованием Б.П. Шереметьева. Большой объем работ был выполнен на

строительстве новой Киево-Печерской крепости, заложенной Петром I 15 августа 1706 года [1, с. 477]. Гарнизон Киевской крепости составлял всего 6.686 чел., из которых 176 было штаб- и обер-офицеров. Артиллерийская часть гарнизона включала два штаб- и обер-офицера и 126 нижних чинов. В крепости находилось 455 артиллерийских орудий различных типов и калибров [1, с. 478–481].

Освещая вопрос военно-инженерного и гражданского строительства в Российском государстве в начале XVIII в., нельзя обойти стороной выполнение комплекса инженерных работ по усилению оборонительных укреплений Москвы в 1707 г., когда возникла реальная опасность вторжения вражеской армии в пределы Русского государства. Как известно, в конце августа этого года Карл XII во главе 50-тысячной армии из Саксонии, осуществляя свой поход на восток, предполагал главный удар нанести в направлении Смоленск – Москва. По свидетельству шведского тайного советника Цедергельма, король не рассчитывал на долгую войну. «Поэтому война должна тотчас же с особой силой быть направлена в сердце Московии и таким образом скоро и выгодно приведена к окончанию...» [20, с. 12]. В связи с угрозой Москве Петр I принял решение об осуществлении большого комплекса мероприятий по укреплению инженерно-артиллерийской обороны и подготовки Москвы к длительной осаде. Кстати, заметим, что вопрос о приведении Москвы в оборонительное состояние слабо исследован в отечественной исторической литературе. А между тем объем осуществленных с этой целью инженерных и других работ в 1707–1708 гг. был огромным.

Руководство всеми работами по приведению Москвы в оборонительное состояние он возложил на обер-коменданта Украины, поручика Преображенского полка В.Д. Корчмина, успешно руководившего до этого работами по устройству оборонительных линий на границе от Смоленска до Киева. Прибыв в мае 1707 г. в Москву В.Д. Корчмин с большой энергией принялся за выполнение важного и ответственного поручения Петра. Прежде всего он приступил к осмотру Кремля и Китай-города, которые надо было в первую очередь укрепить в инженерном отношении и организовать артиллерийскую оборону. Под руководством Корчмина в Москве широким фронтом развернулись работы по строительству земляных крепостей, позиций для артиллерийских батарей и т.д. Для производства земляных и других работ было мобилизовано население Москвы и большая часть личного состава приказа артиллерии располагавшегося тогда в Москве.

К работам были привлечены также учащиеся артиллерийско-инженерной школы, особенно ученики верхней инженерной школы (класса – В.Б.), для которых городское строительство, развернувшееся в больших масштабах в Москве, явилось очень полезной инженерной практикой. Так, в ответ на требование Брюса выслать немедленно в

полевую артиллерию школьников, которые «выучились разным пушечным и мортирным знаниям», особенно тех, кто прошел практику в артиллерийской лаборатории у капитана Шпарретера, дьяк приказа артиллерии Н.П. Павлов вынужден был ответить 20 июня, что «...тех учеников послать ныне в поход невозможно для того, что будет им дело у городского строения...с нижеписанного числа впредь на 4 недели» [21. Л. 652 об.]. К работам по укреплению Москвы были привлечены также и ученики Математико-навигационной школы [22. Л. 174, 176, 248; 234. Л. 47].

Для защиты южной границы от набегов кубанских татар и возможности враждебных действий со стороны калмыков, началось строительство в 1718 г. новой Царицынской укрепленной линии от Царицына на Волге к Дону и Паншину, общей протяженностью свыше 60 верст [24. Л. 174 об. – 175 об., 187 об. – 192 об.; 25. Л. 16–20].

В заключение отметим, что в данной работе лишь кратко перечислены некоторые проблемы инженерного характера, которые возникли перед руководством страны в начале XVIII столетия и были вызваны как необходимостью закрепления отвоеванного побережья Балтийского моря, так и потребностями внутреннего развития страны. Благодаря тому, что в начале XVIII в. Россия приступила к строительству приморских крепостей и отдельных морских оборонительных укреплений, она сумела прочно закрепиться на завоеванном побережье Балтийского моря.

Многие проблемы инженерного характера, возникавшие в Российском государстве в начале XVIII в. и порядок их разрешения (например, комплекс инженерных работ по усилению обороноспособности Москвы в 1707 г. – В.Б.) требуют дополнительного изучения.

Петр Великий придавал огромное значение строительству крепостей и других оборонительных сооружений самого разнообразного характера, считая, что «оборона страны зиждется на армии и флоте, истинное же назначение крепостей – служить опорными пунктами для целесообразных действий армии и флота» [3, с. 86]. Несомненно и то, что именно этим обстоятельством определялись те огромные объемы военно-инженерного строительства в России во времена Петра I, когда в стране было построено 47 новых крепостей.

Реализация всех вышеперечисленных проектов военно-инженерного и гражданского строительства требовала большого количества грамотных и знающих свое дело инженерных кадров, дефицит которых на тот момент в России остро ощущался. Это и послужило основанием создания в начале XVIII столетия военно-учебных заведений для подготовки отечественных инженерных кадров и зарождения русского инженерного корпуса.

Список литературы

1. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого. – СПб.: Императорская Академия наук, 1861. – 972 с.
2. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. 2-е изд. Т. VIII. – СПб.: Тип. главного штаба ЕИВ по воен.-учеб. заведениям, 1855. – 730 с.+ 5 сх.
3. Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации. – М.: Гос. воен. изд-во, 1931. – 285 с.
4. Кирилов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая: собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова, из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г. Кн. 1–2. – М.: Унив. тип., 1831. Кн. 1. – 184 с.
5. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 186 с.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 235. Оп. 1. Д. 278.
7. РГА ВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1.
8. РГА ВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 269.
9. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. (ПСЗ). Собр.-1. СПб.: Тип. II отд. собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. V. (1713–1719). – 780 с.
10. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 165.
11. Берх В.Н. Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Ч. IV. – СПб.: Морская типография, 1830. – 334 с.
12. Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). – 2-е изд. – М.-Л.: Военно-морское издательство НКВМФ, 1939. – 304 с.
13. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях в переводе с немецкого П.Н. Барсова // Русский архив. Историко-литературный сборник, издаваемый при Чертковской библиотеке. Вып. 9–12. – М.: Тип. В. Грачева и Ко, 1872. – Вып. 9. – С. 1613–1852.
14. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 246.
15. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века / под ред. д-ра ист. наук А.И. Андреева. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. – 446 с.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. VI. 1720–1722. – СПб.: Тип. II отд. собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 815 с.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 29.
18. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях в переводе с немецкого П.Н. Барсова // Русский архив. Историко-литературный сборник, издаваемый при Чертковской библиотеке. – Вып. 5–8. – М.: Тип. В. Грачева и Ко, 1872. – Вып. 7 и 8. – С. 1217–1612.
19. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 278.
20. Шутой В. Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1707–1708 годах // Вопросы истории. – 1949. – № 7. – С. 9–27.
21. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33.

22. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47.
23. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1.
24. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 232.
25. РГВИА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20.

References

1. Laskovskii F.F. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. II. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva v tsarstvovanie Imperatora Petra Velikogo [Materials for the history of engineering in Russia. Part II. Experience of a study of engineering into emperor Peter Velikiy's reign]. – St. Petersburg: Emperor academy of sciences, 1861. – 972 p.
2. Voennyi entsiklopedicheskii leksikon, izdavaemyi obshchestvom voennykh i literatorov. Izd. 2-e [Military encyclopedic lexicon published by the society of military and writers. 2-e Ed.]. T. VIII. St. Petersburg: in the printing of the main staff of EIV at the military schools, 1855. – 730 p.+ 5 CL.
3. Yakovlev V.V. Evolyutsiya dolgovremennoi fortifikatsii [The Evolution of long-term fortification]. – Moscow: State military publishing house, 1931. – 285 p.
4. Kirilov I.K. Tsvetushchee sostoyanie vserossiiskogo gosudarstva, v kakovoe nachal, privel i ostavil neizrechennymi trudami Petr Velikii, otets otechestviya, imperator i samoderzhets vserossiiskii, i prochaya, i prochaya, i prochaya: sobrano trudami statskogo sovetnika i byvshego v Senate ober-sekretarya g. Ivana Kirilova, iz podlinneishikh senatskikh arkhivov v fevrale mesyatse 1727 g. Kn. 1–2 [A Flourishing condition of the Russian state, which began, led and left the unspeakable writings of Peter the Great, father of the Fatherland, the Emperor and autocrat of all Russia, and others, and others: collected writings state Councilor and former Senate chief-Secretary, Ivan Kirilov, the Senate podlinnaya archives for the month of February 1727 KN. 1–2]. Moscow: Univ. type., 1831. KN. 1. – 184 p.
5. Luppov S.P. Istoriya stroitel'stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII v. [The History of construction of St. Petersburg in the first quarter of the eighteenth century]. M.-L.: Izd. AN SSSR, 1957. – 186 p.
6. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota (RGA VMF) [Russian state archive of Navy fleet (RGA the Navy)]. F. 235. Op. 1. D. 278.
7. RGA the Navy. F. 235. Op. 1. D. 1.
8. RGA the Navy. F. 235. Op. 1. D. 269.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Pervoe sobranie. (PSZ). [Complete meeting of the laws of the Russian Empire. First meeting. (PSZ)]. St. Petersburg: Printing house II of the department of its own EIV of office, 1830. T. V. (1713–1719) – 780 p.
10. Arkhiv voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (Arkhiv VIMAIV i VS) [The archive of the military history museum of artillery, engineers and troops of connection (Archive VIMAIV and VS)]. F. 2. Op. 1. D. 165.
11. Berkh V.N. Sobranie pisem imperatora Petra I k raznym litsam s otvetami na onye. Ch. IV [Collection of letters of Emperor Peter the great to different people with answers to them. Part IV]. – St. Petersburg: Naval printing house, 1830. – 334 p.
12. Veselago F.F. Kratkaya istoriya russkogo flota (s nachala razvitiya moreplavaniya do 1825 g.). Izd. 2-e [a short history of the Russian Navy (from the beginning of the development of navigation until 1825). 2-e Ed.]. – M.-L.: naval publisher NKVMF, 1939. – 304 p.
13. Zapiski Vebera o Petre Velikom i ego preobrazovaniyakh v perevode s nemetskogo P.N.Barsova [Weber notes about Peter the Great and his conversions, translated from the German by P. N. Autograph] // Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik, izdavaemyi pri Chertkovskoi biblioteke. Vypusk 9–12 [Russian archive. Historical and lit-

erary collection, published at Chertkovskaya library. Edition 9–12]. Moscow: Type. Grachev and Co, 1872. Vol. 9. P. 1613–1852.

14. RGA the Navy. F. 233. Op. 1. D. 246.

15. Gnucheveva V.F. Geograficheskii departament Akademii Nauk XVIII veka. Pod red. dokt. ist. nauk A.I. Andreeva [Geographical Department of the Academy of Sciences of the XVIII century. Under the editorship of doctor. ist. Sciences A. I. Andreev]. – M.-L.: Izd. AN SSSR, 1946. – 446 s.

16. PSZ. – St. Petersburg: Printing house II of the department of its own EIV of office, 1830. T. VI. (1720–1722). – 815 p.

17. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian state military historical archive (RGVIA)]. F. 3. Op. 1. D. 29.

18. Zapiski Vebera o Petre Velikom i ego preobrazovaniyakh v perevode s nemetskogo P.N.Barsova [Weber notes about Peter the Great and his conversions, translated from the German by P. N. Autograph] // Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik, izdavaemyi pri Chertkovskoi biblioteke. Vyp. 5–8 [Russian archive. Historical and literary collection, published at Chertkovskaya library. Edition 5–8]. Moscow: Type. Grachev and Co, 1872. Issue 7 and 8. P. 1217–1612.

19. Archive VIMAIV and VS. F. 2. Op. 1. D. 278.

20. Shutoi V. Narodnaya voina na Ukraine protiv shvedskikh zakhvatchikov v 1707–1708 godakh [people's war in the Ukraine against the Swedish invaders in 1707–1708 years] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1949. № 7. P. 9–27.

21. Archive VIMAIV and VS. F. 2. Op. 1. D. 33.

22. Archive VIMAIV and VS. F. 2. Op. 1. D. 47.

23. RGA the Navy. F. 233. Op. 1. D. 1.

24. Archive VIMAIV and VS. F. 3. Op. 1. D. 232.

25. RGVIA. F. 3. Op. 1. D. 20.

Е.С. Котова

Особенности управления «зелёным строительством» в период послевоенного восстановления хозяйства Ленинграда

Процесс послевоенной реконструкции населенных пунктов в СССР был сложным и продолжительным явлением. Во второй половине 1940-х гг. вопросы организации быта и улучшения условий жизни людей власть воспринимала как второстепенные, и большинству населения хозяйственная неустроенность казалась неизбежной. Однако современные исследователи выделяют отрезок времени, неоднородный с точки зрения историко-политического развития страны, – середины 1930 – конец 1950-х гг. – как качественно единый период в развитии городского пространства. При актуализации озеленительной пропаганды и развитии политической риторики основные направления озеленительной практики определяла историческая преемственность.

Повышение роли озеленения в системе организации городского пространства во второй половине 1940-х гг. было связано с появлением Управления садово-паркового хозяйства (УСПХ). Исследование проведено в соответствии с концепциями исторического урбанизма, основывается на неопубликованных источниках из архива УСПХ (ЦГА СПб, Ф. Р-4996).

Ключевые слова: УСПХ, озеленение, «зелёное строительство», генеральный план, восстановление хозяйства, благоустройство, В.Е. Романов, градостроительство, П.Ф. Ладанов, Горзеленстрой.

E.S. Kotova

"Green building" Management Features in the period of post-war reconstruction of Leningrad economy

The process of post-war reconstruction of settlements in the Soviet Union was a complex and long phenomenon. In the second half of the 1940s. questions of life and improving the living conditions of people's power organization perceived as minor, and most people seemed imminent economic disorder. However, modern researchers identify the length of time a non-uniform in terms of the historical and political development of the country - from the mid-1930s. until the end of the 1950s, - both qualitatively single period in the development of urban space. When updating the planting propaganda and political rhetoric of development, the main directions of the planting practices defined historical continuity.

When updating the planting propaganda and political rhetoric of development, the main directions of the planting practices defined historical continuity. Increasing the role

of greenery in the system of urban space organization in the second half of the 1940s. It was associated with the appearance of the Office of landscape management (USPH).

The transformation of landscape management Leningrad in one of the most important sectors of the urban economy has been associated with the emergence of USPH. The study was conducted in accordance with the concepts of historical urbanism, based on unpublished sources from the archive USPH (CSA St. Petersburg, F. R- 4996).

Key words: USPH, landscaping, “green building”, general plan, recovery of the economy, improvement of the city, V.E. Romanov, urban planning, P.F. Ladanov, Gorzelenstroy.

Процесс послевоенной реконструкции населенных пунктов в СССР был сложным и достаточно продолжительным. С одной стороны, во второй половине 1940-х гг. вопросы организации быта и улучшения условий жизни людей власть воспринимала как второстепенные, с другой стороны, большинству населения хозяйственная неустроенность казалась неизбежной, как и другие трудности послевоенного существования – запоздавшие похоронки, хлебные карточки, дефицит одежды [5, с. 55–61].

На территории СССР значительно сократился жилищный фонд. В Ленинграде за время войны было разрушено более 20 % площади жилых кварталов, около полумиллиона жителей лишились своих домов [4, с. 71–72]. В 1944 г. в соответствии с постановлением СНК СССР было сформировано Управление по делам архитектуры исполкома Ленсовета, которое приступило к разработке «Проекта Генерального плана восстановления и развития Ленинграда» [2, с. 101–122]. Новый Генплан был принят в 1948 г. (взамен прежнего, давно потерявшего актуальность Генплана 1939 г.) и был рассчитан не менее чем на 10 лет. План включал в себя не только пункты с рациональным содержанием, но и постулаты из сферы идеологии [4, с. 78–79].

Особенности административно-командного управления, казалось бы, всецело определяли градостроительную политику в Ленинграде. Однако современные исследователи выделяют отрезок времени, неоднородный с точки зрения историко-политического развития страны, – с середины 1930-х гг. до конца 1950-х гг. – как качественно единый период в развитии системы градорегулирования [3, с. 15]. Переломным для градостроительства называют не 1949 г., когда начались репрессии в среде ленинградских партийных деятелей [5, с. 203], а 1954–1955 гг., когда в СССР были изданы строительные нормы и правила, регулирующие застройку, и появились технико-экономические показатели, характеризующие проекты с точки зрения экономичности и скорости возведения [2, с. 162–167]. В историографии возник вариант периодизации развития градостроительства Ленинграда, основанный не на политическом, а на отраслевом принципе. В соответствии с концепциями исторической урбанистики, озеленительная практика как со-

ставная часть градостроительного процесса также определялась внутренними особенностями развития, что могут подтвердить материалы об организации управления озеленением в Ленинграде.

К середине XX в. ленинградские озеленители накопили значительный хозяйственный опыт. Первым звеном в садово-парковом хозяйстве Санкт-Петербурга был Летний сад, заложенный в 1704 г., а первым органом управления озеленением – Садовая контора, основанная в 1710 г. для заготовки и закупки растений для садов Петербурга. В 1723 г. началась подготовка специалистов-садовников в Русской Садовой школе. Сады общественного пользования появились в Петербурге в 1836 г., когда 32 частновладельческих участка перешли в ведение города. В 1858 г. было утверждено Российское общество садоводов [10]. До революции основные вопросы озеленения города и развития садово-паркового хозяйства обсуждались на заседаниях Городской думы. Садовая контора в союзе с Обществом садоводов следила за сохранностью насаждений и решала вопросы селекции; организация работ по обустройству садов и роц проводилась ими совместно с владельцами участков [7, с. 88].

После 1917 г. было определено новое назначение садов и парков. Вместе с ликвидацией частной собственности на землю государство приобрело широкие полномочия для переустройства зеленых пространств города в соответствии с целью «обучения» нового социалистического человека [6, с. 219–235]. Многочисленные проекты будущих социалистических городов предполагали существенное озеленение [10, с. 651]. По мнению А.Г. Вайтенса, социалистический город подразумевал для его создателей (градостроителей, представителей власти) прежде всего коллективное пространство, в котором можно делить с другими и труд, и собственность, и отдых. Однако смелые эксперименты в сфере озеленения, такие как попытки строительства «городов-садов» или создания экологических организаций, не были успешны [6, с. 219–235].

В 1930-е гг. определяющую роль в управлении озеленением Ленинграда играли Отдел садово-паркового хозяйства при управлении благоустройства Ленинграда и Музей города. В связи с тем, что в 1935 г. был утвержден первый Генеральный план Ленинграда, вопросы увеличения, сохранения, правильной эксплуатации зеленого фонда приобрели особую актуальность. Началась разработка документов для унификации зеленого строительства, и в Музее города была создана садово-парковая секция во главе с Е.А. Поляковой. Сохранились свидетельства того, что Полякова выполняла научно-исследовательские работы по заказам Института стандартизации и норм, планировочного отдела Ленинградского областного отдела коммунального хозяйства, Государственной академии коммунального хозяйства при Совнарком РСФСР, Государственной московской академии коммунального хозяй-

ства по сектору зелёного строительства, отдела озеленения управления благоустройства Ленинграда. Изучив материалы личного архива Е.А. Поляковой, Т.В. Балабко установила, что Полякова разрабатывала проблемы теоретического характера, читала специальные лекции по темам выставок на основе исследования широчайшего спектра экспонатов садово-паркового дела (чертежей, статистических данных, фотографий, работ иностранных специалистов и т. д.), учитывая накопленный дореволюционный опыт [1, с. 71–79].

За время блокады многие специалисты садово-паркового хозяйства погибли, более половины площади питомников были уничтожены, разрушены почти все оранжереи и теплицы, цветников не осталось. Все усилия работников сферы благоустройства были направлены на сохранение культурно-исторического наследия Ленинграда. В то же время деревья и кустарники гибли десятками тысяч, дорожки и площадки нуждались в восстановлении [11].

27 января 1944 г., в день полного снятия блокады, Ленинградский городской совет депутатов и трудящихся принял решение о создании городского Управления садово-паркового хозяйства и зелёного строительства (УСПХ) в составе Исполкома Ленгорсовета. Начальником управления был назначен Василий Евграфович Романов (1907–1967), – участник обороны Ленинграда [11].

В июне 1944 г. исполком Ленгорсовета утвердил положение, в котором уточнялись задачи, функции УСПХ, его структура. Управление должно было осуществлять планирование, управление и контроль за зеленым строительством и эксплуатацией садово-паркового хозяйства Ленинграда, в частности разрабатывать генеральные и годовые планы озеленения Ленинграда; сотрудничать с научно-исследовательскими учреждениями в работе над проблемами озеленения; издавать пособия и плакаты по вопросам зеленого строительства и уходу за зелеными насаждениями; готовить кадры специалистов в области садово-паркового хозяйства; проводить конференции для обмена опытом. УСПХ было также наделено правом участвовать в рассмотрении проектов гражданских сооружений, выдавать разрешения на вырубку зеленых насаждений, вести контроль за выполнением всеми организациями (учреждениями, предприятиями) на территории города директив, относящихся к озеленению, в случае отсутствия должного ухода – изымать зеленые насаждения у организаций (учреждений, предприятий). Управление также должно было осуществлять руководство работой частей, вошедших в его структуру.

В структуру УСПХ в 1944 г. вошли производственно-технический отдел, садово-парковая инспекция, планово-экономический отдел, бухгалтерия, отдел кадров, управление делами, научно-технический совет, отдел снабжения. В декабре 1944 г. в целях общего технического надзора над всеми зелеными насаждениями города и пригородов,

независимо от их ведомственной принадлежности, в составе управления была создана садово-парковая инспекция; кроме того в ведение управления перешли некоторые хозрасчетные единицы: Цветочно-питомнический трест, Трест садово-паркового хозяйства, Строительная контора «Ленгорзеленснаб», Снабсбытконтора «Ленгорзеленснаб», а также Станция зеленых насаждений, осуществлявшая деятельность за счет бюджетных средств. За управлением было оставлено право организовывать новые хозрасчетные единицы с разрешения исполкома Ленгорсовета [12. Л. 1–3].

К августу 1944 г. сотрудники УСПХ составили доклад о состоянии зеленого хозяйства Ленинграда и перспективах его развития. В этом докладе была научно обоснована потребность больших городов в масштабном озеленении: зеленые насаждения нужны были городу для достижения высоких санитарно-гигиенических, физкультурно-оздоровительных, эстетических показателей. По данным предвоенных наблюдений Ленинград находился на втором месте по загрязненности воздуха после Магнитогорска. Это связывали как раз с тем, что темпы озеленения пространства отставали от контрольных цифр Генплана в четыре раза, и на одного жителя приходилось около 9 кв. м зелени вместо 38, при этом очевидной была тенденция к сокращению «подушевой» нормы зеленых насаждений. Исправить ситуацию должны были «артериальные посадки» [13. Л. 1–36].

По итогам обследования был утвержден План зеленого строительства на 1946–1950 гг. и перспективу – 1951–1960. В соответствии с планом объекты восстановления и строительства (сады, парки, скверы, объекты внутриквартального озеленения и др.) были дифференцированы по ведомственному подчинению; план определял площадь и стоимость реконструкции и строительства объектов озеленения, время проведения работ [14. Л. 1–3]. Генеральная схема озеленения Ленинграда, разработанная совместно архитекторами и озеленителями, подразумевала взаимосвязь пригородной лесопарковой зоны и водной системы с внутригородскими зелеными насаждениями. Эта взаимосвязь должна была осуществляться через распространение зеленых массивов от берегов Финского залива, Невы и ее рукавов вглубь города, и при помощи создания «зеленых клиньев» от пригородных лесов и полей к центру [8, с. 125–126]. Такая схема была созвучна проектам, созданным Е.А. Поляковой на базе Музея города в 1930-е гг.

Первые финансовые отчеты управления свидетельствовали о наличии проблем в системе взаимодействия между элементами структуры управления, преодолеть которые было сложно. Наиболее полно проблемы в управлении в первое послевоенное десятилетие раскрыты в материалах совещания у председателя исполкома П.Ф. Ладанова «О работе управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства» в августе 1952 г. [15]. Совещание было плановым мероприятием;

присутствовавшие должны были заслушать доклад исполнителей о работе УСПХ, «глубже посмотреть управление», наметить практические меры для улучшения работы.

Доклад не содержал самокритики. Председатель Исполкома Ладанов спровоцировал дискуссию, отметив, что руководители собрались на совещание не петь дифирамбы, а обсудить, в частности, рентабельность управления [15. Л. 2]. Одна из тем, всколыхнувших эмоции представителей управления – обеспеченность кадрами. По мнению начальника УСПХ Романова, эта проблема не могла быть решена, пока сотрудники Управления не были обеспечены жильем: «Мы должны иметь 350 человек, а имеем 160 из-за отсутствия жилья» [15. Л. 7]. Начальник конторы Горзеленстрой Смоленский добавлял, что привлечение временных рабочих не могло гарантировать Горзеленстрою выполнение плановых работ по озеленению в срок, поскольку во время обучения временные работники не имели должных знаний для проведения работ, а после прохождения обучения «из 1000 остается 50». Смоленский также считал, что жилье является определяющим фактором при поиске рабочих и в подтверждение своих слов был готов показать фотографии общежитий, в которых вынуждены жить немногочисленные сотрудники конторы [15. Л. 14–15]. Романов доложил о недостаточности финансирования, которое накануне было урезоано на 50% по предъявлению Генплана, при этом на организацию работы в новых парках немедленно требовалось 400 тыс. р. [15. Л. 2–8]. В ответ на его требования представитель исполкома Дерябин выразил сомнение, что в садово-парковых конторах районов выделенные средства будут освоены. В сторону Романова прозвучала критика касательно высокой себестоимости продукции управления, задержки выплат в бюджет, недостаточного внимания к районным конторам. Некоторые выступления открыто демонстрировали агрессивную позицию выступавших по отношению к УСПХ. Например, Наумов утверждал, что за 20 лет работы в исполкоме он ни разу не слышал, чтобы управление ставило перед исполкомом вопрос о тех «безобразиях, которые имеют место во многих зеленых массивах, находящихся на территории ведомственных организаций» [15. Л. 18]. В заключительном слове председатель исполкома Ладанов резюмировал, что УСПХ хотя и выполнило некоторую работу в деле организации зеленого хозяйства, но все же не обеспечило всего того, что должно было сделать в части зеленых насаждений. Ответственность за недостатки в работе управления Ладанов возложил на коллектив: «Чего не хватает Управлению? Это энтузиазма» [15. Л. 26–28]. Председатель исполкома уточнил, что УСПХ является хозяином всех насаждений, в чьем бы ведении они не находились. Не все средства, переданные управлению в 1944 г., были освоены и формирование круга задач УСПХ продолжалось.

Особенности репрезентации достижений ленинградских озеленителей исключали возможность критики. Данные официальной статистики свидетельствовали о том, что за послевоенное десятилетие в городе и пригородах было высажено около 1,5 млн деревьев взамен 100 тыс. погибших. Площадь питомников была увеличена в три с половиной раза по сравнению с довоенной. Если с 1923 по 1941 гг. было оборудовано 164,8 га садов общего пользования, то за 1945–1956 гг. – 470 га [9, с. 125–126]. Всего же с 1944 по 1954 г. площадь озеленения увеличилась на 518 га. С каждым годом темпы озеленения возрастали, этого требовало строительство новых жилых микрорайонов индустриальным способом. В последующие десятилетия Ленинград неоднократно занимал первые места по озеленению среди других городов СССР [11].

Садово-парковое хозяйство Ленинграда превратилось в одну из важнейших отраслей городского хозяйства, имевшую ощутимое социальное значение. В соответствии с официальной хроникой, ленинградцы, уставшие от войны и разрухи, с большим энтузиазмом выходили на общественные работы в сады и парки [11]. Только за 1945 г. население на ремонте домов, учреждений здравоохранения, благоустройстве, разборке баррикад отработало 25519,6 тыс. человеко-дней [4, с. 79]. В том же 1945 г. при помощи методов «народной стройки» были заложены мемориальные парки Победы – Московский и Приморский.

Общественная инициатива исторически являлась важной силой в мероприятиях по благоустройству города. В имперской России в организации зелёных зон повсеместно доминировала частная инициатива, что было естественно: рощи и сады можно было купить, продать или сдать в аренду, они имели хозяев. К примеру, в Саратове Парку культуры и отдыха им. М. Горького (1935 г.) предшествовала роща, оказавшаяся в черте городской застройки в начале XIX в. К концу XIX в. роща была поделена на участки и перепродана предпринимателям, для которых владение землёй являлось прежде всего коммерческим предприятием: до революции здесь размещались летний театр, ресторан и другие увеселительные заведения, а благоустройство непосредственно влияло на рентабельность [9, с. 6].

В СССР же единственным полноправным владельцем земли являлось государство, и ответственность за создание парков и скверов была разделена между районами, заводами, казенными учреждениями. Однако в послевоенный период бюджет озеленительных работ Ленинграда не был достаточным для реализации планов. Нехватка квалифицированных рабочих, связанная с нехваткой жилья провоцировала острую нужду города в присутствии частной инициативы при проведении благоустроительных работ. Поэтому задачей районных руководителей стала организация зелёных сред и субботников, анало-

гичных дореволюционным праздникам древонасаждений, чтобы вовлечь горожан в процесс обустройства мест досуга. Также в качестве толчка для развития озеленения проводились ежегодные выставки наподобие дореволюционных сельскохозяйственных выставок; при проведении соцсоревнований советские власти привлекали опыт садоводов и огородников, что тоже повсеместно было популярно в истории управления озеленением. Несмотря на актуализацию озеленительной пропаганды и развитие политической риторики, историческая преемственность в озеленительной практике во многом определяла основные направления в руководстве озеленением в период послевоенного восстановления Ленинграда.

Взаимосвязь озеленительной практики и остроты жилищного вопроса в Ленинграде второй половины 1940-х гг. указывает, что озеленительная практика являлась составной частью динамической градостроительной системы города. Особенности создания и развития Управления садово-паркового хозяйства (в частности тот факт, что первый начальник УСПХ В.Е. Романов сохранил свою должность во время политических изменений начала 1950-х гг.) свидетельствуют о внутренних отраслевых тенденциях руководства озеленением, не обусловленных только лишь спецификой административно-командной системы, что в дальнейшем помогло управлению обеспечить поступательное развитие «зелёного строительства» и достигнуть положительных результатов в сфере озеленения Ленинграда.

Список литературы

1. Балабко Т.В. Евгения Алексеевна Полякова и «зелёное строительство» в Петрограде-Ленинграде в 1918–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2015. – 224 с.
2. Батурко И. Ю. История градостроительной политики в Ленинграде (по материалам генеральных планов города с 1917 по 1991 г.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. – 187 с.
3. Вайтенс А.Г. Исторический опыт регулирования архитектурно-градостроительного развития Санкт-Петербурга – Ленинграда (1870-е – конец 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра архитектуры. – Н. Новгород, 2014. – 47 с.
4. Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 гг. – СПб.: Остров, 2005. – 436 с.
5. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
6. Китаев А.В. История Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Открытые пространства: сады и парки (1900–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010. – 249 с.
7. Лебедева Н.И., Рыженко В.Г. Омск. «Город на границе государства Российского...». Историческая мозаика. – СПб.: Звезда Петербурга, 2001. – 112 с.
8. Ленинград. Планировка и застройка. 1945–1957 / ред. В.А. Витман. – Л.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1958. – 180 с.
9. Лузина Е.С. Парк культуры и отдыха в Саратове. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. – 72 с.

10. Макарова Н.Н. Городское благоустройство как элемент повседневной жизни города (по материалам Магнитогорска первой половины 1930-х гг.) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. – Курган: Курган. дом печати, 2015. – С. 648–653.

11. Петербургские сады и парки – наша история и современность // Императорские сады России: интерактивный портал о фестивале и его участниках / Государственный Русский музей. – СПб., 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://igardens.ru/ru/m1/arihiv/spisok-uchastnikov/uchastniki-festivalja-2014/usph> (дата обращения: 01.12.2016).

12. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-4996 – Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов и трудящихся. Оп. 1. Д. 1.

13. ЦГА СПб. Ф. Р-4996 – Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов и трудящихся. Оп. 1. Д. 2.

14. ЦГА СПб. Ф. Р-4996 – Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов и трудящихся. Оп. 1. Д. 23.

15. ЦГА СПб. Ф. Р-7384 – Санкт-Петербургского городского совета народных депутатов (Горсовет) (1917–1993 гг.). Оп. 25. Д. 1828.

References

1. Balabko T.V. Evgeniya Alekseevna Polyakova i «zelenoe stroitel'stvo» v Petrograde-Leningrade v 1918–1941 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [Yevgenia Alexeyevna Polyakova and "green building" in Petrograd-Leningrad in 1918–1941 years: dissertation. SPb., 2015. – 224 p.

2. Baturko I.Y. Istoriya gradostroitel'noi politiki v Leningrade (po materialam general'nykh planov goroda s 1917 po 1991 g.): dis. ... kand. ist. nauk [The history of urban planning policy in Leningrad (based on the general plans of the city from 1917 to 1991): dissertation. SPb., 2005. – 187 p.

3. Vaytens A.G. Istoricheskii opyt regulirovaniya arkhitekturno-gradostroitel'nogo razvitiya Sankt-Peterburga – Leningrada (1870-e – konets 1950-kh gg.): avtoref. dis. ... doktora arkhitektury [The historical experience of regulation of the architectural and urban development of St. Petersburg – Leningrad (1870 – the end of the 1950s.): abstract of the dissertation. Nizhny Novgorod, 2014. – 47 p.

4. Vakser A.Z. Leningrad poslevoennyi [Postwar Leningrad]. 1945–1982. – SPb.: Island, 2005. – 436 p.

5. Zubkov E.Y. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953. [Postwar Soviet society: politics and everyday life]. 1945–1953. – M.: ROSSPEN, 1999. – 229 p.

6. Kitaev A.V. Istoriya Sankt-Peterburga – Petrograda – Leningrada. Otkrytye prostranstva: sady i parki (1900–1950 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [History of St. Petersburg – Petrograd – Leningrad. Open spaces: gardens and parks (1900–1950): dissertation. SPb., 2010. – 249 p.

7. Lebedeva N.I., Rizhenko V.G. Omsk. «Gorod na granitse gosudarstva Rossiiskogo...». [Omsk. "The town on the border of the Russian State ...". Historical Mosaic]. SPb.: The star of St. Petersburg, 2001. – 112 p.

8. Leningrad. Planirovka i zastroika. 1945–1957 [Leningrad. Planning and construction. 1945–1957] / Ed. V.A. Witman. L.: State Publishing House of Literature on construction, architecture and building materials, 1958. – 180 p.

9. Luzina E.S. Park kul'tury i otdykha v Saratove [Recreation Park in Saratov]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 1983. – 72 p.
10. Makarova N.N. Gorodskoe blagoustroistvo kak element povsednevnoi zhizni goroda (po materialam Magnitogorska pervoi poloviny 1930-kh gg.) [Urban landscaping as an element of everyday city (on materials of Magnitogorsk in the first half of the 1930s)] // [Historical urban studies: the past and present of the city]. Kurgan: OOO "Kurgan house print", 2015. – P. 648–653.
11. Peterburgskie sady i parki – nasha istoriya i sovremennost' [St. Petersburg gardens and parks – our history and the present] // Imperatorskie sady Rossii: interaktivnyi portal o festivale i ego uchastnikakh [The Imperial Gardens of Russia: an interactive portal on the festival and its participants] / The State Russian Museum. – SPb., 2013 [electronic resource]. – URL: <http://igardens.ru/ru/m1/arhiv/spisok-uchastnikov/uchastniki-festivalja-2014/usph> (data obrashcheniya: 01.12.2016).
12. Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central State Archives of St. Petersburg]. F. P-4996 - Upravleniya sadovo-parkovogo khozyaistva i zelenogo stroitel'stva Iсполnitel'nogo komiteta Leningradskogo gorodskogo soveta deputatov i trudyashchikhsya. [Office of Landscape and Green Building of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Deputies and Workers]. Op. 1. D. 1.
13. TsGA SPb. [Central State Archives of St. Petersburg]. F. R-4996 – Upravleniya sadovo-parkovogo khozyaistva i zelenogo stroitel'stva Iсполnitel'nogo komiteta Leningradskogo gorodskogo soveta deputatov i trudyashchikhsya. [Office of Landscape and Green Building of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Deputies and Workers]. Op. 1. D. 2.
14. TsGA SPb. [Central State Archives of St. Petersburg]. F. R-4996 – Upravleniya sadovo-parkovogo khozyaistva i zelenogo stroitel'stva Iсполnitel'nogo komiteta Leningradskogo gorodskogo soveta deputatov i trudyashchikhsya. [Office of Landscape and Green Building of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Deputies and Workers]. Op. 1. D. 23.
15. TsGA SPb. [Central State Archives of St. Petersburg]. F. R-7384 – Sankt-Peterburgskogo gorodskogo soveta narodnykh deputatov (Gorsoviet) [St. Petersburg City Council of People's Deputies (City Council)] (1917–1993). Op. 25. D. 1828.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 94(574)"19":322

ГРНТИ 03.20: История Казахстана

З.Г. Сактаганова

Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в.

В статье анализируется советская модель государственной религиозной политики, осуществлявшаяся в Казахстане в советский период. Предлагается авторский вариант периодизации религиозной политики в Казахской ССР, поскольку различия в этапах и их хронологии не идентичны для разных национальных республик советского пространства. Акцентируется внимание на законодательной базе религиозной политики Советского государства, формах и методах антирелигиозной борьбы. Более подробно рассматривается религиозная ситуация и роль ислама в повседневной жизни советских казахстанцев во второй половине XX в. Делается вывод о том, что, несмотря на активизацию в определенные периоды советской истории антирелигиозной борьбы, доля верующих и сочувствующих религии в различных регионах Казахстана была весьма значительной.

Ключевые слова: советская история, религиозная политика, история повседневности, Казахская ССР, Центральный Казахстан, ислам, религиозная повседневность.

Z.G. Saktaganova

Soviet model of the state religious policy in Kazakhstan and the religious daily life of the Kazakstanis in the second half of the XX century

The article analyzes the Soviet model of religious state policy in Kazakhstan during the period of Soviet history. The author offers his own version of the periodization of the religious policy in the Kazakh SSR, considering that differences in stages and chronology are not identical for different national republics of the Soviet space. The author focuses on the legal basis of the religious policy of the Soviet state, on the forms and methods of anti-religious struggle. Examines in detail the religious situation and the role of Islam in everyday life of Soviet Kazakhstan's people in the second half of XX century. The article concludes that despite the intensification of anti-religious struggle during certain periods of the Soviet history, the percentage of believers and sympathizers of religion has been rather significant in different regions of Kazakhstan.

© Сактаганова З.Г., 2017

© Saktaganova Z.G., 2017

Key words: Soviet history, religious policy, history of everyday life, Kazakh SSR, Centrl Kazakhstan, Islam, religious everyday life.

Поиск, выработка и построение соответствующей модели государственной политики в отношении конфессий являлись серьезной проблемой в ходе всей истории существования Советского Союза. В основе религиозной политики государства в целом лежала установка, что «коммунизм и религия несовместимы», и властью проводилась работа по вытеснению религиозных организаций из внутренней жизни общества, но были и определенные этапы мирного сосуществования власти и религии.

Советские и современные исследователи разрабатывали проблему периодизации религиозной политики и церковно-государственных отношений в своих трудах. В большинстве исследований 1917–1930-е гг. обозначались как период борьбы с духовенством и репрессий; 1941–1945 гг. – период смягчения политики в отношении церкви. Авторы публикаций постсоветского периода пишут, что с середины 1950-х гг. до 1980-х гг. шло «новое наступление» на церковь [1–3]. Но считаем возможным отметить, что практика реализации религиозной политики Советского государства в разных регионах имела определенные различия: одни этапы характерны для религиозной политики в отношении христианских конфессий, другие – например, для районов, где доминировал ислам (в частности, в Казахстане). При выделении этапов нами в основу концептов были заложены не только общая траектория, вектор религиозной политики, но взаимоотношения власти с религией и прежде всего с исламом в Казахстане. Предлагаем авторский вариант периодизации религиозной политики в Казахстане, включающий в целом пять этапов (1917–1929, 1929–1941, 1941–1953, 1954–1964 и 1964–1991 гг.).

1917–1929 гг. для Казахстана условно можно обозначить как этап относительной «религиозной свободы». Первые меры, нацеленные на разрушение и уничтожение устоев ислама в стране (абсолютное большинство населения Казахстана в 1917 г. составляли казахи – около 80 % – исповедавшие ислам), строившей коммунизм, были приняты почти на 10 лет позже наступления на христианские и др. конфессии. В 1917 г. «Декларацией прав народов России» провозглашалась «отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений», но начались жесткие гонения и репрессии против православных, католических и др. верующих и священнослужителей.

Что же касается отношений власти с мусульманской религией, то, как отмечают французские исследователи [4], из стратегических соображений после периода Гражданской войны, характеризовавшегося «кавалерийскими набегами» на религиозные институты, московское правительство приняло по отношению к исламу политику относитель-

ной терпимости и избегало с десятков лет прямой конфронтации с исламскими религиозными «учреждениями». Авторы этот период (с 1917 по 1928 г.) в своих исследованиях называют «мусульманским национальным коммунизмом» в СССР, характеризуя его следующим образом: десятилетие не осуществлялось жестких репрессивных мер по отношению к мусульманской конфессии (но это обстоятельство, на наш взгляд, в значительной степени можно отнести и к другим нехристианским религиям), и 1917–1928 гг. в целом оставались этапом относительной «религиозной свободы». Соглашаясь с французскими исследователями, считаем нужным обозначить причины более лояльного отношения власти к исламу и мусульманам. В период 1917–1918 гг. в советской России один за другим были провозглашены территориальные автономии в национальных регионах страны (Туркестанская автономия, автономия «Алаш» и др.); большевики планомерно уничтожали их одну за другой в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.), при этом пытаясь привлечь национальную элиту этих автономий к сотрудничеству, ибо без их поддержки обрести сторонников в национальных окраинах невозможно. В таких условиях власть не обостряла религиозный вопрос в этих регионах. Поэтому системных, активных действий антиисламского характера не было, неслучайно речь идет лишь о редких «кавалерийских наскоках» на ислам. Соответственно, до середины 1920-х гг. не обостряли отношений с Москвой и лидеры национальных и религиозных элит.

В сентябре 1920 г. было создано Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) Европейской России, Сибири и Казахстана. В 1920-х гг. отмечается активизация религиозной жизни в казахском обществе. Антираелигиозная комиссия ЦК РКП (б) разрешила муллам работать в советских школах и позволила преподавание вероучения в мечетях детям [5, с. 115]. Мусульманские учреждения развернули свою работу по всему региону, на долю казахов приходилось около 90% верующих и служителей культа. К 1924 г. в республике насчитывалось несколько десятков медресе, строились мечети, действовал шариатский суд. Мечети получили определенную финансовую самостоятельность в результате массового сбора пожертвований («садака» и др.) от населения [6, с. 8].

В 1929–1941 гг. начинается процесс ужесточения антирелигиозной борьбы, когда «религиозный нэп», характеризующийся частичной либерализацией, был свернут. В апреле 1929 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», ставшее основным правовым актом с этого времени в религиозной политике Советов. Оно ограничивало деятельность религиозных служителей стенами храмов, монастырей, домов молитвы, мечетей и синагог, а также местом проживания верующих, и регулировало религиозную жизнь в СССР фактически до распада компартии и Союза. Главными методами

борьбы с религиозными организациями стали конфискация зданий храмов, молитвенных домов, мечетей, синагог; лишение религиозных общин и союзов государственной регистрации, закрытие учебных заведений и религиозных изданий, а также фактический запрет на какую-либо активность вне церковных стен.

Именно на данном этапе и начинается активное преследование ислама в СССР в целом, и в Казахстане в частности. К 1928 г. были закрыты все мусульманские религиозные начальные и средние учебные заведения. Если в 1912 г. в России было более 26 тыс. мечетей, в которых насчитывалось около 45 тыс. служителей культа, к началу 1941 г. их осталось лишь около 1 тыс. [4, с. 11]. В Казахстане в период 1928–1933 гг. закрыто 198 церквей и мечетей. В 1932 г. начались первые репрессии представителей мусульманского духовенства и верующих. Но, несмотря на давление, репрессивные меры и уничтожение значительной части духовенства, активную атеистическую пропагандистскую деятельность, в том числе «Союза воинствующих безбожников» (1925–1947 гг.), религия продолжала играть существенную роль в духовной жизни общества: православие и ислам сохранили свои позиции в сельской местности, особенно среди старшего и среднего поколения, да и среди городского населения религия не была истреблена. И только комсомольцы воспринимали агитацию как реальность. Советская пропаганда манипулировала сознанием молодых людей, которые в результате «социальной дрессировки» [7, с. 106] становились атеистами, но и этот атеизм был весьма поверхностен. Поскольку «право на окончательный ответ в вопросе, какие потребности истинны и какие ложны, принадлежит самим индивидам, – но только на окончательный, то есть в таком случае и тогда, когда они свободны настолько, чтобы дать собственный ответ. До тех пор, пока они лишены автономии, до тех пор, пока их сознание – объект внушения и манипулирования (вплоть до глубинных инстинктов), их ответ не может считаться принадлежащим им самим» [8, с. 9].

В обществе шли процессы, контролируемые тотально, причем «формы общественного контроля были интроектированы до такой степени, что стало возможным воздействовать на индивидуальный протест уже в зародыше» [8, с. 13–14]. Интеллектуальный и эмоциональный отказ «следовать вместе со всеми» становился невозможным. Казалось, что воинствующий атеизм вторгается в личное пространство и сводит на нет всю религиозность, но она все равно остается, правда, лишь в том личном пространстве, где человек имеет возможность оставаться «самим собой». Мусульманское же население «демонстрировало безразличное и даже враждебное отношение при попытках наступления на ислам» [9; 10].

1941–1953 гг. – этап частичного возрождения религиозной жизни в стране и попытки «консолидировать общество, использовать все ре-

зервы для его мобилизации послужили причиной пересмотреть государственную-религиозную политику». В этот период выстраивается четкая вертикаль органов управления религиозной жизнью страны. В 1943 г. создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), в целом управление духовными делами мусульман СССР осуществляли четыре независимых друга от друга центра. При СНК СССР в сентябре 1943 г. были созданы Совет по делам Русской православной церкви (СДРПЦ), в мае 1944 г. Совет по делам религиозных культов (СДРК).

В 1946 г. на территории СССР насчитывалось 10.547 соборов, церквей и молельных домов [11, с. 79] в том числе, в Казахстане в июле 1946 г. действовало 22 православные церкви.

Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СМ КазССР в 1946 г. сообщал, что по неполным данным совершение религиозных православных обрядов осуществлялось достаточно широко. Так, крещение производилось не только младенцев, но и взрослых детей в возрасте от 5 до 15 лет; имели место случаи принятия православия гражданами других вероисповеданий и т.д. Посещение церквей и молитвенных домов верующими постоянно увеличивалось и особенно в дни церковных праздников [12, с. 67].

Мусульманская община республики находилась в ведении САДУМ, административный центр которого располагался в Ташкенте [6, с. 9]. Управлением посылались письма к муллам с просьбой о подборе контингента слушателей в открываемые в Ташкенте и Бухаре медресе. Казахстану было предоставлено 37 мест. Возраст слушателей должен был соответствовать 23–35 годам. Однако в 1945 г. отмечался слабый набор слушателей, несмотря на то что возрастной ценз был увеличен от 18 до 40 лет [12, с. 67–68]. По Казахстану в целом преобладали незарегистрированные мусульманские общины и молитвенные сооружения, верующие самовольно занимались строительством мечетей, устраивали массовые богослужения. Наибольшее распространение среди мусульман получили так называемые «бродячие» муллы; появление которых было связано с тем, что советские власти отказывали им (как и служителям других конфессий) в регистрации. Их деятельность была связана с совершением обрядов при похоронах, венчании, чтении намазов в религиозные дни (Ураза-Байрам, Курбан-байрам). В религиозных праздниках принимали участие от 20–30 до 400–500 чел. в поселках и гораздо больше в городах: в Алма-Атинской мечети, например, в 1951–1953 гг. посещаемость в дни мусульманских праздников составила от 4 до 5,5 тыс. чел. В архивах имеются сведения о забое жертвенного скота в день Курбан-айта: в 1951 г. – 1.155 баранов в 1952 – 1.912. Причем следует отметить, что эти сведения охватывают лишь 6–8 областей Казахстана и по 3–4 населенных пункта из каждой области [13. Л. 16]. Исследователи от-

мечают устойчивость религиозных традиций в семье, в которой нередко старшие члены следовали мусульманским предписаниям. Совершали пятикратную молитву (намаз), постились (ораза), пытались привлечь к этому и младших членов семьи.

Как отмечается в публикациях, в период войны и послевоенный сталинский, т. е. до 1954 г., между властью и исламом в стране наблюдалось относительное ослабление напряжения. Создание нескольких духовных управлений мусульман (в Уфе, Баку, Буйнакске, Ташкенте) помогло выстоять исламским институтам. В Казахстане открытия отдельного духовного управления не последовало, однако позиции ислама в республике крепки. На наш взгляд, этот тезис подтверждается и частными фактами из повседневной жизни верующих Центрального Казахстана, например, г. Караганды. В архивах отслежено отправление культов в Сталинском районе Караганды, причем абсолютное большинство из них осуществлялось муллами на дому. Так, например, соблюдение ритуалов «жаназа» (отпевание покойника) в 1948 г. зафиксировано 163 случая, к 1953 г. – 363 (в 2,2 раза больше); «исим» (наречение имени) 33 и 69 соответственно (в два раза больше); «неке» (венчание) – с 6 до 14 (в 2,3 раза больше) [13. Л. 75]. В колхозе им. Сталина Кокшетауского района Северо-Казахстанской области в один день был произведен «сундет» (обряд обрезания) над 15 мальчиками, при этом для организации тоя было зарезано 15 баранов. А в одном из районов г. Джамбула ежегодно около 500 чел. соблюдали 30-дневный пост (ораза) и ходили на поклонение могиле «Святого Карахана» [13. Л. 21]. Это лишь единичные зафиксированные факты, в повседневной жизни их было гораздо больше.

Активизировалась жизнь других конфессий: после постановления СНК (декабрь 1944 г.) «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» в 1945–1948 гг. молитвенные здания были открыты во многих городах КазССР (Алма-Ате, Семипалатинске, Павлодаре, Уральске, Акмолинске, Джамбуле, Чимкенте и др.). В целом количество зарегистрированных молитвенных домов составило 30 [14, с. 18].

«Потепление» отношения к религиозным организациям со стороны государства с началом войны не означало, что оно отказалось от своей стратегической цели – уничтожения религии, но в связи с необходимостью консолидации общества на некоторое время перестали «выпячивать» эту проблему. Антирелигиозную пропаганду перевели в плоскость распространения и расширения пропаганды материалистических взглядов, естественно-научных и научно-технических знаний, о чем и было заявлено в постановлении ЦК ВКП(б) в 1944 г. «Об организации научно-просветительской пропаганды» [15, с. 71]. Продолжал функционировать Совет по делам религиозных культов, созданный в 1944 г., на который возлагались задачи осуществления взаимодействия между государством и Московской патриархией, а также религи-

озными объединениями мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий, армяно-григорианской, старообрядческой, католической и лютеранской церквей и сектантских организаций. Религиозные учреждения получили некоторые послабления: в частности, с 1946 г. для всех религиозных учреждений был резко снижен тариф на электроэнергию в три с половиной раза.

Начало консолидации антирелигиозного фронта произошло в 1947 г. С ноября 1948 по март 1953 г. в СССР не было открыто ни одного храма [16, с. 43]. Потепление шло на спад, но агрессивных, полярно менявших общую тенденцию взаимоотношений институтов государства и религии, действий пока не происходило. В 1948–1953 гг. шел процесс некоторой стагнации как в религиозной жизни советского общества, так и в церковной политике государства. И хотя многие современные российские исследователи говорят об «ужесточении антирелигиозной политики» в послевоенный сталинский период, на наш взгляд, репрессивный механизм сталинской машины в большей степени обрушился не духовенство и верующих, а на интеллигенцию (творческую, научную и т. п.). Государство не изменило направление основного вектора религиозной политики военных лет и в сталинский послевоенный период, так что термин «оттепель» из лексики советологов о хрущевском периоде в «советской модели государственной церковной политики» закономерно использовать как «сталинская оттепель». В целом в послевоенный период религиозная политика в СССР осуществлялась в контексте общего развития страны, на нее влияли атмосфера холодной войны и ряд других факторов.

В 1954–1964 гг. идет ужесточение антирелигиозной политики, активизация антирелигиозной борьбы, распространение «научного атеизма». Десталинизация в религиозной политике «потепления» 1941–1953-х гг. вылилась в хрущевское время в мощную антирелигиозную кампанию. После смерти И.В. Сталина были внесены существенные коррективы в религиозную политику, принято два постановления в 1954 г. с промежутком в четыре месяца (июль и ноябрь). Их принятие – свидетельство дихотомии в политике государства по отношению к конфессиям. С одной стороны, постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», которое, отмечая «активизацию церкви и различных религиозных сект», рост числа граждан, отправляющих религиозные обряды, требовало от партийных, комсомольских организаций и других институтов проводить антирелигиозную работу «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям». С другой стороны, постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» осуждало методы клеветы, оскорблений, административного вмешательства в деятельность религиозных организаций

и тоже требовало «развертывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией». Исследователи отмечают, что последний документ впервые с 1920-х гг. резко и открыто осуждал «силовые методы» в отношении религии [17, с. 23].

Но не прошло и двух лет, как антирелигиозный курс политики стал доминантным и, хотя период правления Н.С. Хрущева называют «оттепелью», между государством и религиозными организациями наступило значительное охлаждение отношений. И уже после ряда постановлений ЦК КПСС и СМ СССР 1958 г. («О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам "О недостатках научно-атеистической пропаганды"»; «О монастырях в СССР», «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей») началась активная борьба с «религиозными пережитками и ужесточение условий существования религиозных общин, что свидетельствовало о новом этапе наступления на церковь.

Следует согласиться с известным российским исследователем истории религии в СССР М.И. Одинцовым, который считает, что для государственно-церковных отношений «хрущевская оттепель» обернулась откатом в 1930-е гг. [18]. В руководстве КПСС одержали победу сторонники жесткого курса в отношении религии и церкви, окончательно оттеснившие государство от формирования церковной политики. В новых условиях на Советы возлагалась задача максимально содействовать сокращению числа религиозных организаций. В результате, если на начало 1954 г. в СССР насчитывалось 18.474 действующих религиозных обществ (в т.ч., православных – 13.423), то в 1965 г. – 11.702 (в т.ч., православных – 7.551) [18], т.е. за десять лет произошло уменьшение более чем на треть (36 %).

Религиозная политика Советского государства при Н.С. Хрущеве характеризовалась гонениями на исламскую веру и верующих. Частные примеры подтверждают это: резко уменьшается количество желающих выполнить паломничество (хадж) в г. Мекку. В 1958 г. на паломничество в Мекку было подано 53 заявления, в 1959 г. – 52, 1960 – 17; из них паломничество совершили в 1958 – 1 чел., 1959 – 1, а в 1960 г. не ездил никто [19, с. 152]. Сравним ситуацию с дореволюционной: в 1905 г. 500 казахов в Омске получили разрешение на выполнение хаджа [20, с. 116].

На основании постановления ЦК КПСС 1958 г. «О мерах по прекращению паломничества к так называемым "святым местам"», в Казахской ССР было закрыто 13 из 26 святых мест. Святой источник «Аяк-Калкан» (Алматинская обл.) стал курортом, мавзолеем Укач-Ата – лагерем для пионеров, «Узун-Ата» – ветеринарным пунктом [14, с. 37]. Если в 1959 г. на учете в СССР в органах власти состояло 839 му-

сульманских «святых» мест, то к 1974 г. их число сократилось до 612 [21, с. 328].

Большинство действующих мечетей в СССР было закрыто, из 1.500 в 1954 г. через десять лет (в 1964) осталось меньше 500. Массированная антимусульманская пропаганда была развязана в печати, по радио, на телевидении и в театре [22, с. 10]. Увеличилось издание литературы антирелигиозного характера на разных языках СССР. В период 1962–1964 гг. в СССР издано 210 подобных произведений, в том числе 50 на казахском языке.

Видя в религии сохранение этнической традиции, власти, как и в 1920-е гг., попытались заменить религиозные праздники советскими ритуалами (бракосочетание, регистрация рождения и т. д.), на это было направлено постановление 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Но выкладки социологических исследований в советский период [23] демонстрировали живучесть религиозных традиций. Преследования в хрущевские годы подорвали лояльность многих верующих, страдания верующих привлекали к ним симпатии неверующих. Новые уголовные кодексы, введенные в 1961 г. в союзных республиках, устанавливали три вида ответственности за нарушение религиозного законодательства: дисциплинарную, административную и уголовную. Церковь ответила на гонения «модернизацией» (заочное отпевание, заочное венчание, исповедь по переписке и др.).

Хотя идеологическая машина с первых лет существования советской власти активно внедряла в массовое сознание «синдром жертвенности» [24, с. 12], люди, жертвовавшие на алтарь победы коммунизма самоотверженный труд, годы жизни, материальные ценности, приспособившиеся и выживавшие в условиях тоталитарной системы, сохранили духовность, в том числе религиозную. Несмотря на длительное атеистическое давление и репрессивные меры, мусульмане Казахстана особенно в сельской местности продолжали исполнять мусульманские обряды и отмечать религиозные праздники. Исламские и доисламские традиции в сфере семьи и семейно-родственных отношений были частью повседневной жизни верующих. Повсеместно были распространены погребально-поминальные и свадебные обряды, обряд обрезания, массово отмечались праздники жертвоприношения – Курбан-айт (особенно в южных районах Казахстана), окончания поста – Ораза-айт. Практически во всех казахских семьях (даже в семьях коммунистов) в эти дни пекли баурсаки, шепеки, поминали аруахов (предков).

Казахстанские религиоведы на основе полевых исследований выделяют в 1950–1960-е гг. две группы верующих. Первую представляли люди старшего поколения, которые искренне считали себя мусульманами, им были известны основы мусульманского вероучения, они со-

вершали мусульманские обряды. Таким верующим было свойственно терпимое отношение к атеистическому мировоззрению других людей. Ко второй группе были отнесены люди пожилого и среднего возраста, среди них встречалась и молодежь. Они не отличались строгим выполнением религиозных предписаний и в их сознании отрывочные, часто неопределенные религиозные представления сочетались с естественно-научными знаниями, причем нередко они даже были коммунистами.

В печати мелькали сообщения о праздновании главного мусульманского праздника Курбан-айт: приводились случаи невыхода людей на работу в связи с празднованием Курбан-айта. Отмечалось, например, что в день празднования Ураза-байрама только в двух колхозах Георгиевского района Южно-Казахстанской области не вышло на работу более 350 жителей. В колхозе имени Джамбула Джамбульской области на работу не вышла половина населения. Приводилось число принесенных в жертву овец: в частности, в колхозе имени Андреева Каскеленского района, во время Курбан-байрама было зарезано 60 овец [25. Л. 65].

В архивах в докладах зафиксировано: сведений о прогулах и опозданиях на работу в дни Курбан-байрама поступает очень мало. Из поступивших сведений видно, что в Караганде имели место 27 случаев прогулов и опозданий, из них пять случаев на шахте им. Костенко, три случая на шахте № 31. В колхозе «Енбек» (Южно-Казахстанская область) не было никого на колхозных полях в первый день «Курбан-байрам» (все праздновали), в колхозе «Ынтыалы» (Южно-Казахстанская область) из 90 чел. до 12 часов дня работало на колхозных полях только 45. В колхозах Шаульдерского района (Южно-Казахстанская область) из 2.825 чел. – на работе всего 700, в колхозах Чаяновского района (Южно-Казахстанская область) из 2.496 чел. на работу вышло 983 [25. Л. 66–67].

Массовые невыходы на работу не были распространены повсеместно, но религиозные праздники отмечались так или иначе во многих казахских семьях.

В 1961 г. зарегистрировано 25 мусульманских объединений, имевших мечети. Общее количество мусульман, совершавших намазы в этих мечетях, оценивалось в 40 тыс., из которых 10–20% составляли женщины. По данным властей действовало 66 незарегистрированных исламских общин. При этом широкую известность получила деятельность «бродячих мулл», т. е. служителей культа, справлявших обряды (похороны, свадьбы и др.) на дому, без соответствующей регистрации; в 1961 г. культовую деятельность в республике вели 521 «бродячий мулла» [6, с. 10]. Таким образом, ислам и тесно связанные с ним доисламские культы вытеснялись в сферу влияния семьи и продолжали бытовать в жизни значительной части казахского общества.

1964–1991 гг. – этап активизации «научного атеизма» в религиозной политике государства и партии. В брежневскую эпоху отношения государства и религиозных организаций приобрели более спокойную и «цивилизованную» форму. В 1965 г. СДРПЦ и СДРК были преобразованы в единый орган – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Ритм массированного наступления на религию несколько замедлился, а антирелигиозная деятельность была представлена целой системой от исследовательских институтов научного атеизма Академии общественных наук ЦК КПСС до пионерских пропагандистских групп: менялась лишь форма: от открыто репрессивной к «научно-атеистической». Для антирелигиозной пропаганды используются все средства массовой информации: передачи по радио, фильмы, постоянные или передвижные выставки, статьи в газетах, специальные периодические издания и публичные лекции.

Антиисламская пропаганда продолжается и даже усиливается после 1980 г. Ислам несколько раз терял позиции, и одной из значительных проблем, усугубивших эту тенденцию, стал крайне низкий образовательный уровень мусульманского духовенства. Отсутствие в СССР системы мусульманского духовного образования (функционировало лишь одно медресе в Бухаре и исламский институт в Ташкенте) привело к низкому уровню духовного образования у мусульманских священнослужителей. Например, в 1990 г. из 857 имамов и муэдзинов РСФСР только у 21 имелось высшее образование [26, с. 195]. Доминирующее число служителей исламского культа – «бродячих мулл» с достаточно невысоким уровнем знаний более чем в десять раз превышало число зарегистрированных мулл. В 1980 г. в стране без регистрации действовали 5,5 тыс. из 6 тыс. мулл.

Власти не допускали увеличения численности мечетей, количество которых во всем Казахстане в 1960–1980-е гг. колебалось в пределах от 22 до 28. Из источников известно, что политика советской власти по искоренению религии не привела к полному вытеснению данного духовного феномена из социально-общественной жизни казахстанцев. Так, результаты исследований, проведенных в Казахстане в конце 1980-х гг., показали достаточно высокий уровень религиозности. Доля людей, назвавших себя «верующими» и «сочувствующими» религии, составила в различных регионах республики от 20 до 70 % [6, с. 11].

В ходе реализации научного проекта по истории городской повседневности Центрального Казахстана во второй половине XX в. нашей исследовательской группой были проведены интервьюирования среди жителей г. Караганды, которые позволяют, среди прочего, охарактеризовать и состояние религиозной ситуации, и общественные настроения, отношение к религии. Позволим некоторые из них привести.

Из интервью Л. Макроусовой (1944 г.р.). «В советское время на большие праздники я ходила в церковь, в будни было некогда, на работе с утра до вечера. Наша церковь, куда я ходила, стоит с 1939 г. (в Пришахтинске), она была деревянной. Церкви были, но были, как землянки, нелегальные, но все равно люди ходили и молились "втихую". Старики говорили, что церкви даже если разрешали строить, то при условии чтобы они не выше домов были. Все наши родственники были верующими, но священнослужителей среди них не было. Религиозные праздники праздновали, помню, в детстве мама (она была учительницей и им запрещалось праздновать) занавешивала окна и ночью пекла пасхи, яйца красила.

В школе была пропаганда научного атеизма, всё было против Бога, и церкви разрушали, но обе мои дочери крещенные. И в советское время крестили детей, только тайно. И я крещенная, хотя мама была учительницей. Крестики носили так, чтобы никто не заметил. Дома имели религиозную литературу, но скрывали, никому не говорили об этом. Со стороны общества негативных моментов по отношению к верующим не было. Когда я ходила в церковь, все спокойно воспринимали, кроме руководства и ярых коммунистов. Кроме православных были баптисты, протестанты, субботники, адвентисты, но в меньшем количестве чем сейчас. В советское время люди в бога верили, но только скрытно» [27, с. 230–231].

Из интервью А.Ф. Самохиной (1922 г.р.). «Люди тайно молились (в основном старики), прятали иконы и т. д. Праздники религиозные открыто не праздновали, но тайно отмечали. Несмотря на трудные времена, мы старались на Пасху печь куличи и красить яйца. Этот праздник каждый справлял по своим возможностям. Так же отмечали и Рождество. В районе старого Руднике, в Михайловке, построили церковь. Это был обыкновенный барак, просто сделали как церковь. Люди тайно крестили детей» [27, с. 231–232].

Из интервью А.С. Уйсембековой (1958 г.р.). «По городу было всего две мечети: одна в городе, другая в Майкудуке, но я их не посещала. Тогда пропагандировался атеизм, и религиозных людей осуждали. А верующие люди верили и служили, выполняли все каноны, но молча. Особенно старшее поколение, их было не сбить с этого пути. У меня и дедушка, и бабушка были глубоко верующими людьми. Мои родители были атеистами, но меня воспитывали дедушка с бабушкой. Дедушка с бабушкой никак не пропагандировали религию, но своим поведением, своими действиями, очень аккуратно "вливали" в меня религию. Мы делали пожертвования неимущим семьям, бедствующим людям, детям-сиротам, но не мечети. Родственники, знакомые праздновали религиозные праздники: праздновали Курбан-айт, Рамазан-айт, три дня готовились, резали баранов, ходили по гостям, детям давали подарки,

конфеты – "айттык". Эти праздники помню очень ярко, потому что видела поистине верующих людей.

В то время все боялись обсуждать эти темы. Атеистическую пропаганду я воспринимала спокойно, потому что время такое было. Но в атеистических мероприятиях в школе и университете участия не принимала. Я не ощутила особенных проблем в отношении верующих, лично я не сталкивалась с ними. Говорить, что ты верующий, конечно нельзя было. Никто и не говорил, по крайней мере, я не сталкивалась с тем, что кто-то о себе так заявлял. Все молча и тихо верили. К верующим других религий все относились нейтрально.

Религиозную литературу кое-какую понемногу читала, но не Коран. Я сама не доставала, с самиздатом не сталкивалась. По чистой случайности религиозные книги попадали ко мне в руки. Четки были у нас дома всегда, даже передавались из поколения в поколение. У меня лично есть свои собственные, сделанные из чистого жемчуга, привезенные из Мекки моим пра-пра-дедушкой. Они достались мне от мамы по наследству. В домах у многих были коврики для намаза – "жайнамазы". Мой дедушка перед своим уходом (смертью) попросил сшить 200–300 "жайнамазов", я их с бабушкой и шила. Он говорил, когда мы уйдем, пусть на наших похоронах всем пришедшим раздадут их. "Если придет в дом "жайнамаз", то и религия придет в этот дом" – говорил мой дедушка. После их смерти мы так и сделали» [27, с. 233–234].

В 1981 г. ЦК КПСС подготовил очередное антирелигиозное постановление «Об усилении атеистического воспитания». В 1983 г. было принято постановление «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманского духовенства», причем оно было направлено на недопущение распространения «догматической исламской идеологии, активизировавшейся после исламской революции в Иране».

В годы перестройки происходил переход от антирелигиозной политики государства к сотрудничеству с религиозными организациями. Последнее атеистическое постановление «Об усилении борьбы с исламом» было принято в августе 1986 г. И только в конце 1980-х гг. можно говорить о прекращении атеистических гонений в СССР. В 1990 г. был принят закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», который радикально изменил характер отношений государства и религиозных организаций.

В целом, характеризуя «палитру» религиозности в казахстанском обществе во второй половине XX в., можно привести фрагмент из доклада уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Казахстану: «основным религиозным культом в Казахстане является культ мусульман. Этот культ исповедуют казахи, уйгуры, дунгане, узбеки, татары и некоторые другие национальности, переселившиеся с Кавказа в годы войны (чеченцы,

ингуши, карачаевцы, балкары и т. п.). Вторым местом после культа мусульман занимают православие, культ евангелистских христиан и баптистов, а за ними идут группами и одиночками старообрядцы, лютеране, представители иудейского вероисповедания, адвентисты 7-го дня и др. Кроме представителей выше перечисленных культов в Казахстане имеются ещё последователи буддизма. Это корейцы, калмыки, переселившиеся с Дальнего Востока и Приволжских степей в 1930-х гг. и в годы войны» [28].

Анализируя советскую модель государственной религиозной политики в Казахстане в различные периоды советской истории, необходимо отметить, что в ней были и этапы лояльного отношения государства к религии и религиозной жизни верующих, и жесткого тотального уничтожения священнослужителей, конфессий и духовной жизни советских людей. Религиозная политика и антирелигиозная пропаганда коснулись каждой советской семьи и, безусловно, сыграли негативную роль в духовном развитии общества, однако в повседневной жизни казахстанцев религия продолжала играть значительную роль, не будучи вытесненной из сферы обыденной жизни. В ментальности советских казахстанцев и в казахских семейных традициях мусульманские обычаи и доисламские верования достаточно причудливо и мирно сочетались с советским образом жизни.

Список литературы

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
2. Кашеваров А.Н. Государство и церковь: из истории взаимоотношений советской власти и русской православной церкви 1917–1945 гг. – СПб.: СПб. гос. тех. унив., 1995. – 271 с.
3. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, О-во любителей церков. истории, 2005. – 440 с.
4. Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Забытые мусульмане. Ислам в Советском Союзе. – Париж, Maspero. 1981 // Деловая неделя. – 2005. – № 35–36.
5. Худобородов А.Л., Яшина М.А. Стояние за веру в дни лихолетья: взаимоотношения русской православной церкви и советского государства в 1917– начале 1930-х гг. (на материалах Южного Урала). – Челябинск, 2014. – 179 с.
6. Религиозные объединения в Казахстане: Справочник. – Астана: МЦКР КДР МКС РК, 2015. – 42 с.
7. Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994. – 336 с.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: Refl-book, 1994. – 341 с.
9. Bennigsen A., Wimbush S.E. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. – London: Hurst, 1985. – 195 p.
10. Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. – London: Hurst, 1986. – 294 p.
11. Дроботушенко Е.В. Динамика роста количества православных храмов и молитвенных домов Сибири и Приморья в середине 40-х гг. XX в. // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (53). – С. 77–82.

12. Балтабаева А.М. Особенности религиозной жизни Казахстана в период Великой Отечественной войны // Вестн. Карагандинского ун-та. Сер. История. Философия. Право. – 2008. – № 2. – С. 67–71.

13. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 26. Д. 344.

14. Ауанасова Б.М. История эволюции религиозных отношений в Казахстане (на примере ислама 1941–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Уральск, 2007. – 135 с.

15. О религии и церкви. – М.: Политиздат, 1981. – 176 с.

16. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1999. – 24 с.

17. Русская Православная церковь и право. Комментарий / Гефенидер В.Э., Ильичев М.В., Масляев А.И. и др. – М.: БЕК, 1999. – 464 с.

18. Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века): дис. в виде доклада ... д-ра ист. наук. – М.: РАГС, 1996. – 50 с. – URL: <https://rusoir.ru/president>

19. Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история. Этничность и общество. – Алматы: КИСИ, 1998. – 188 с.

20. Мухтарова Г.Д. Ислам в советском Казахстане (1917–1991 годы): дис. ... д-ра ист. наук. – Уральск, 2007. – 310 с.

21. Ислам и советское государство (1944–1990): сб. док. Вып. 3 / сост. Д.Ю. Арапов. – М.:Издательский дом Марджани, 2011. – 528 с.

22. Бенигсен А. Мусульмане в СССР. – Казань: Иман, 1999. – 84 с. – URL: <http://kitap.net.ru/benigsen>

23. Конкретные исследования современных религиозных верований (методика, организация, результаты) / отв. ред. А.И. Клибанов. – М.: Мысль, 1967. – URL: <http://vipstudent.ru/index.php>

24. Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. – Караганда: Глассир, 2012. – 363 с.

25. АП РК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 617.

26. Сосновских Е.Г. Трансформация государственно-конфессиональных отношений в 1985–1997 гг. (на материалах Челябинской области): дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2014. – 279 с.

27. Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946–1960 гг.: сб. док. и материалов / сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др.; отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2016. – 277 с.

28. АП РК. Ф. 708. Оп. 15. Д. 296.

References

1. Alekseev V. A. *Illjuziidogmy: Vzaimootnoshenija Sovetskogo gosudarstva i religii* [Illusions and dogms: Relations between Soviet state and church]. – М.: Politizdat, 1991. – 400 s.

2. Kashevarov A.N. *Gosudarstvo I cerkov': izistori I vzaimootnoshenij sovetskoj vlasti I russoj pravoslavnoj cerkvi 1917–1945 gg.* [State and church: from the history of Relations between Soviet power and Russian orthodox church in 1917–1945]. – SPb.: SPb. state. tech. uni., 1995. – 271 s.

3. Kashevarov A.N. *PravoslavnajaRossijskajaCerkov' isovetskoegosudarstvo (1917–1922)* [Russian orthodox church and Soviet state (1917–1922)]. – М.: Krutickipodvorye Press, Association of church history lovers, 2005. – 440 p.

4. Bennigsen A., Lemerse-Kelkezhe Sh. *Zabytyemusul'mane. Islam v Sovetskom Sojuze. Parizh, Maspero. 1981* [Forgotten muslims. Islam in the Soviet Union. Paris. Maspero. 1981] / *Delovaja Nedelja* [Business week]. 2005. № 35–36.

5. Hudoborodov A.L., Jashina M.A. *Stojanie za veru v dni liholet'ja: vzaimootnoshenija russskoj pravoslavnoj cerkvi i sovetskogo gosudarstva v 1917 – nachale 1930-h gg. (na materialah Juzhnogo Urala)* [Standing for the belief during the hard times: relations between Russian orthodox church and Soviet state in 1917 – early 1930-ies (on materials of South Ural)]. – Chelyabinsk, 2014. – 179 p.

6. *Religioznyeobjedinenija v Kazahstane: Spravochnik* [Religious associations in Kazakhstan: Guidebook]. Astana: MCKR KDR MKS RK, 2015. – 42 p.

7. Geller M.Ja. *Mashinaivintiki. Istorija formirovanija sovetskogo cheloveka* [Machine and cogs. History of the formation of Soviet man]. – M.: MIK, 1994. – 336 p.

8. Markuze G. *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional man]. – M.: Refl-book, 1994. – 341 p.

9. Bennigsen A., Wimbush S.E. *Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*. London: Hurst, 1985. – 195 p.

10. Bennigsen A., Wimbush S.E. *Muslims of the Soviet Empire: a Guide*. – London: Hurst, 1986. – 294 p.

11. Drobotushenko E.V. *Dinamika rosta kolichestva pravoslavnyh hramov i molitvennyh domov Sibiri i Primor'ja v seredine 40-h gg. XX v.* [Dynamics of quantitative growth of orthodox churches and praying houses in Siberia and Primorye in mid. 40ies of XX c.] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i ipraktiki* [History, philosophical, political and legal sciences, culture and art studies. Issues of theory and practice]. – 2015. – № 3 (53). – P. 77–82.

12. Baltabaeva A.M. *Osobennosti religioznoj zhizni Kazahstana v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Features of religious life in Kazakhtsan during the Great Patriot War] // *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija Istorija. Filosofija. Pravo* [Karaganda State University Bulletin. History, Philosophy, Law series]. – 2008. – № 2. – P. 67–71.

13. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). F. 708. I. 26. D. 344.

14. Auanasova B.M. *Istorija jevoljucii religioznyh otnoshenij v Kazahstane (na primere islama 1941–1991 gg.)* [History of evolution of religious relations in Kazakhstan (on the example of Islam in 1941–1991)]: Dis. for c.ofh.s. Uralsk, 2007. – 135 p.

15. *O religii i cerkvi* [About religion and church]. – M.: Politizdat, 1981. – 176 p.

16. Vasilyeva O. Ju. *Russkaja pravoslavnaja cerkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [Russian orthodox church in the policy of Soviet state in 1943–1948]: Autoref. of dis. for d. of h. s. M., 1999. – 24 p.

17. *Russkaja Pravoslavnaja cerkov' i pravo. Kommentarij* [Russian orthodox church and law. Comments] / Gefenider V. Je., Ilichev M.V., Masljaev A.I. etc. M.: BEK, 1999. – 464 p.

18. Odincov M. I. *Gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenija v Rossii (Na materialah otechestvennoj istorii XX veka)* [State-church relations in Russia (on materials of Home history of XX c.)]. Dis. in mode of report for d. of h.s. M.: RAGS, 1996. – 50 p. – URL: <https://rusoir.ru/president>

19. Sultangaliev A.K. *Islam v Kazahstane: istorija. Etnichnost' i obshhestvo* [Islam in Kazakhstan: history. Ethnicity and society]. – Almaty: KISI, 1998. – 188 p.

20. Muhtarova G.D. *Islam v sovetkom Kazahstane (1917–1991 gody)* [Islam in Soviet Kazakhstan (1917–1991)]: Diss. for d. of hist. sc. – Uralsk, 2007. – 310 p.

21. Islam and Soviet State (1944–1990). Collection of documents. Issue 3 / Comp. D. Ju. Arapov. – M.: Marjany Press, 2011. – 528 p.
22. Benigsen A. *Musul'mane v SSSR* [Muslims in USSR]. – Kazan: Iman, 1999. – 84 p. / <http://kitap.net.ru/benigsen>
23. *Konkretnye issledovanija sovremennyh religioznyh verovanij (metodika, organizacija, rezul'taty)* [Concrete research of modern religions (methodics, organization, results)] / Ed. A.I. Klibanov. – M.: Mysl, 1967 / <http://vipstudent.ru/index.php>
24. Saktaganova Z.G. *Ekonomicheskaja modernizacija Kazahstana. 1946–1970 gg.* [Economic modernization of Kazakhstan in 1946–1970]. – Karaganda: Glasir, 2012. – 363 p.
25. AP RK F. 708. I. 5/1. D. 617.
26. Sosnovskih E.G. *Transformacija gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v 1985–1997 gg. (na materialah Cheljabinskoj oblasti)* [Transformation of state-confessional relations in 1985–1997 (on materials of Chelyabinsk region)]. Diss. for cand. of hist. sc. – Chelyabinsk, 2014. – 279 p.
27. *Povsednevnost' gorodov Tsentral'nogo Kazahstana v 1946–1960 gg. Sbornik dokumentov i materialov* [Everyday life in the cities of Central Kazakhstan in 1946–1960-ies. Collection of documents and materials] / Sost. Z.G. Saktaganova, K.K. Abdrakhmanova, B.A. Dosovai dr.; otv. red. Z.G Saktaganova. [Comp. Z.G. Saktaganova, K.K. Abdrakhmanova, B.A. Dossova and others; Editor-in-Chief Z.G. Saktaganova]. – Karaganda: Karaganda State University Publishing house, 2016. – 277 p.
28. AP RK F. 708. I. 15. D. 296.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 94(47)"18":316.35
ГРНТИ 03.23. История России

Л.А. Самарина

«Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в.

Исследование касается различных аспектов положения женской домашней прислуги: выясняются причины популярности профессии, особенности взаимоотношений нанимателей и работников, условия жизни и труда. Социальная и юридическая нестабильность способствовали широкому распространению среди прислуги девиантного поведения. Самой распространенной и «безобидной» формой девиации среди женской прислуги было воровство, так как работница имела доступ к хозяйскому имуществу в доме. Преступления совершались по различным причинам, в том числе от безысходности и отсутствия возможности приобрести имущество законным путем. Вместе с тем большое их число создало устойчивый стереотип о прислуге как ничтожном, ленивом, погрязшем в пороках существе. Отсутствие строгой процедуры найма не позволяло прислуге опровергнуть указанное мнение, поэтому часто домашние работники подвергались незаслуженным обвинениям. Наличие прислуги в доме было широко распространенным явлением, поэтому большое число крестьян искало именно эту работу в городе. А дворяне стремились найти идеальную служанку – честную, добросовестную, вежливую, которая работала бы за минимальную зарплату.

Ключевые слова: домашняя прислуга, женская прислуга, наниматель, наем, условия жизни и труда, жалованье, преступления, воровство.

L.A. Samarina

"Bastards stole all": theft among domestic workers in Russia in the second half of the XIX century

The research opens questions of position of female house servants – the reasons of popularity of a profession, feature of relationship of employers and workers, living conditions and work. Social and legal instability of servants became the reason of increase in number of crimes. The most common and "harmless" theft were among the female workers, since the employee had access to the master's property in the house. Crimes were committed for different reasons, including the frustration and lack of opportunities to acquire the property legally, but the large number of them have established steady stereotype of how insignificant servant, lazy, mired in the evils of being. The lack of rigorous recruitment procedures did not allow the servants to refute the above opin-

ion, so often domestic workers are subjected to undeserved charges. Having a maid in the house was a popular phenomenon, so many farmers looked for work in the city, and the nobles continued to look for the ideal worker in the house – fair, honest, polite, that would work for minimum wage.

Key words: domestic servants, female servants, employer, employment, living and working conditions, wages, crime, theft.

В результате отмены крепостного права существенно изменилось материальное положение русского дворянства, одновременно росло количество семей чиновников-мещан среднего достатка. Дворяне больше не могли содержать дорогостоящую квалифицированную прислугу, но и отказываться от услуг домашних работников они не хотели [1, с. 317–320]. Теперь дворяне искали дешевых и без специализации наемных рабочих.

В силу перенаселения деревни и измельчания земельных наделов русская деревня обнищала, а прогресс в технике, путей сообщения и фабричной промышленности привел к изменениям условий жизни. В такой обстановке возрастало количество женщин, уже не находивших возможности применения своего труда в деревне и необходимого заработка для существования, молодым девушкам нужно было заработать себе на приданое, устроить личную жизнь. В местностях с развитым отходничеством из-за значительного преобладания женщин, старые девы, соблазненные лучшим заработком или из-за необходимости «сокрытия греха», отправлялись в столичные города [2, с. 51]. Также активно приезжали в город вдовы [3, с. 71]. Это приводило к массовому движению женщин из деревни в города на фабрики или в услужение. Вот тут и столкнулись нужды нового дворянства и свободных неквалифицированных работников, не требующих большой заработной платы. В итоге в город хлынул большой поток женщин, которые надеялись зарабатывать себе на хлеб, прислуживая барину.

С середины 1860-х гг. мелкий чиновный люд бросился обзаводиться собственной прислужкой, благо предложение на рынке домашних услуг значительно превышало спрос. Наниматель прислужки, зная, что крестьяне крайне нуждаются в деньгах, имел возможность выбирать из многих сотен людей, которые соглашались на условия, предлагаемые хозяином [4, с. 2].

Во второй половине XIX в. прислуга и наниматели вынуждены были самостоятельно выискивать способы оформления найма, так как не было строгой юридической процедуры с обязательными условиями. Часто использовались различные варианты: личного найма и через специальные общественные учреждения.

Наиболее распространенным способом найма прислужки в пореформенный период были прежде всего личные контакты и рекомендации. С развитием рекламного дела и широким распространением

региональной прессы росла популярность поиска прислуги по объявлению. В последней четверти XIX в. в крупных городах стали открываться коммерческие (преимущественно частные) учреждения, оказывавшие посреднические услуги для найма работников. Основу клиентуры в них составляла прислуга [5].

Единственным источником информации о работнике, его репутации, опыте, умениях служило рекомендательное письмо с прежнего места работы. Также прислуга проходила личное собеседование, в ходе которого заполнялась анкета. Специфика данных документов в том, что содержащуюся в них информацию сложно было проверить; у огромного числа желающих найти работу вообще не было рекомендаций, в некоторых случаях имели место подделки, «заверенные» подписями высшей аристократии. Впрочем, наличие или отсутствие данной бумаги не гарантировало достоверность сведений о личных качествах и репутации прислуги [6].

В связи с этим между нанимателями и прислугой возникало большое количество споров, основанных на личных обидах, взаимных претензиях и завышенных ожиданиях. Пользуясь финансовым преимуществом, держатели слуг публиковали свои впечатления от домашних работников в газетах и журналах.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» утверждала, что «слуги – дрянь», и что своим хозяевам они причиняли только страдания. Господин В.П. с презрением говорил о слугах: «это толпы гуляк, поступающих к нам на службу не с тем, чтобы служить, но с тем, чтобы нас объедать, опивать, обманывать и обкрадывать. Это перекатная голь, которая не пашет, а живет как птица небесная, не думая о завтрашнем дне» [7]. Совершенно невинные и хорошие, добросовестные хозяева становились жертвами озлобленных кухарок и горничных [8, с. 10]. «Я не могу не обратить особое внимание на развращенность класса наемных слуг в г. Вильно. Люди этого рода по большей части предаются лени, своеволию и разврату. Побуждаемые видами корысти или из строптивости и празднотлюбия, они весьма часто отказываются от службы, не ожидая установленного на то срока, и переходят к другим лицам» [9. Л. 6].

Публицист И.И. Панаев в своих «Очерках...» вменял в вину домашней прислуге те же пороки: «Если вы господин кроткого нрава, добрый по сердцу, не слишком взыскательный, и обращающийся деликатно и по-человечески с вашей прислугой – горе вам! Через несколько месяцев ваша прислуга совсем избалуется, зазнается и заленится до того, что не она вам, а вы ей уж должны будете прислуживать и в довершение всего будет еще грубить вам при малейшем замечании с вашей стороны» [10, с. 16].

Многочисленные публикации и фельетоны с жалобами от людей, нанимавших прислугу, создали негативную оценку одной из самых

многочисленных групп населения. Для многих хозяев прислуга – ничтожное, ленивое, погрязшее в пороках существо [11].

Работницы, в свою очередь, жаловались на тяжелый труд, на неуважительное отношение со стороны нанимателя, на постоянные вычеты из зарплаты, «так мы и живем, как самые последние люди, а много ли мы получаем денег за свой труд и много ли мы имеем прав? Плата наша самая ничтожная, а прав нет никаких» [12, с. 17].

В то же время сами хозяева считали, что прислуга слишком ленива и даже то небольшое жалование, которое ей платили, они пытались сократить различными способами [13, с. 18]. Стремилась господа сократить и расходы на содержание прислуги. Поэтому часто жилье служанки выглядело так: «Тесно, негигиенично, воздух спертый, на полу грязь, мухи, клопы и тараканы, а еще и изба примыкает прямо к скотному двору» [14, с. 11]. Потолки большей частью были такими низкими, что человек не мог выпрямиться, кровати маленькие, поэтому возможности отдохнуть ночью у служанок чаще всего не было. Если в комнате было окно – это роскошь. Большинство кухарок и служащих «одной прислугой» не имели собственного помещения и жили на кухне [15, с. 93].

Домашняя прислуга совершенно не располагала своим временем, не имела почти никакого имущества или свободных денег [16, с. 180]. Жалования едва хватало на месяц, чтобы одеваться. Пища была малопитательной – картофель, каша, а часто еще и в недостаточном количестве [17, с. 12]. Все это приводило к различным заболеваниям и ранней смерти.

На свое жалование прислуга должна была чисто одеваться, оплачивать свои расходы, отправлять часть средств в деревню, выправлять паспорт и ходить в баню. Каждый день, без выходных, прислуга должна была выполнять бесконечное число поручений хозяев, даже если они были не связаны с ее обязанностями. Рабочий день служанки начинался задолго до того, как просыпались хозяева. За это время надо прибраться, подготовить хозяевам одежду и сделать чай. Горничные, няньки, служанки были вынуждены до самой поздней ночи находиться при своих хозяевах [11].

Непроходящая усталость, плохое питание, хроническое недосыпание, постоянная духота на кухне и сквозняки приводили к печальным последствиям. Служанки испытывали постоянную головную боль, часто болели чахоткой, ревматизмом, раком и сифилисом, который считался болезнью прислуги. Сифилисом прислуга могла заразиться и от самого хозяина, его родственников или мужской прислуги. Могло «мужское внимание» привести и к беременности. Помимо этого, озлобленные хозяева могли поколачивать свою помощницу, подчас нанося ей тяжелые травмы.

Тяжелые условия жизни и труда приводили к тому, что домашние работники всячески старались позаботиться о своей судьбе самостоятельно, чаще всего незаконными методами, что приводило к многочисленным преступлениям.

Воровство являлось самым распространенным преступлением среди домашней прислуги. Служанку, которая ни разу не приходила с рынка без хозяйской копеечки в кармане, отыскать было практически невозможно. Титулярный советник Александр Соколовский писал министру внутренних дел: «в настоящее время редко можно найти хорошую прислугу, много случаев, что прислуга обкрадывает, не говоря уже о других пороках» [18. Л. 9].

В прошении Председателю Государственной думы Н.А. Хомякову говорилось: «неопределенность взаимных отношений ведет к произволу. Домашняя прислуга, привыкшая к безответственности за свою службу, перестает сознавать свои обязанности, что ведет к понижению ее нравственных качеств» [19. Л. 11].

Проживая в доме вместе с хозяевами, служанка знала, где и что лежит, и какие вещи можно было бы беспрепятственно взять. Естественно, что не все воровки несли положенное наказание. Стоит отметить, что прислуга нередко оказывалась замешанной в тех или иных криминальных историях [20, с. 12], и мелкое воровство, пожалуй, было самым безобидным из них.

Проанализировав уголовные дела женщин, осужденных за воровство, можно заключить, что 49 % всех обвиненных в воровстве девушек, ранее находились в услужении: 15 % составляли кухарки, горничные и няни, а 34 % служили «одной прислугой», труд этой категории работавших по домашнему найму оплачивался дешевле других [21, с. 50]. Большинство женщин совершали кражу, живя на местах [21, с. 64].

Значительное участие женской личной прислуги в преступности против собственности криминалист И.Я. Фойницкий объяснял тремя факторами: 1) среди лиц этой категории женский элемент многочислен; 2) легкостью совершения преступления, особенно краж, для прислуги; 3) крайне неорганизованное положение личной прислуги: с одной стороны, донельзя избалованной и не имеющей над собой никакой власти, с другой – поставленной в полную зависимость от произвола и каприза нанимателя [22, с. 128].

В результате взаимодействия этих факторов была слаборазвита ответственность прислуги перед нанимателем, а простота завладения хозяйским имуществом вызывала азарт.

По верному утверждению И.Я. Фойницкого, в большинстве домашних краж, совершаемых прислугой, служанки фигурировали в роли действующих лиц, что объяснялось весьма просто: огромным преобладанием женского пола над мужским в составе домовой при-

слуги. В то время, как в других видах уголовных преступлений женщины были замечены значительно реже мужчины, в воровстве число задержанных женщин даже превосходило количество мужчин [23, с. 263].

Домашняя прислуга благодаря своей беспечности и простоватости оказывалась и «косвенной причиной» для многих квартирных краж, и сама же часто или напрямую являлась виновной в этих кражах. Случаи обкрадывания «господ» их слугами, преимущественно же служанками, были в Петербурге самым обыкновенным делом [20, с. 22–23].

Исследователи выделяли следующие разновидности воровок: домашние воровки, воровки по магазинам, воровки-укрывательницы, воровки прихожих, карманные воровки, воровки-нищенки [20, с. 24]. Домашние воровки обкрадывали лиц, у которых жили в услужении, тщательно изучив привычки дома, и твердо зная, что где лежит. Отличительная их черта: они не всегда крали вполне сознательно, но побуждаемые к этому крайней нуждой, так как совершали свой проступок, живя на месте и имея в данный момент заработок.

С воровством было практически невозможно бороться. «Мерзавцы все крали» [24, с. 287], даже в том случае, если за ключницей всегда шла в кладовую какая-нибудь из дочерей, а барин сам выдавал муку и крупу из амбаров [25, с. 110]. При любом удобном случае прислуга хотела заполучить свой кусок с барского стола, кухарки чуть ли не каждый день присваивали себе продукты, утаивали мелочь, оставшуюся после посещения рынка [26]. «Ведь из-за наживы служить идем», – утверждали героини Н.А. Лейкина, объясняя почему так не любят служить в домах, где надо брать «на книжку» [24, с. 288].

Иногда истории с воровством прислуги доходили до абсурда: раз, когда больная девушка взяла в присутствии госпожи кусочек сахара, для того чтобы заесть горечь прописанного ей лекарства, этот кусочек сахара попал ей в свидетельство в виде «похищения». Девушка утопилась [27, с. 301].

Масштабы воровства были самыми разными. Важно отметить, что в своих кражах прислуга никогда не сознавалась и порой выдумывала невероятные истории, лишь бы не прослыть воровкой. Горничная получила 100 р., чтобы разменять их в лавке, пришла домой и сказала, что потеряла их [28, с. 321]. Лукерия по поводу кражи пальто утверждала, что «оно просто пропало с вешалки», в то время, как она вышла на лестницу, не заперев дверь. Позднее она была осуждена за кражу 15 р. из-под подушки у подруги. Но и это она отрицала, упорно заявляя, что деньги «просто пропали» [28, с. 12], но она их не брала.

Порой хищения имели достаточно крупные размеры. В 1883 г. Ольга Афанасьевна Виногр. совершила кражу со взломом (149 р. из сундука хозяйки) и была вторично приговорена к тюремному заключению за кражу [29, с. 31]. 19-летняя О. Вязмитина, работая прислугой в

доме болховского купца, в 1917 г. похитила из кармана его поддѣвки бумажник с деньгами на сумму 300 р. [30, с. 175].

Необычный случай, двигателем которого была любовь, произошел в семье Дурасова. У жены была обнаружена пропажа бриллиантов ценностью в 70 тыс. р. из шкатулки. Обнаружилось, что кражу совершила служанка Полина, которая влюбилась в лакея, вошла с ним в интимные сношения и забеременела. Результат этот ужасно смутил девушку и, во избежание позора для своей девической чести она принялась настаивать, чтобы её возлюбленный женился на ней. Последний поставил условием своей женитьбы, чтобы Полина украла у Дурасовых деньги или драгоценные вещи, не менее, как на тысячу рублей, «для обеспечения их будущей супружеской жизни». На суде потерпевшая была так тронута этой историей, что просила смягчить приговор для подсудимых. В результате его приговорили к 15 месяцам, а ее к 8 месяцам содержания в работных домах [20, с. 16].

Впрочем, большинство женщин-воровок из прислуги довольствовались кражами по мелочам и исподволь, чтобы не быть замеченными. Например, были случаи, когда горничные-воровки обкрадывали гардероб своих барынь, таская ленточки, кружевца, платочки, воротнички и постепенно доходя до дележа с барыней её платьев и целых штук материй, отрезывая от них по несколько аршин. Интересно отметить, что кухарки чаще крали еду, кухонную утварь и алкоголь; прачки и горничные – белье и посуду. Один из авторов писал, что прислуга разных домов меняется награбленным. Кофе на ленты, сахар в обмен на молчание за связь с племянником хозяйки дома и т. д. [20, с. 264].

Многие служанки-воровки были осуждены за кражи неоднократно. Так, например, Матрена Р. к 62 годам уже пять раз была осуждена за мелкие кражи [21, с. 31]. Огромное количество мелких краж так и оставались на совести кухарок и горничных, хозяева редко принимали самые решительные меры и доводили дело до обвинительного приговора суда. Прислугу обычно выгоняли с места с плохими рекомендациями.

Среди испорченной и в большинстве деморализованной столичной прислуги вороватые субъекты попадались сплошь и рядом; встречались и профессиональные специалисты хищения, которые только маскировались званием прислуги и нанимались на «места» с преднамеренным воровским замыслом [20, с. 16]. В 1872 г. полиции удалось поймать давно уже намеченную ею, но постоянно избегавшую преследований воровку, которая совершала кражи под видом кухарки. Она нанималась на места, а спустя немного времени, обкрадывала их в удобную минуту и скрывалась. Скрывалась она от преследований полиции тем, что сразу после кражи уезжала из Петербурга и сами похищенные вещи сбывала в других городах [23, с. 296].

Известный русский писатель XIX в. Н.С. Лесков писал, что прислуга ворует ради того, чтобы носить широчайшие драповые тальмы. «Судиться же с ними неприятно, да и мало пользы, так как взять с них по большей части нечего» [31, с. 333]. Автор признавал, что встречаются слуги, которые бедствуют со своими хозяевами и иногда служат без платы и даже закладывают для хозяев свои собственные вещи. Однако такой вариант писатель считал исключением или по крайней мере редкостью, лишь подтверждающей общее правило, на котором законодатель должен основывать свои соображения и делать вывод [31, с. 335].

Подчас желание заполучить хозяйские вещи приводило прислугу и к участию в самых тяжких преступлениях. Одно из таких громких дел – убийство вдовы священника Сабанина и ее семьи вблизи Ялты. Вдова получала пенсию в несколько сотен рублей, а под кроватью хранила сундук с золотыми украшениями и серебряной посудой. Однажды ночью в доме начался пожар. Прибежавшие с соседней дачи люди увидели пылающий фасад, перед которым стояли кухарка и горничная. Их сундуки, перины и подушки лежали рядом. На вопрос, где господа, бабы пропели: «Господа-то все погорели». Удалось вытащить из горящего дома одну из пострадавших, с обрывком веревки на шее, избитую. Она через день скончалась от ожогов, успев рассказать, что несколько мужчин забрались в дом, размозжили головы обитателей и забрали все ценное. Суд завершился интересно: подозреваемых – жителей соседних деревень – задержали. Однако затем освободили из-за недостатка улик. Зато прислуга была признана виновной: кухарка и горничная навели на дом Сабаниных грабителей, однако «убивать уговору не было». А когда увидели убийство, бросились вытаскивать свое добро [20, с. 22].

Обманивала и активно обворовывала прислуга и отдыхающих на курортах. На сезон в Крым приезжали шайки воров и грабителей, некоторые загодя устраивались прислужкой, получая доступ в комнаты отдыхающих. В 1911 г. полиция обсуждала возможность использования в Крыму нововведения, которое уже зарекомендовало себя на курортах Кавказа: там накануне сезона полиция фотографировала всю прислугу на дачах, пансионатах, домах. В случае кражи полиция хотя бы знала наводчика в лицо [20, с. 23].

Домашняя прислуга, уволенная по собственной вине или капризу хозяев, практически никогда не пыталась искать справедливости – ее легко могли обвинить в краже, ненадлежащем поведении и т.п. Поэтому такой шум производили истории, когда служанки пытались отстаивать свои права. Так, в феврале 1912 г. газета «Трудовая копейка» рассказала, как прислуга обвинила хозяйку в краже. Нанявшаяся в молодую и прогрессивную семью (студент и курсистка) женщина служила исправно, ее одаривали подарками и похвалами. Через какое-то время

отношения с хозяйкой испортились, однажды соседская горничная «просветила» ту, что ее прислуга якобы сплетничает и плохо отзывается о барыне. Курсистка в приливе негодования взломала сундук своей служанки, вынула подарки и отдала их вестнице. И мировой судья привлек барыню за воровство. Так и обратился на заседании к ней и горничной: «Вы, воровки, обе встаньте рядом!» Курсистка от стыда упала в обморок [32].

Самым распространенным преступлениями среди прислуги к последней трети XIX – началу XX в. были преступления против собственности. Объектом посягательства прислуги становились вещи, небольшие суммы денег, бытовые предметы и продукты питания. Во многих случаях женщины не лично принимали участия в краже, а лишь помогали в организации преступления. Об этом свидетельствует и степень наказания правонарушительниц. Служанки, как самые осведомленные о финансовом благополучии хозяев, могли с легкой руки наслать на дом грабителей или сами промышляли воровством. Кражи драгоценностей и крупных сумм денег встречались значительно реже. Воровки практически никогда не сознавались в преступлении, не раскаивались. Иногда к воровству их подталкивала не нужда, а жадность и желание нанести ущерб хозяевам, отомстив за грубое отношение.

Таким образом, отчасти воровство среди домашней прислуги было связано с ее бытовой неустроенностью, незащищенностью от произвола хозяев и от общественного мнения. Снизить показатели воровства возможно было, лишь применив комплекс юридических мер по охране жизни и труда домашних наемных работников.

Список литературы

1. Верременко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-ию Русской революции 1917 г.): сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 315–323.
2. Мухина З.З. Старые девы в русской крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 4. – С. 50–57.
3. Мухина З.З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 4. – С. 62–71.
4. Бенсман А. Труд домашней работницы // Трудовые права служащих. – 1926. – № 1. – С. 2–3.
5. Самарина Л.А. Прислуга на бирже труда в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. научн. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 6. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 121–127.
6. Верременко В.А. Организация найма прислуги в городах России во второй половине XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование. – Вып. 6. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 85–94.
7. Б. а. По вопросу о наемных слугах в Санкт-Петербурге. – СПб., 1859. – 35 с.

8. Попов Н.А. Хозяева и прислуга. – СПб.: Тип. СПб. 1907. – 16 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287 – Хозяйственный департамент МВД. Оп. 37. Д. 2254.
10. Панаев И.И. Хозяева и прислуга. – СПб.: Тип. – СПб., 1907. – 16 с.
11. Веретенко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. – Т. 4. История. – № 1. – С. 181–191.
12. Невский В. Домашняя прислуга. – Птг.: Прибой, 1917. – 21 с.
13. Б. а. Очерки из Петербургской жизни нового поэта. – Б.г.: издание Н.Г. Мартынова, Б.г. – 24 с.
14. Ленская Л.Н. О прислуге. Доклад, читаемый во 2-ом женском клубе. – М.: Тип. Вильде, 1908. – 32 с.
15. Бузин Д. Жилищные условия рабочего класса в дореволюционной России и в СССР // Проблемы экономики. – 1938. – № 4. – С. 89–105.
16. Валетов Т.Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в. // Социальная история: ежегодник. – 2008. – С. 176–196.
17. Де-Турже-Туржевская Е. Белые невольники. – Смоленск: Паровая типолит. Я.Н. Подземского, 1906. – 12 с.
18. РГИА. Ф. 1286 – Департамент полиции исполнительной МВД. Оп. 31. Д. 349.
19. РГИА. Ф. 1263 – Кабинет министров (1802–1906). Оп. 1. Д. 921.
20. Якимова Н. Свой среди чужих: богатые кухарки и рецидивисты среди крымской прислуги // Первая Крымская информ.-аналит. газета. – 2013. – № 457. – С. 12–25.
21. Тарновская П.Н. Воровки. Антропологическое исследование. – СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1891. – 79 с.
22. Фойницкий И. Женщина-преступница // Северный вестн. – 1893. – № 10. – С. 128.
23. Михневич В.О. Язвы Петербурга: Опыт историко-стат. исследования нравственности столичного населения. – СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1886. – 533 с.
24. Лейкин Н.А. Прислуга из конторы. – СПб.: Тип. им. Худекова, 1896. – 289 с.
25. Николаева М.К. Деревня в старину // Северный вестн. – 1891. – № 3. – С. 110.
26. Веретенко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М.: ИВИ РАН, 2013. – № 3. – С. 265–268.
27. Дауль А. Женский труд в применении к различным отраслям промышленной деятельности. Очерки 600 ремесел и занятий. – СПб.: Изд. Трубниковой и Стасовой, 1869. – 305 с.
28. Смирнова С.И. Петербургская прислуга. – СПб.: А.С. Суворин, 1897. – 472 с.
29. Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. – СПб.: Т-во худож. печати, 1902. – 512 с.
30. Шепелева М.П. Рост численности женской преступности в России второй половины XIX столетия через призму взглядов антропологов и социологов // Вопр. гос. и права: сб. ст., посвящ. 10-летию образования кафедры истории государства и права. – Курск: Изд-во Курского гос. техн. ун-та, 2005. – С. 173–180.
31. Лесков Н.С. Собр. сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1989. – Т. 12. – С. 331–343.
32. Б.а. Тяжкое обвинение // Трудовая копейка. – 1912.

References

1. Veremenko V.A. Hozyajka na kuhne: adaptacionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvoryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of Russian noble families in the second half of XIX – early XX centuries] // EHKstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-iyu Russkoj revolyucii 1917 g.). Sb. mater. mezhdunar. nauch. konf. [The Extreme in the everyday life of the population of Russia: history and modernity (100-UW Russian revolution of 1917). SB. mater. Intern. scientific. Conf.] / otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. – S. 315–323.
2. Mukhina Z.Z. Starye devy v russkoi krest'yanskoi srede (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Spinsters in Russian peasantry (the second half of 19th – the beginning of the 20th century)] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian society]. – 2013. – № 4. – P. 50–57.
3. Mukhina Z.Z. Vdovavrusskoikrest'yanskoi srede: traditsiiinovatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [A widow in the Russian peasantry: tradition and innovation (the second half of 19th – the beginning of the 20th century)] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian society]. – 2012. – № 4. – P. 62–71.
4. Bensman A. Trud domashnei rabotnitsy [Labour domestic worker] // Trudovye prava sluzhashchikh [Labour rights of employees]. – 1926. – № 1. – P. 2–3.
5. Samarina L.A. Prisluga na birzhe truda v Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX vv. [The servants at the labor exchange in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries] // Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii: materialy Vseros. nauchn. konf. s mezhdunar. Uchastiem [The capital and province: the relationship center and the regions in Russia's history] / otv. red. V.V. Karpova. Ed. 6. – St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2015. – P. 121–127.
6. Veremenko V.A. Organizatsiya naima prislugi v gorodakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Organization of hiring workers in the cities of Russia in the second half of XX – the beginning of the twentieth century] // Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie [Modernization in Russia: history, politics, education]. Ed. 6. – St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2014. – P. 85–94.
7. B. a. Po voprosu o naemnykh slugakh v Sankt-Peterburge [On the question of salaried servants in St. Petersburg]. – St. Petersburg, 1859. – 35 p.
8. Popov N.A. Khozyaeva i prisluga [The hosts and servants]. – St. Petersburg: Tip. SPb., 1907. – 16 p.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 1287 – Khozyaistvennyi departament MVD [Economic Department of the Ministry of Interior]. Op. 37. D. 2254.
10. Panaev I.I. Khozyaeva i prisluga [The hosts and servants]. – St. Petersburg: Tip. SPb., 1907. – 16 p.
11. Veremenko V.A. Domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Domestic workers in the noble families of Russia in the second half of the 19th century – beginning of the 20th century] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2013. – T. 4. History. – № 1. – P. 181–191.
12. Nevskii V. Domashnyaya prisluga [The domestic workers]. – Ptg.: Priboi, 1917. – 21 p.
13. B. a. Ocherki iz Peterburgskoi zhizni novogo poeta [Sketches from the Life of St. Petersburg a new poet]. B. g.: izdanie N.G. Martynova, B.g. 24 p.
14. Lenskaya L.N. O prisluge. Doklad, chitaemyi vo 2-om zhenskom klube [About servants. The report read in the 2nd Women's Club]. Moscow: Tip. Vil'de, 1908. – 32 p.

15. Buzin D. Zhilishchnye usloviya rabocheho klassa v dorevolyutsionnoi Rossii i v SSSR [Living conditions of the working class in prerevolutionary Russia and the USSR] // Problemy ekonomiki [The Economy Problems]. – 1938. – № 4. – P. 89–105.
16. Valetov T.Ya. Chem zhili rabochie lyudi v gorodakh Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX v. [The workers lived people in the Russian Empire in the late 19th century cities – the beginning of the 20th century] // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik [Social history. Yearbook]. – 2008. – P. 176–196.
17. De-Turzhe-Turzhevskaya E. Belye nevol'niki [White slaves]. Smolensk: parovaya tipo-lit. Ya.N. Podzemskogo, 1906. – 12 p.
18. RGIA. F. 1286 – Departament politsii ispolnitel'noi MVD [Department of the Interior Ministry police executive]. Op. 31. D. 349.
19. RGIA. F. 1263 – Kabinet ministrov [The cabinet] (1802–1906). Op. 1. D. 921.
20. Yakimova N. Svoi sredi chuzhikh: bogatye kukharki i retsidivisty sredi krymskoi prislugi [At home among strangers: rich cooks and repeat offenders among the workers of the Crimean] / Pervaya Krymskaya informatsionno-analiticheskaya gazeta [First Crimean informational and analytical newspaper]. – 2013. – № 457. – S. 12–25.
21. Tarnovskaya P.N. Vorovki. Antropologicheskoe issledovanie [Thief. Anthropological study]. – St. Petersburg: Tip. Doma prizreniya malolet. bednykh, 1891. – 79 p.
22. Foinitskii I. Zhenshchina-prestupnitsa [Female offender] // Severnyi vestnik [Northern herald]. – 1893. – № 10. – S. 128.
23. Mikhnevich V.O. Yazvy Peterburga: Opyt istoriko-stat. issledovaniya nravstvennosti stolichnogo naseleniya [Ulcers Petersburg: Experience the historical and statistical study of morality metropolitan population]. – St. Petersburg: tip. F. Sushchinskogo, 1886. – 533 p.
24. Leikin N.A. Prisluga iz kontory [The servants of the office]. – St. Petersburg: Tip. im. Khudekova, 1896. – 289 p.
25. Nikolaeva M.K Derevnya v starinu [The village in the old days]// Severnyi vestnik [Northern herald]. – 1891. – № 3. – S. 110.
26. Veremenko V.A. «Dura v dome» – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [“Fool in the house” – a female domestic workers in the noble families of Russia in the second half of 19th – early 20th century.] // Adam i Eva. Al'manakh gendernoi istorii [Adam and Eve. Almanac gender history]. – Moscow: IVI RAN, 2013. – № 3. – P. 265–268.
27. Daul' A. Zhenskii trud v primenenii k razlichnym otraslyam promyshlennoi deyatel'nosti. Ocherki 600 remesel i zanyatii.[Female labor is applied to various sectors of industrial activity. Essays 600 crafts and occupations]. – St. Petersburg: izdanie Trubnikovoi i Stasovoi, 1869. – 305 p.
28. Smirnova S.I. Peterburgskaya prisluga [Petersburg servants]. – St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1897. – 472 p.
29. Tarnovskaya P.N. Zhenshchiny-ubiitsy [The murderess]. – St. Petersburg: T-vo khudozh. pechati, 1902. – 512 p.
30. Shepeleva M.P. Rost chislennosti zhenskoi prestupnosti v Rossii vtoroi poloviny XIX stoletiya cherez prizmu vzglyadov antropologov i sotsiologov [The growth of female criminality in Russia in the second half of the 19th century through the prism of the views of anthropologists and sociologists] // Voprosy gosudarstva i prava: Sbornik statei, posvyashchennykh 10-letiyu obrazovaniya kafedry istorii gosudarstva i prava [Questions of State and Law]. Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. tekhn. un-ta, 2005. – P. 173–180.
31. Leskov N.S. Sobr. Sochinenii v 12 t. [Collected works in 12 volumes]. – Moscow: Pravda[The True], 1989. – V. 12. – P. 331–343.
32. B.a. Tyazhkoe obvinenie [Heavy charge] // Trudovaya kopeika [labor penny]. 1912.

ГЕНДЕР И ОБЩЕСТВО

УДК 94(73)-055.2"1865/1914"
ГРНТИ 03.09. Всеобщая история

Е.О. Тютина

Влияние индустриальной революции на положение американской женщины в 1865–1914 гг.

Индустриальная революция оказала значительное влияние на положение американской женщины, предоставив ей возможность более активного участия в социальной и политической жизни страны. В данной статье анализируется иммиграционный процесс в США конца XIX – начала XX в. (период после окончания гражданской войны и до начала Первой мировой) и его влияние на женское общество. Другим важным аспектом статьи стало обсуждение изменения женского законодательства периода индустриализации (влияние новых поправок к конституции на вовлечение женщин в общественную жизнь страны). Также исследуется роль женщин в технологическом процессе эпохи индустриализации. Американки активно работали не только на благо приезжего населения и с целью расширения собственных гражданских прав, но и принимали участие в изобретательном процессе, что в корне изменило гендерную историю данного периода.

Ключевые слова: женщины, индустриальная революция, США, волна иммиграции, иммигранты, Холл-хаус, Джейн Аддамс, Эллен Стар, женское законодательство, конституционная поправка, массовое производство, «Новая женщина», изобретения.

Е.О. Tiutina

Impact of Technological Innovations on American Women in 1865–1914`s

Industrial revolution has changed women`s life, but it also inspired them to participate in the social works and to continue their movement for the women rights. In this article an author is going to discuss immigration processes and its influence on the women`s society through the period between the end of the Civil War and the beginning of the First World War. Another discussion is going to be about the changing of the women`s rights during industrialization and its impact on the American future. An author states that American women participated in technological developments as well. Finally, industrial revolution changed political, economic and social aspect of the American gender relationships.

Key words: woman, industrial revolution, the United States, immigration, Hull houses, Jane Addams, Ellen Gates Starr, Elizabeth Cady Stanton, technology, women`s rights, mass production, factory.

После Гражданской войны американская индустрия переживала ряд изменений сразу в нескольких отраслях экономики. Активная добыча натуральных ресурсов (уголь, железо, дерево) и увеличение рабочего класса за счет приезжих из сельской местности и иммигрантов привели к экономическому росту и изменению положения на рынке товаров и услуг. Технологический прогресс и новые изобретения повысили продуктивность наиболее важных сфер промышленной и сельскохозяйственной деятельности, за счет которых проводилась индустриализация. Все эти процессы, несомненно, изменили социальную, политическую и культурную сферу жизни американского общества.

Экономический рост привел к повышению уровня жизни и численности населения страны. К началу XX в. средняя американская семья имела три-четыре ребенка, большинство из которых к пятнадцати годам могли хорошо читать и писать. В течение 1860–1910 гг. более 14 млн иммигрантов пересекли границу США с целью заработка и поиска новой жизни в другой стране. Коренное население переселялось из сельской местности в города, чтобы найти работу на крупных фабриках и мануфактурах, формируя рабочий класс [1, с. 217–218].

Правительство всячески поддерживало промышленное производство на всех уровнях – федеральном, региональном, местном. Например, на уровне штата было выделено 30 млн долларов только на строительство железных дорог. Крупные заказы сосредоточивались в руках наиболее успешных владельцев частных предприятий (Джон Рокфеллер). Все это привело в итоге к формированию монополий (U.S. Steel Corporation), владельцы которых впоследствии приобрели значительное влияние на целые отрасли.

В социальной сфере также произошли серьезные изменения. Железные дороги, телефон и телеграф заметно изменили повседневную жизнь людей. Эволюционировала и семья, которая переставала быть просто экономическим союзом между двумя семьями и их детьми: новое поколение теперь ожидало от брака романтических отношений, дети постепенно становились центром семьи. (Аналогичные процессы внутри семьи происходили и в других странах, например в России [2]). В то же время благотворительность приобрела популярность среди состоятельных слоев. Жены мэров, сенаторов или влиятельных адвокатов пользовались своим положением для борьбы с антисанитарией, плохими условиями жизни рабочих и др. Церкви с ее консервативными взглядами оставалось только игнорировать или принимать эти новые тенденции в обществе.

Процесс индустриализации во многом стал возможным благодаря многочисленному на тот момент рабочему классу, который, в свою очередь, взамен улучшения условий труда рассчитывал получить нормированный рабочий день, стабильную заработную плату, медицинское страхование и возможность карьерного роста. Для защиты прав трудящихся создавались профсоюзы (Labor Union, 1860), а также организовывались мирные демонстрации рабочих (Haymarket Strike, 1885). Все чаще ряды рабочих пополняли женщины и дети, соглашаясь на более низкую заработную плату при тех же условиях труда, какие были у взрослых мужчин.

Индустриальная революция оказала серьезное влияние на положение американской женщины, попавшей под влияние новых тенденций и технических разработок конца XIX – начала XX в. Несмотря на преимущественное сохранение «домашнего» характера женской жизни, сама она постепенно становится более независимой и свободной. «Новая женщина» («New woman») была готова заниматься благотворительностью и социальной работой, посещать отдельные курсы в университетах и даже зарабатывать небольшую сумму денег для прокормления семьи. Все это позволило ей становиться более активной как в общественной, так и в культурной жизни страны. Именно поэтому очень важно рассматривать данный аспект как один из ключевых периодов в гендерной истории США.

Наиболее важными процессами американской индустриализации, оказавшими влияние на гендерный аспект, были урбанизация и иммиграционный процесс, изменения в законодательстве о правах гражданина США и технологический прогресс периода от окончания Гражданской и до начала Первой мировой войны.

Иммиграционный процесс и его влияние на американскую женщину

В последней трети XIX в. США настигла новая волна иммиграции. В период с 1880 по 1900 г. ежегодный прирост переселенцев достиг одного миллиона человек. Большинство из них надеялись получить больше возможностей и начать новую жизнь в США. Иммигранты переезжали целыми семьями (жена, дети, родители), селились в тесных квартирах крупных городов, таких как Нью-Йорк [1, с. 243].

В этих условиях американское правительство и местные власти развернули серию реформ, направленных на регулирование миграционного потока. Так, в 1880 г. была принята поправка к Бурлингемскому договору (Burlingame Treaty). Данный акт установил базовые принципы распределения иммигрантов в стране и ограничил въезд в страну некоторым категориям граждан Китая [3].

Данная поправка явилась результатом антикитайских протестов среди американского рабочего класса. Граждане США были недоволь-

ны возраставшей безработицей в связи с приездом новых китайцев в страну [4].

Волна иммиграции продолжилась и в начале XX в. В данный период в число приезжих входили и выходцы из Австро-Венгрии, Италии, стран Восточной Европы и России. Например, на протяжении всего XIX в. из Российской империи в США прибыло около 760 тыс. иммигрантов. Однако в течение одного только десятилетия 1900–1910 гг. число приезжих из России составляло уже 2 500 тыс. чел. Порядка 87 % иммигрантов поселялись в крупных городах, таких как Чикаго, Детройт, Кливленд и Нью-Йорк [5, с. 101]. Враждебная реакция местного населения стихала в период экономического подъема. Однако американцы выражали недовольство, виня приезжих в заселении благоприятных земель, смешении рас и языков («Spoil Language hostile»). Вместе с тем в стране велась активная борьба с распространением социалистической идеологии, набиравшей популярность среди интеллигенции крупных городов [6].

Все это способствовало переходу к новой иммиграционной политике в США. Для преодоления разногласий между местными и иностранными рабочими был создан специальный Департамент общественных отношений. Данный департамент занимался распределением новых иммигрантов по штатам для поддержания равного процентного соотношения мигрантов по стране [7].

В период президентства Теодора Рузвельта (1901–1909) была создана специальная Комиссия по расследованию иммиграционных процессов в США. Деятельность данной комиссии во многом предопределила иммиграционную политику страны периода Первой мировой войны («стадия ограничений»). В целом иммиграционная политика США конца XIX – начала XX в. во многом отвечала экономическим интересам страны: ограничивала права малообразованного и бедного слоя иммигрантов и, наоборот, расширяла права для крупных бизнесменов из других стран [8, р. 40–42].

Вместе с тем условия повседневной жизни иммигрантов определялись тем, что только один взрослый член семьи мог официально устраиваться на работу. Незамужние женщины с детьми, приехавшие в страну, не могли получить работу или записаться на профессиональные курсы. К тому же жилищные условия иммигрантов, которые были вынуждены арендовать маленькие комнаты на пятерых-шестерых человек, были удручающими. Антисанитария, высокий уровень преступности на окраинах города и слабое знание английского языка делали повседневную жизнь иммигрантов еще более тяжелой [9, р. 109].

Проблемой иммиграции активно занимались американские горожанки среднего класса, желавшие начать социальную работу на пользу приезжему населению. Это были достаточно состоятельные,

влиятельные и активные женщины, которые, получив высшее образование, не могли получить достойную их квалификации работу и найти свое место в обществе. Такие женщины стремились, оказывая помощь нуждающемуся населению, продемонстрировать свою значимую роль в современном обществе. Подобная социальная активность, по мнению американок, способствовала бы их большей независимости и уравниванию в правах с мужчинами.

Одной из самых известных активисток, посвятивших свою жизнь адаптации иностранных граждан в США в конце XIX – первой трети XX в., была Джейн Адамс (1860–1935). Адамс известна как сторонник прогрессивных реформ, социолог, писатель и лауреат Нобелевской премии 1931 г. Летом 1887 г. Джейн Адамс прочитала в газетах о новой идее организации поселений для нуждающихся. После многочисленных поездок по Европе вместе с единомышленницей Эллен Стар, Адамс решила создать собственные поселения для мигрантов в Чикаго (считается, что основой их создания послужил пример поселений Лондона) [10, р. 112–114].

Главной целью сетлементов или халл-хаусов (HullHouse), было предоставление жилья и помощи семьям иммигрантов. В халл-хаус также устраивались специальные курсы английского языка и проводились беседы, на которых жители могли бы побольше познакомиться с американской культурой и традициями страны. Данные поселения в конечном итоге стали первым настоящим домом для приезжих в США иммигрантов [11, р. 115].

Адамс и Стар были первыми основателями сетлементов, но к началу XX в. число попечителей возросло до 25 женщин. В первые десятилетия XX в. в поселении жило и обучалось около 2 тыс. чел. Администрация халл-хауса занималась исследованиями в области жилищного обеспечения, санитарии, респираторных заболеваний, алкогольной и наркотической зависимости и даже акушерства [11, р. 42]. Данная дополнительная работа позволила женщинам вроде Адамс и Стар обеспечить не только финансовую, но в отдельных случаях и медицинскую или юридическую помощь для иммигрантов Чикаго и пригородов.

К 1910 г. поселения предлагали съемное жилье для семей рабочих города Чикаго, вечернюю школу для взрослых, ясли для детей, общую кухню, баню, спортивный зал, библиотеку, небольшую картинную галерею, музыкальные классы, театральный кружок, клубы по интересам и бюро для трудоустройства [12, р. 43].

Среди обитателей поселения были представители различных этнических групп, иммигрировавших в США на рубеже XIX–XX вв.: граждане Ирландии, Германии, Италии, евреи из России и Польши, приезжие из Китая, Турции и Сирии [13].

Таким образом, Джейн Адамс организовала целое сообщество из американских женщин среднего класса, которые были готовы помочь приезжим в Чикаго с адаптацией и получением работы и жилья. Поселения Джейн Адамс, в которых осуществлялись идеи сохранения целостности семей и улучшения жилищных условий жителей Чикаго, стали известны не только в Америке, но и во всем мире.

Другой женщиной, которая также занималась адаптацией иммигрантов на рубеже XIX–XX вв., была Эллен Ричардс (1842–1911). Ричардс известна как первая американская женщина-химик и специалист в области домоводства. Будучи убежденной феминисткой, Ричардс считала, что работа женщины по дому является неотъемлемой частью экономического процветания семьи и общества в целом. В 1890 г. Эллен Ричардс стала одной из основательниц английской кухни (New England Kitchen) в штате Массачусетс, которая явилась настоящей школой кулинарного мастерства для женщин рабочего класса. Английская кухня обучала женщин, занятых работой на производстве, готовить еду быстро, дешево и в то же время максимально полезно для здоровья их семей [14, p. 18–19; 27–29].

Такая деятельность впоследствии помогла Эллен Ричардс стать президентом Американской ассоциации ведения домашнего хозяйства (the American Home Economics Association), созданной в 1908 г., а также вести активную работу в борьбе за право на высшее техническое образование для женщин.

Активная работа американских женщин по решению иммиграционного вопроса в конце XIX – начале XX в. во многом предопределила дальнейшую судьбу семей иммигрантов, оказавшихся в непростой жизненной ситуации. В то же время данная деятельность стала полезной и для самих женщин, завоевавших значительный авторитет в общественных кругах США и мира.

Женское законодательство в США в период индустриализации

Быстрый экономический подъем и развитие производства продукции массового потребления предоставили американской женщине больше возможностей для самореализации. В то время как мужчины-фермеры не могли оставить свои фермы и уехать в город для дополнительного заработка, женщины (особенно незамужние) все чаще принимали решение покинуть сельскую местность. Основной целью такого переезда было желание получить дополнительные средства на собственные нужды или помочь отцу или мужу прокормить семью. В свою очередь процесс индустриализации привел к массовому распространению женской рабочей силы, которая, однако, оценивалась ниже, чем мужская.

Наиболее привлекательными работами для женщин в США к началу XX в. считался труд стенографистки, учительницы и медсестры

[15]. Однако чаще всего на данные вакансии не принимали женщин без специального образования, что заставляло не имевших его устраиваться работать на заводы. Так, в 1850-х гг. на различных производствах в городах США работало ок. 225 тыс. женщин, а к началу 1900-х их число увеличилось до 878 тыс. человек. Женщины были вынуждены работать по 12–14 ч в сутки, жить в съемных комнатах в пригороде, не получая никакой поддержки со стороны работодателей (без страховки, трудовых гарантий и др.) [16, р. 11].

Именно поэтому женщины стали одними из первых, кто включился в рабочее движение в Америке в начале XX в. Основными методами женского рабочего движения были забастовки и пикеты, а также организация женских профсоюзов. Женщины выступали за регулирование условий проживания работниц, равные условия труда с мужчинами и возможность получать дополнительное профессиональное образование для карьерного роста. Деятельность профсоюзов была также направлена на защиту прав женщин-трудящихся, на получение избирательных прав и полное уравнивание в правах с мужчинами.

Наиболее известными женщинами-активистками, из тех кто занимался борьбой за женские права в США, были Сьюзан Энтони и Елизабет Стентон. Именно Энтони и Стентон были одними из первых, кто выступали в поддержку четырнадцатой поправки к Конституции США (данная поправка была принята в 1868 г. и предоставляла права гражданства каждому индивиду, родившемуся на территории США (в том числе, афроамериканскому населению). Позднее Энтони и Стентон активно боролись за право женской опеки и попечительства, права частной собственности, труда, медицинского обеспечения и контроля деторождения [17, р. 7]. В 1876 г. эти же женщины вместе с Мелиндой Кейдж опубликовали работу «История женского суфражизма» («History of Woman Suffrage»).

На протяжении конца XIX – начала XX в. женское движение в США имело сразу несколько направлений:

- радикальное (Элис Пол – суфражистка, член «Национальной женской партии», была осуждена и приговорена к тюремному заключению за пикеты в поддержку девятнадцатой поправки к Конституции США (которая ввела женское избирательное право) у Белого дома);
- консервативное (Керри Чапман Катт – была членом Национальной американской ассоциации женского суфражизма (NAWSA);
- антирасистское (Люси Стоун – выступала за полную отмену рабства в южных штатах);
- пацифистское (Джейн Адамс – первая женщина, получившая Нобелевскую премию мира в 1931 г. как основательница профессии социального работника в США).

В результате в начале XX в. женщины добились прав на посещение лекций в университетах наравне с мужчинами. Это позволило им

повышать свою квалификацию и находить более оплачиваемую работу, а значит – становиться более независимыми. Популярная в то время идея «Просвещенного материнства» («Enlighten Motherhood») сделала примером для подражания успешную и независимую, но при этом замужнюю женщину, которая была уравнена в правах с мужем над детьми и имела право контроля деторождения [16, p. 102].

Технологический прогресс и, как следствие, появление новых машин на производстве позволил женщинам работать в тех отраслях производства, в которых до этого была востребован только тяжелый мужской труд. При этом с развитием науки эти же новые машины на производстве и отнимали рабочие места как у женщин, так и у мужчин (полная автоматизация производства).

Таким образом, на протяжении индустриальной революции конца XIX – начала XX в. американская женщина получила возможность работать на массовом производстве США, что позволило ей получать первый серьезный заработок и стать экономически независимой. Избирательное право (конституционная поправка 1920 г.) и право на высшее образование в конечном счете привели к полному равноправию и вовлечению женщин во все сферы жизни общества. «Новая женщина» («Newwoman») 1920 гг. начала не просто следовать прогрессу, теперь она сама была способна творить прогресс.

Американская женщина и эпоха изобретений начала XX в.

Конец XIX – начало XX в. в США также известен как период технологического прогресса. После окончания гражданской войны широкое развитие получили железные дороги, телефон, телеграф, двигатели внутреннего сгорания и др. Все это изменило повседневную жизнь и скорость коммуникаций американской семьи. Так, к примеру, появление электричества повлияло не только на производство, но и на бытовые условия горожан; железные дороги и телефонная связь значительно ускорили процесс обмена информацией и путешествиями не только на государственном, но и на бытовом уровне. Вместе с тем задачей женщины в данный период стала адаптация новых изобретений под хозяйственные нужды семьи [18, p. 131].

Так, например, велосипед, впервые представленный на экспозиции в Филадельфии в 1876 г., стал самым продаваемым товаром 1890-х (ежегодный доход велосипедных компаний достигал ста миллионов долларов). Это изобретение стало невероятно популярным среди горожанок США, которые теперь получили больше возможностей для передвижения на работу, учебу и в супермаркеты. В обществе мужчин такая «новая женщина» на велосипеде вызывала крайнее недовольство (вождение «мужского» транспорта и открытый показ ног во время передвижения считались предосудительными). Известный американский педагог и суфражистка того времени Фрэнсис Виллард в своей

книге «Колесо к колесу: как я научилась ездить на велосипеде» так отмечала важность велосипеда в жизни современной ей женщины: «В скором времени велосипед станет не только атрибутом рабочего класса, но и женщины-домохозяйки, собравшейся в ближайший магазин овощей» [18, р. 8].

Автомобиль быстро превратился в настоящую семейную ценность. Данное изобретение позволяло перемещаться на далекие расстояния сразу всей семьей, а также перевозить продукты или строительные материалы. Интересно, что и тут были противники нововведений: церковь осуждала автомобиль как средство семейного досуга, так как теперь «семья собиралась вместе с автомобиле чаще, чем в церкви», что якобы подрывало ее моральные устои [14].

Жилой дом американской семьи со средним доходом к 1920-м гг. также стал наполняться устройствами и изобретениями различного предназначения, которые заметно облегчали работу женщин-домохозяек. Как только такие блага, как продукты, топливо и одежда стали общедоступными товарами в магазинах, традиционная мужская роль в семье (добыча продуктов, рубка леса и др.) были фактически упразднены. Женская же часть (уборка, готовка) были также заметно изменены благодаря новым изобретениям. Так чугунная кухонная плита изменила не просто безопасность и скорость приготовления пищи, но и вдохновила женщин всего мира на необычные техники и рецепты готовки, кулинарные школы, программы, советы по питанию и др. [20, р. 143]. Эти и многие другие изобретения предоставили американской женщине больше свободного времени, обозначив новые возможности за пределами дома и семьи.

В американской истории периода индустриализации настоящую славу получили мужчины-изобретатели, такие как Том Форд и Тимас Эдисон. Но немаловажную роль в данный период сыграли и женщины-изобретательницы, чьей задачей было создать машины, которые бы упростили их домашние работы и предоставили еще больше времени для дополнительной деятельности. К началу XX в. американские женщины вовлекались в сферы инженерного проектирования, менеджмента, химии и физики. Например, Жозефина Кахран стала известна своей разработкой первого прототипа будущей стиральной машины (начала работу еще в 1866 г.). Мэри Пеннингтон активно принимала участие в исследовании холодильных установок. Мэри Харрис в 1910 г. начала собственный бизнес по пошиву рабочей и модной одежды в Нью-Йорке. Другая крупная бизнесвумен того времени мадам Уолкер (иммигрировала в США из Англии в начале XX в.) основала свой бренд американской косметики «Elizabeth Arden».

Период индустриальной революции обозначил новые задачи для женщины как в семье, так и в обществе. Новые изобретения действительно помогли организовать быт, уют и безопасность американского

дома. Однако сами женщины не остановились на достигнутом, вовлекаясь во все новые сферы производства и изобретения предметов массового потребления США.

В конце XIX – начале XX в. США по своему экономическому производству оставили позади себя такие страны, как Англия и Германия. Стремительное развитие промышленности, сельского хозяйства, транспортной системы и коммуникаций заметно трансформировали американское общество. При этом женщины ощутили на себе данные изменения настолько же сильно, как и мужчины. Индустриализация и ее последствия не только вдохновили женщину на общественную работу, но и дали возможность бороться за расширение собственных прав и развитие технологий на пользу домашнего хозяйства. Таким образом, индустриальная революция трансформировала положение американской женщины из зависимой от мужа домохозяйки в независимого городского труженика, готового работать на нужды американской экономики.

Список литературы

1. Daniels R. Coming to America. – New York: Harper Perennial, 2002. – 450 p.
2. Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Европейский дом, 2009. – 684 с.
3. Text of the treaty between China & the United States. UC Berkeley, Bancroft Library. University of California. June 5, 2002. – URL: <http://content.cdlib.org/ark:/13030/hb4m3nb03h/?order=2&brand=calisphere> (дата обращения: 03.12.16).
4. Chinese notes // The American Missionary Vol. 0032 Issue 4 (Apr 1888). – P. 106.
5. Соргин С.С. Исторический опыт США. – М.: Наука, 210. – 254 с.
6. The New Law and Our Work // The American Missionary Vol. 0036 Issue 7 (July 1882). – P. 195.
7. Immigration Act of 1907. History Central. – URL: <http://www.historycentral.com/documents/immigrationact.html> (дата обращения: 04.12.16).
8. Graham O. L. Unguarded Gates: A history of America's immigration crisis. – Maryland: Rowman & Littlefield Publishers INC., 2006. – P. 40–47.
9. Portes A. Ruben, G.R. Immigrant America a Portrait. – Los Angeles: University of California Press, 2006. – 214 p.
10. Knight Louise W. «Biography's Window on Social Change: Benevolence and Justice in Jane Addams's «A Modern Lear» // Journal of Women's History. – 1997 9(1): P. 111–138.
11. Lundblad Karen S. «Jane Addams and Social Reform: A Role Model for the 1990s». Chicago: Social Work, 1995. – P. 40–49.
12. Addams, Jane, ed. Hull-House Maps and Papers: A Presentation of Nationalities and Wages in a Congested District of Chicago, Together with Comments and Essays on Problems Growing Out of the Social Conditions (1896). Library of Congress's Archive. – URL: <https://archive.org/details/hullhousemapsan00unkngoog> (дата обращения: 15.12.16).
13. Hull-House Maps and Papers // The Atlantic Monthly Vol. 0077 Issue 459 (January 1896). – P. 119–124.
14. Carroll Pursell. The Machine in America: A Social History of Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. – 362 p.

15. Careers for women compiled and edited by Catherine Filene. Boston, 1920. Library of congress. – URL: <https://www.loc.gov/resource/rbpe.07905000> (дата обращения: 17.12.16).
16. Kinner M. Daughters of the time. S. 1. Chicago: Ann Arbor, 1982. – 203 p.
17. McKelvey Blake. Susan B. Anthony. Rochester: Rochester public library. VII (2), 1945. – 164 p.
18. Stanton Elizabeth Cady; Anthony, Susan B.; Gage, Matilda Joslyn; Harper, Ida. History of Woman Suffrage in six volumes. – Rochester, New York: Susan B. Anthony (Charles Mann Press), 1881–1922. – 911 p.
19. Willard Francis. A wheel within wheel: how I learned to ride the bicycle. NY: Fleming H. Revel company, 1895. – 73 p.
20. Servos John W. Physical chemistry from Ostwald to Pauling: the making of a science in America. NJ: Princeton University Press, 1990. – 293 p.

References

1. Daniels R. Coming to America. – New York: Harper Perennial, 2002. – 450 p.
2. Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries)]. Izd. 2-e, ispr. i dopoln. – SPb.: Evropejskij dom, 2009. – 684 s.
3. Text of the treaty between China & the United States. UC Berkeley, Bancroft Library. University of California. June 5, 2002. – URL: <http://content.cdlib.org/ark:/13030/hb4m3nb03h/?order=2&brand=calisphere> (дата обращения: 03.12.16).
4. Chinese notes // The American Missionary Vol. 0032 Issue 4 (Apr 1888). – P. 106.
5. Sorgin S.S. Istoricheskiy opyt SSHA [The historical experience of the United States]. Moscow: Science Pres., 210. – 254 p.
6. The New Law and Our Work // The American Missionary Vol. 0036 Issue 7 (July 1882). – P. 195.
7. Immigration Act of 1907. History Central. – URL: <http://www.historycentral.com/documents/immigrationact.html> (дата обращения: 04.12.16).
8. Graham O. L. Unguarded Gates: A history of America's immigration crisis. – Maryland: Rowman & Littlefield Publishers INC., 2006. – P. 40–47.
9. Portes A., Ruben G.R. Immigrant America a Portrait. Los Angeles: University of California Press, 2006. – 214 p.
10. Knight Louise W. «Biography's Window on Social Change: Benevolence and Justice in Jane Addams's «A Modern Lear» // Journal of Women's History. 1997 9(1): P. 111–138.
11. Lundblad Karen S. «Jane Addams and Social Reform: A Role Model for the 1990s». – Chicago: Social Work, 1995. – P. 40–49.
12. Addams Jane, ed. Hull-House Maps and Papers: A Presentation of Nationalities and Wages in a Congested District of Chicago, Together with Comments and Essays on Problems Growing Out of the Social Conditions (1896). Library of Congress's Archive. – URL: <https://archive.org/details/hullhousemapsan00unkngoog> (дата обращения: 15.12.16).
13. Hull-House Maps and Papers // The Atlantic Monthly Vol. 0077 Issue 459 (January 1896). – P. 119–124.
14. Carroll Pursell. The Machine in America: A Social History of Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. – 362 p.

15. Careers for women compiled and edited by Catherine Filene. Boston, 1920. Library of congress. – URL: <https://www.loc.gov/resource/rbpe.07905000> (дата обращения: 17.12.16).
16. Kinner M. Daughters of the time. S. 1. Chicago: Ann Arbor, 1982. – 203 p.
17. McKelvey, Blake. Susan B. Anthony. Rochester: Rochester public library. VII (2), 1945. – 164 p.
18. Stanton Elizabeth Cady; Anthony, Susan B.; Gage, Matilda Joslyn; Harper, Ida. History of Woman Suffrage in six volumes. – Rochester, New York: Susan B. Anthony (Charles Mann Press), 1881–1922. – 911 с.
19. Willard Francis. A wheel within wheel: how I learned to ride the bicycle. NY: Fleming H. Revel company, 1895. – 73 p.
20. Servos, John W. Physical chemistry from Ostwald to Pauling: the making of a science in America. NJ: Princeton University Press, 1990. – 293 p.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 930.2"1939/1945":94(470.23-25)"1941/1944"
ГРНТИ 03.23. История России

Л.Н. Семенова

От мирного детства к военному: страницы дневника ленинградской школьницы Ларисы Ивановой

Невероятно тяжёлым был период блокады Ленинграда для его жителей. Прошли годы, но память жива. Она обостряется с появлением новых свидетельств человеческих судеб. Таким документальным источником стал и дневник ленинградской школьницы 8–14 лет Ларисы Ивановой, который она вела с 1939 по 1945 гг.

В своём дневнике девочка фиксировала самые трогательные и значительные события своей детской жизни. Так, 1 сентября 1939 г. она пошла в первый класс. И на первой странице своего дневника она написала о том, как ей понравилось в школе и что она будет учиться только на «хорошо» и «отлично». А дальше были итоги учебных четвертей, зимние и летние каникулы, поездка в Западную Белоруссию к родным в сентябре 1940 г.

Из записей дневника следует, что жизнь девочки была озарена счастьем и радостью. Особое место в дневнике занимает описание праздников 7 ноября, 1 мая и особенно Нового года. И всегда рядом с ней семья: папа и мама.

И вот в июне 1941 г. в жизнь юной ленинградки Ларисы Ивановой и её семьи, города Ленинграда и всей страны вошла война. На страницах дневника отражается хроника военных событий: бомбёжки города, снижение нормы хлеба, смерть знакомых от голода. Несмотря на ухудшение условий жизни горожан, ребёнок уверен в неизбежности Победы.

Дневник Ларисы Ивановны Ивановой (1931–2014 гг.) позволяет современникам взглянуть на исторические события конца 1930 – начала 1940-х гг. через мироощущение ребенка и детское понимание добра и зла, где добром являлось предвоенное счастливое детство, а злом – война, которая заставила страдать и взрослых, и детей.

Ключевые слова: война, блокада Ленинграда, детский дневник, голод, военное детство.

L.N. Semenova

From peaceful to wartime childhood: Diary pages of the Leningrad schoolgirl Larissa Ivanova

Incredibly heavy was the period of the siege of Leningrad. Years passed, but the memory is still alive. It is exacerbated by the emergence of new evidence of human des-

tinies. This source was the diary of the Leningrad schoolgirl 8–14 years Larissa Ivanova, who she led (c) 1939 to 1945 g. In his diary recorded the most touching and schoolgirl significant events of their children's lives. So, September 1, 1939, she went to the first class. And on the first page of her diary she writes about how she liked at school and that she will learn only "good" and "excellent". And then there were the results of the training quarters, winter and summer vacation, a trip to Western Belarus to relatives in September 1940 year.

From journal entries should be that the girl's life was illuminated by happiness and joy. A special place in the diary takes a description of events November 7, 1 may, and particularly of the new year. And always there for her family: mom and dad. And here in June 1941 year in young life we Larissa Ivanova and her family, the city of Leningrad, and the whole country entered the war. On the pages of this diary reflects the Chronicle of the war: bombing cities, declining rates of bread, the death of friends from starvation. Despite the deterioration in the living conditions of citizens, the child is confident the inevitability of Victory.

Diary of Larisa Ivanovna Ivanova (1931–2014) allows contemporaries look at native history of the late 1930 's and early 1940 's. gaze of the child, through his attitude and children's understanding of good and evil, where good was prewar happy childhood, and evil-a war that forced to suffer both adults and children.

Key words: war, siege of Leningrad, a children's diary, hunger, war childhood.

В данной истории никто специально не занимался сбором новых источников по блокаде Ленинграда. Это был случай. Удивительный случай. В 2014 г. во время дезинфекции дома в п. Тайцы Гатчинского района умершей одинокой пенсионерки сотрудники СЭС приступили к разбору её вещей, чтобы найти документы, удостоверяющие личность.

В поисках документов Маргарита (сотрудница СЭС) наткнулась на дневник и семейный альбом с фотографиями. Дневник потряс её. В нём были счастье и несчастье, мир и война. Его вела и хранила всю жизнь бывшая ленинградская школьница Лариса Иванова – Иванова Лариса Ивановна. Маргарита оставила дневник у себя. И опять случай. В начале марта 2015 г. она по делам службы оказалась в Гатчинской школе № 8 и увидела выставку классных стенгазет, посвященных снятию блокады и освобождению города Гатчины от немецко-фашистских захватчиков. Пораженная увиденным, она и подарила дневник юной ленинградки школе.

Так появилась возможность прикоснуться к истории маленького гражданина великой страны, свидетеля далёких и героических событий конца 1930 – начала 1940-х гг.

1 сентября 1939 г. в большой, как амбарная книга, тетради в линейку старательной детской рукой было выведено: «Сегодня первый раз я была в школе. Учиться мне очень понравилось... Хочу учиться только на хорошо и отлично.

Вечером папа купил мне подарок – коробку конфет "Сказки Пушкина". Так началась моя школьная учёба».

Этими словами начинается дневник 8-летней Ларисы Ивановой, которая была современницей как предвоенных, так и военных событий, связанных с блокадой Ленинграда 1941–1942 гг. и эвакуацией, из которой семья вернулась в родной город поздней осенью 1945 г. Своему дневнику девочка доверяла детские радости и впечатления от происходящих вокруг событий. В дневнике описаны начало и окончание учебного года, итоги школьных четвертей и учебные успехи. Ленинградская школьница сдержала слово и училась только на «отлично», не считая редких четвёрок. Здесь первые зимние и летние каникулы, праздники 7 ноября и 1 мая, Новый год, дни рождения и война. Всего 61 запись, из них 25 сделаны в Ленинграде с июня 1941 по март 1942 г.

Записи в дневнике делались с разной периодичностью и за небольшим исключением были весьма краткими, особенно в довоенный период. Ребёнок писал о том, что было для него главным и особенным, что приносило ему радость и счастье. К одному из таких событий относится окончание советско-финляндской войны. Запись от 13 марта 1939 г.: «Сегодня счастливый день! Радио сообщило о том, что с Финляндией заключили мир. Вечером в городе зажглись огни. Сняли светомаскировку. После четырёх месяцев сиденья в потьмах радостно видеть, как город вновь засиял тысячами огней. Кончилось тревожное время. Весна. За окном сияет яркое солнце. Пусть вместе с солнцем придёт к нам мирная, счастливая жизнь!».

Через 10 дней в дневнике появляется новая запись об окончании третьей четверти и отличном её завершении. И как-то по-взрослому и с пониманием сказанного девочка приводит слова К. Маркса о том, что «в науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть её сияющих вершин, кто не страшась усталости карабкается по её каменистым тропам». В этот день, 23 марта 1939 г., ребёнок с особым чувством пишет о Марксе, Энгельсе, Ленине и Сталине: «Их великие дела ярким факелом освещают наш путь. Учиться, учиться и ещё раз учиться! Вот завет, который оставил нам – детям – Ленин. Буду учиться так, чтобы хоть маленько быть похожей на Ленина».

Выраженное ребёнком счастье сопровождается удивительными детскими рисунками. На одном из них коза на цветочном лугу, на другом на всю страницу красуется русская берёзка, листочки которой тщательно вырисованы. У берёзки грибы, ромашки, клевер и другие цветы, корова с телёнком, вдалеке лошадь и стадо овец. Красивый рисунок, добрый. Его нарисовал счастливый человек.

Особое значение в биографии девочки занимает сентябрь 1940 г., когда вместе с мамой, Людвигой Капшевич, они поехали в Западную Белоруссию, недавно возвращённую в состав СССР. Это родина матери. Девочка передаёт свои впечатления об увиденном: «... мы приехали в другой мир» (14 сентября)... «Навстречу и, обгоняя нас, то и

дело пробегают машины. Их много. Все военные. Ведь всего несколько десятков километров и... граница. Там иной мир. Германия. Близость этого мира чувствуется здесь особенно. Да и земля, по которой мы едем, ещё год назад была тоже за границей» (17 сентября). Удивление у девочки вызвал вопрос возницы, который вёз их к бабушке: «... у вас там говорят все голые?» (имея в виду Ленинград – Л. С.), «а в колхозах работают, а хлеба не дают?». Впоследствии, как отмечала в своём дневнике Лариса, вопросов на эту тему было очень много. «Задавали их буквально все, и стар, и мал. Причём, каждому хотелось услышать ответ, если и не опорочивающий советского строя, то хотя бы умаляющий достижения, которых добился наш народ за годы после революции». Встреча с родными растопила детскую душу: «Так просто. А я-то думала..! Ведь двадцать пять лет они не видели друг друга!».

31 декабря 1940 г. девочка делает следующую запись: «Последний день счастливого года. Завтра наступит новый 1941^й. Какое-то он принесёт нам счастье?.. Здравствуй, здравствуй, новый 1941 год!». Последняя запись в дневнике мирного времени от 3 июня. Ребёнок переживает о том, что отец уезжает в Крым на два месяца в санаторий, а мама собирается ехать в деревню, а сама и не хочет ехать. «Вот какое скучное лето...».

Первая запись военного времени была сделана в дневнике 21 июня 1941 г. и понятно, что ошибочно, в силу того потрясения, которое пришлось пережить ребёнку, его семье и ленинградцам в связи с началом войны. Запись датирована одним днём, но она содержит в себе информацию не только о нём: «Какой несчастливый день! С утра пошли с мамой к фотографу. Не успели сняться, как радио передало, что фашисты напали на нашу страну...бомбили наши города.., в том числе Севастополь – там, где мой папа! Я очень плакала, боялась, что его убили...

Грустно идут дни за днями, часто воют сирены, оповещая о воздушном налёте врага. Спускаемся в газоубежище. Лето. Жара. Хочется на воздух, а тут приходится сидеть в подвале, как коту! Часто слышно как бьют зенитные орудия. Говорят о бомбах. Страшно. Где-то мой папочка! Вот так лето!».

После 7 июля нервное напряжение в записях дневника усиливается. Своим зорким взглядом ребёнок выхватывает самое основное и, в первую очередь, как меняется повседневная жизнь ленинградцев, их настроения и поведение. Вчитаемся в дневник.

«Идут дни за днями... Тревоги, тревоги без конца. Бывали дни, что по 13 раз в день объявляли: "Воздушная тревога!". "Отбой" стал любимой музыкой Ленинградцев (стилистика авт. – Л. С.). Бывает, сядешь обедать и ... в-у-у-у... Спускаемся с папой в газоубежище. Люди стали нервные. Мальчишки во дворе и на лестнице играют в

воздушную тревогу. И как они завоюют, люди, проходящие мимо, чертыхаются. Вот так денёчки!».

1^е сентября 1941 года

«Наступил третий учебный год. Мою школу, в которой я училась, заняли под госпиталь. Меня папа записал во 2^ю школу, но и здесь стоят военные. Где-то я буду учиться? Папа помог мне составить план домашних занятий. Только не до учёбы. Завывают сирены, и сердце сжимается в комок.

Опять в подвал!».

8 сентября

«Сегодня Ленинград принял боевое крещение. Немецкие самолёты сбросили первые бомбы. Как это страшно! А говорят, что будет ещё хуже».

12^е сентября

«Четыре ночи подряд продолжаются бомбардировки города. Сколько разрушено домов!? Все улицы засыпаны битыми стёклами. И ко всему этому начался артиллерийский обстрел по городу из дальнотбойных орудий. Немцы верно где-то близко? Говорят, "день-два и будут в Ленинграде". Папа меня утешает, что их не пустят в Ленинград. Сколько горя!!!».

Запись без даты:

«В таком кошмаре прожили ещё несколько дней. За это время побывали в подвале на ул. Некрасова. Везде одинаково страшно и нет спасения! За что же это?!».

Семья Ларисы попыталась избежать этого ада и в начале октября 1941 г. переехала в Парголово, где их также встретили тяготы военного времени: искали жилище, собирали жёлуди и картофель. Но война по-прежнему была рядом: «Сказать по правде, что гул орудий и вой пролетающих снарядов стал обычным явлением в жизни Ленинградцев. А сколько разрушенных домов? Сколько убито людей? Об этом только и разговоры».

В Парголово семья Ларисы встречала 7 ноября. В этот день девочка написала: «Ещё часов с 6 вечера небо наполнилось звуками немецких самолётов. Их было много. С окна нам было хорошо видно, как в сторону Ленинграда всё небо было уставлено, как частоколом, лучами прожекторов. Разрывы снарядов в небе отмечались вспышками частых огоньков. Вот один самолёт попал в перекрёстные лучи прожекторов и в небе отчётливо обозначился небольшой серебряный крестик. Это немецкий бомбовоз. Огоньки разрывов замелькали всё ближе и ближе. И вот серебряный крестик вспыхнул и пошёл вниз. Страшный грохот потряс землю. Это бомбы. Так было в ту ночь. Так Ленинград встретил 24^ю годовщину Октября».

В своём дневнике девочка указывает и день снижения нормы хлеба (13 ноября 1941 г.), и рассказывает о том, как ходили с отцом от из-

бы к избе, чтобы выменять что-нибудь на продукты, и о первом проданном мамой платье за 8 кг картошки, а потом и зимнем пальто за 50 кг картошки. И даже тогда, когда семья, как казалось девочке, наелась досыта, всё равно очень хотелось есть.

Ребёнок ничего не пишет о силе духа ленинградцев, но при этом проявлением этого духа пронизана каждая страница её дневника. Примером этого служила её семья, которая держалась вместе, что и позволило им выжить. И, если 9 октября семья Ивановых отправилась в Парголово на трамвае №21, не доехав до конечной остановки, то 27 декабря они, с трудом передвигая ноги, шли в Ленинград пешком: «Идём из Парголово к себе домой. Дорога дальняя. Не знать бы такой дороги никогда! Меня везут на саночках. Мама и папа очень устали. Особенно папа, он и так больной, а тут ещё такой дальний путь. Надо идти голодному человеку. Он часто садится... Верно, хочет отстать от нас. Но мама ему не разрешает. Он очень ругает её за это, но она всё равно не хочет оставить его одного. А он, верно, не хочет, чтобы я замёрзла. И идёт за меня. Не может, а идёт...».

К концу года ситуация в городе стала особенно тяжёлой, и на страницах дневника Лариса делает следующие записи: «вой снарядов ... треплет нервы», «гул орудий вообще не прекращается», «не знаешь, где тебя поджидает смерть: может от шального снаряда или фугаса, но не менее страшно умереть от голода». И особенно от голода. «Мама целыми днями выстаивает в магазине в очереди, в ожидании чего-нибудь, чтобы дали по карточкам. Но вот уже более двух недель ходит и каждый раз возвращается пустая. Даже из того скудного пайка, кроме хлеба 125 грамм, ничего не приносит. А что это за хлеб? Какая-то древесная масса с дурандой. Если и во рту запах кошки. Спасает картофель, что мама выменяла на своё пальто. И то дают не более 2–3 шт. в день на человека...» (29^е декабря).

Любимый всеми детьми Новый год семья юной Ларисы отметила с праздничным настроением, несмотря на гром орудий и вой снарядов. На столе было и праздничное меню: «1) Суп, в котором воды % 95; две картошины и три кусочка мяса грамм по 5 весу; 2) жареный картофель в таком количестве, что съешь и облизнёшься. Есть и 3^е блюдо – компот. Вернее, что-то похожее на компот и чуть-чуть сладкое. Кусочек хлеба грамм 50–60». Отцу и матери выдали по пол литра сладкого вина, а Аделя (вероятно домработница) принесла из госпиталя банку сгущённого молока. Отец подарил Ларисе плитку шоколада весом 50 граммов. «Да это же целое богатство в условиях осаждённого города!» – восклицает Лариса. И далее: «Какое счастье, мы ещё живы!» (31 декабря 1941 года).

Но первого января семья узнала, что одна из их знакомых умерла, умерла от голода. И здесь девочка, как будто впервые, увидела себя в зеркале: «Одни большие глаза и смотрят с тоской умирающего человека. А человеку-то всего десять лет с небольшим. На папу и маму больно смотреть. Костлявая рука голода крепко схватила нас всех за

горло. Пока что мы отделались сравнительно легко. "Съели" мамину юбку, да "доедаем" пальто. Если бы на этом и остановиться, то было бы очень хорошо. Но чувствуется, что что-то приближается страшное. Только очень хочется чего-нибудь поесть!».

Январь 1942 года. Щемящие душу детские записи: «Мама всё время приходит из магазина и ничего не приносит. За две декады декабря и вот уже половина января прошло, а положение становится всё хуже и хуже... Разговоры только об одном и том же, о покойниках и о трупах, валяющихся в куче снега... Весь снег залит помоями и загажен кровавым поносом. Да изредка пройдёт какая-либо еле живая фигура. И так, говорят, во всём городе» (15 января).

Всё новые и новые трудности обрушивались на ленинградцев. Не стала исключением и семья Ивановых. Даже дневник Лариса ведёт нерегулярно из-за воя пролетающих снарядов. В конце января, несмотря на прибавку хлеба, жить по-прежнему было невыносимо. Появилась проблема с питьевой водой. В дневнике за 1 февраля Лариса писала: «Вечный голод! Если бы сейчас дали чего-нибудь поесть без нормы, то, наверное, ели бы до тех пор, пока не лопнули животы. К разговорам о смерти и голоде прибавилась новая тема: стали поговаривать об эвакуации».

Это ласковое и обещающее жизнь слово «эвакуация» подогревало желание людей выбраться из обессиленного, но не сдающегося города. Зима 1942 г. выдалась суровой. На дрова шло всё, что ещё можно было найти и сломать. Отец Ларисы попытался сломать свой сарай, но крыша упала и придавила его, хорошо, что тяжесть была небольшая, и он отделался только ушибами. Через три дня к сараю потянулись люди. При его разборе обвалилась крыша и придавила сначала девочку лет девяти, а потом и мужчину. «Люди относятся безразлично. Ходят кругом. Стучат топорами и ломками... И там, где был двухэтажный сарай, осталась лишь куча мусора. К вечеру пошёл снег и покрыл белой "скатертью" то место, где ещё недавно разыгрались две человеческие трагедии. Какой страшный стал город! Как изменились люди. Смерть шагает здесь по своим жертвам» (18^е февраля).

Семья Ивановых не сразу смогла эвакуироваться. Ожидание растянулось на целый месяц. Случились непредвиденные обстоятельства, в том числе заболела Лариса, и мать отказалась ехать с больным ребёнком. Только в ночь с 9 на 10 марта под грохот артиллерийских разрывов семья выбралась из Ленинграда. На Ладожском озере машину обстрелял немецкий самолёт, но всё обошлось, как пишет Лариса «он выбрал себе новую жертву». Дорога пролегла через Новую Ладугу и Тихвин. О прибытии в Тихвин в своём дневнике Лариса напишет: «Здесь совсем недавно шли бои. Там где раньше были цветущие деревеньки – сейчас пустынные снежные равнины. На пути всё чаще и чаще попадаются разбитые и обгоревшие остовы машин и танков. Вот и Тихвин. Следы пожара и разрушений видны и здесь. Почти нет ни одного целого дома. Вот она знакомая картина войны и

боя». Это был второй день пути в эвакуацию. Только 12 марта чуть живая семья Ивановых из трёх человек остановилась в деревне Анишиново Чагодощенского района Вологодской области.

Прожив непродолжительное время на новом месте и испытав трудности в обретении жилья и добывании продовольствия, в начале апреля семья вновь поднимается с места и отправляется сначала в деревню Морозово, затем в Анишино, а с 1943 г. и до конца эвакуации в деревню Григорьево. Интервалы между записями в дневнике увеличиваются, растёт и объём их содержания. Единственное, что оставалось неизменным в ощущении жизни у девочки, это чувство постоянного голода и желания поесть, «есть и есть без конца».

Для ребёнка, которому не было ещё и 11 лет, спасение принесло огромное счастье. Детские рисунки, сделанные чёрной ручкой в декабре 1941 – феврале 1942 г., вновь стали цветными. На них прекрасные цветы с зелёной листвой. Лариса, которая начала свой дневник в сентябре 1939 г., повзрослела быстро и стремительно. Пытливый ум и наблюдательность позволили ей уловить основные черты военного времени, описать детали повседневной жизни ленинградцев в самый тяжёлый для города период с осени 1941 по март 1942 г. Поражает сила характера этой девочки, её вера в безусловную победу советского народа и любовь к родному городу Ленинграду. 31 декабря 1942 г. в своём дневнике Лариса Иванова напишет пророческие слова: «Ленинград в огне стал символом борьбы и стойкости. О героях-ленинградцах будут написаны целые тома, сложены поэмы и их имена будут жить в веках».

Из эвакуации Лариса Иванова вернётся на родную землю в возрасте 14 лет.

В новогоднюю ночь 1944–1945 гг. в своём дневнике она напишет: «Закрываю глаза. В сознании – прошлое. Большой город. Зал во дворце пионеров. Стены разукрашены картинами на сюжет из сказок Пушкина. Нарядная ёлка и счастливая детвора. Так было до войны. Так будет и после войны. Не будет лишь одного – моего счастливого детства, которое прошло в этой суровой, кровавой войне. Четвёртый раз я встречаю новый год в условиях войны! От моего счастливого детства осталось только одно воспоминание, которое помогает мне бороться с тяжестью войны...».

Литература

1. Иванова Лариса. Дневник // Рукописный отдел библиотеки МБОУ «Гатчинская СОШ №8 «Центр образования».

References

1. Ivanova Larisa. Dnevnik [Diary] // Rukopisnyj otdel biblioteki MBOU «Gatchinskaya SOSH №8 «Centr obrazovaniya» [The Department of manuscripts of the library of MBOU "the Gatchina secondary school №8 "education Center"].

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 94(47)"18/19":930.2
ГРНТИ 03.23. История России

**«...Я вышла замуж за любимого...»
Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967)**

Публикация,
комментарии и вступительная статья
В.В. Каминский, В.А. Веремenco

Мемуары О.М. Меницкой (Зоммар), жены выпускника Академии Генерального штаба (АГШ) и военспеца РККА И.И. Меницкого, рисуют нам широкое полотно повседневной жизни русского офицерства периода последней трети XIX – начала XX в. вообще и офицеров Генштаба в частности. Из мемуаров можно узнать, как росли и воспитывались будущие офицерские жены, каковы были нелегкие условия материальной жизни офицерских семей с их постоянными перемещениями с места на место по долгу службы и высокой смертностью детей, равно как и некоторые аспекты обучения офицеров Русской императорской армии (РИА) в АГШ, трудности воспитания офицерских детей и т. д.

Ключевые слова: девушка, жена, муж, офицер, ребенок, поместье, воспитание.

**“... I was married to a loved one ...”
Memoirs of O.M. Menitskaya-Zommar (01.03.1874–31.01.1967)**

Publishing, comments and introductory article
V.V. Kaminsky, V.A. Veremenko

Memoirs of O. M. Menitsky (Zommar), wife of graduating student of Academy General Staff (AGsH) and military specialist of Red Army I. I. Menitsky draw wide line of everyday life of the Russian officer of period of last one third of XIX of century to us – XX of century began in general and officers of general Staff, in particular. It is possible to know from memoirs, as future officer wives grew and brought up, which heavy terms of material life of officer families were with their permanent moving about duty-bound and by the high death rate of children, equal as and some aspects and details of educating of officers of Russian Imperial Army (RIA) in AGsH, difficulty of education of officer`s children etc...

Key words: child, education, girl, husband, manor, officer, wife.

Более года назад на сотовый телефон одного из составителей настоящей публикации В. В. Каминского раздался звонок, и мелодичный женский голос сообщил следующее: «Здравствуйте, я – правнучка Иосифа Меницкого, который упоминается в Вашей книге. Я сейчас нахожусь в книжном магазине и держу ее в руках...» Так В. Каминский познакомился с Алисой Меницкой, проживающей в г. Хайфа (Израиль) – праправнучкой генерал-майора Иосифа Ивановича Меницкого, служебная занятость которого в Рабоче-крестьянской Красной армии и частично в Русской Императорской армии действительно была упомянута в монографии автора этих строк [1, с. 570].

Алиса Меницкая предоставила в полное распоряжение В. Каминского, с правом публикации (а это весьма ценно для всякого исследователя) воспоминания своей прабабушки Ольги Михайловны Меницкой (Зоммар) – супруги Иосифа Меницкого. В то же время двоюродная сестра Алисы, Наталья Меницкая, проделала весьма непростую работу, переписав мемуары О.М. Меницкой в удобочитаемой современной форме – в компьютерной печатной программе word. Обеим сестрам Меницким авторы настоящей публикации выражают свою благодарность.

Ольга Меницкая, как можно заключить из рукописи ее мемуаров, родилась 1 марта 1874 г. (1)

Предлагаемая вниманию читателей рукопись мемуаров О.М. Меницкой-Зоммар отражает широкий спектр повседневной жизни сразу двух поколений русского офицерства: Ольга Меницкая (Зоммар) была дочерью русского генерала, а потом и сама вышла замуж за русского офицера.

Ольга Михайловна в своих мемуарах рассказывает практически обо всем, что касалось будней повседневной жизни офицерской семьи конца XIX – первой трети XX в. О социальном статусе русского офицерства – выходцев из дворян, которые к исходу XIX столетия если и владели помещичьими усадьбами, то это была уже только дань прошлому, но никак не источник дохода: «Решили продать его, т. к. там была одна земля, в аренде у крестьян» (имение, данное ее матери в приданое), «имение было благоприобретенное, не наследственное» (про купленные отцом Стрелицы). И далее: «родители мои были культурные, гуманные люди, никогда не знавшие крепостного права и не имели в прошлом "рабов". К окружающему крестьянству относились с добротой, помогали и выручали без процентов, а как добрые соседи». О мытарствах офицерских жен, которые мотались вместе со своими мужьями по гарнизонам («...и вот поехали родители в далекую Сибирь...»). И самой Ольге Михайловне где только не приходилось жить, следуя за своим мужем, который был военным: Двинск, Петербург, Бобруйск, Вильно, Витебск, опять Вильно. Далекое не сладкой была жизнь и у семейных обер-офицеров, поступивших на учебу в Никола-

евскую академию Генерального штаба (далее – АГШ). О.М. Меницкая пишет: «Зажили мы в Петербурге (после поступления ее супруга Иосифа Меницкого в АГШ в 1895 г. – В.К., В.В.) на плохой квартире – сырой, холодной с большой бочкой воды (без водопровода), со скудной, казенной охапкой дров. Дворник грубый скидывал их с грохотом в кухню и приносил 2 ведра воды». О. Меницкая рассказывает и о продвижении офицеров по службе и связанных с этим изменениях жизненных условий их семей («...в 1876 г. отец получил повышение и назначение в г. Варшаву и квартиру при генеральном штабе... В Варшаве у нас была большая казенная квартира из 5 комнат, кухни с антресолями, коридором и передней»), о рождении, жизни и нередко, увы, ранней смерти детей русских офицеров, и как этот факт влиял на жизненный уклад («Потеряв двух детей, отец решил купить небольшое имение, чтобы сохранить двух оставшихся – меня и Соню..., думая, что деревенский воздух укрепит нас»). У самой мемуаристки за годы брака с И.И. Меницким (1892–1927) родилось, по крайней мере семеро детей, но троих она потеряла (плюс один аборт). Складывается стойкое впечатление, что ни муж, будущий brave генерал-майор И.И. Меницкий, ни сама Ольга Михайловна отнюдь не заботились о ее женском здоровье: «третий ребенок, а мне всего 21 год, и я истощенная». Она пишет и про денщика своего отца, «солдата Алексея», который нес ее на руках домой, когда она потерялась, и про пьяницу-повара, и про «няню Каролину, которая скоро уехала обратно в Варшаву, где ждал ее жених – писарь папиного штаба», и про свою нелегкую учебу в гимназии, равно как и про досуг офицерских семей, например, в Вильно в конце XIX столетия [2, с. 2, 4, 6, 8–10, 13, 18, 25–30, 51–52, 73, 79–80, 82, 84, 89–93].

Вырастая в семье военного, молодая девушка, похоже, и не мыслила для себя в качестве спутника жизни иной пары, кроме молодого статного русского офицера. Неслучайно она с таким восторгом пишет о своем будущем муже: «Иосиф Иванович Меницкий был красивый, высокий, цветущий человек 28 лет, любящий книгу и собиравшийся идти в Академию Генерального Штаба... Был жизнерадостный любимец товарищей, девушек и дам. Высокий, сильный, веселый, добродушный, опрятный. Одним словом приятный, не такой как другие, неуклюжие, маленькие, в танцах такие потные, некоторые пожилые. Я чувствовала к пожилым отвращение и боялась таких ухаживателей...». И тут же звучит подлинное откровение верной офицерской жены: «*Я вышла замуж за любимого ...глубоко любила всю жизнь своего бедного, но умного и бережливого мужа, разделяя бедность, радости и горе*» (курсив наш – В.В., В.К.) [2, с. 58–59, 61, 68, 74]; равно как и гордость за любимого мужчину, который доказал своей жене, что он не ниже ее обожаемого отца!: «В 1895 году осенью Иосиф уехал в Петербург держать экзамены в Академию Генерального Штаба. Выдержал

их с честью, чем доказал моему отцу и сослуживцам свою силу и способности. Главное конечно настойчивость и прилежание...». И далее, на ту же тему: «Дела у мужа в академии шли отлично – зимой в Петербурге летом в окрестностях на съемках, с массой карт, в которых и я помогала. Они были такие огромные, что мы чертили и раскрашивали их лежа на полу. При моей помощи он овладевал постепенно обоими иностранными языками – французским и немецким. ... Мой отец радовался, что пошли по его стопам в ген[еральный] штаб. Про меня говорил: "генеральшей будет"» [2, с. 80–81, 86].

И наконец, признание, как бы подытоживающее всю жизнь жены русского офицера, ставшего при советском режиме «специалистом красного Генштаба»: «Все хорошо шло и удачно в нашей жизни до революции. Чины, ордена, успехи на японской, на первой отечественной войне и даже на гражданской (3 года), затем демобилизация по возрасту, почет и уважение, служба преподавателя в высших гражданских учреждениях пока, после 35 лет сожителства в любви и дружбе, он живя в Пскове (я с семейством в Стрелицах), не желая признать себя стариком, и живя в Пскове одиноко не захотел испытать вторую молодость, не влюбился в молодую женщину тунеядку» [2, с. 86–87].

В этом признании, кроме прочего, видны не только итоги нелегкой жизни с военным, но и естественная обида отвергнутой женщины, а главное – трагедия всей семьи: ведь явно не от хорошей жизни, но по крайней материальной необходимости и нужде бывший царский генерал Иосиф Иванович Меницкий, видимо, после «демобилизации по возрасту» из Красной армии должен был оставить семью в Стрелицах и жить в Пскове отдельно, ибо в этом городе имелась для него работа.

Рукопись мемуаров О.М. Меницкой-Зоммар насчитывает 96 страниц текста, написанного синими чернилами на листах в клеточку, видимо, вырванных из простой ученической тетради. Однако в правом или левом верхнем углу листы пронумерованы.

Дата написания мемуаров требует отдельных пояснений. Хотя на заглавной странице мемуаров проставлен «1936 год», историческая достоверность этой даты, как срока написания публикуемого документа вызывает сомнения, прежде всего потому, что в самом тексте мемуаров имеются вкрапления более поздних дат и событий (2). Этот последний факт, равно как и наличие фрагментов текста, написанных (порой даже на одной и той же странице) разными оттенками чернил (один более блеклый, другой – поярче), либо текст, написанный несколько другим почерком. Все это доказывает, что Ольга Михайловна писала свои воспоминания не в одночасье, но в несколько приемов и порой со значительными временными перерывами (3). По всей вероятности, О.М. Меницкая (Зоммар) начала писать свои мемуары не ранее 1958 г., но и не позднее 9 февраля 1959 г. Этот вывод можно сделать на основе следующих фактов. Ольга Михайловна родилась в

1874 г. Касаясь времени своей учебы в гимназии (1883–1884 гг.), она пишет о смерти своей сестры и заключает: «теперь, когда прошло 75 лет с того времени я плачу, записывая это событие». В другом месте следует уже прямое указание не только на конкретную дату, но и на незаконченность процесса писания мемуаров: «(9-го февраля 1959 года мне исполнится 85 лет). Успею ли я написать и возможно рельефнее обрисовать эпоху, которую мы переживаем и пережили...[?]» [2, с. 46–48].

Из вышесказанного напрашивается простой вывод: *основная часть мемуаров О.М. Меницкой (Зоммар) была написана не в 1936 г. (как указано на титульной странице ее мемуаров), а в 1963 г. с позднейшими добавлениями за 1964 г., но не позднее 20 июля 1964 года.*

Главное значение публикуемых материалов заключается в том, что они позволяют нам окунуться в мир повседневной жизни отдельной офицерской семьи периода исхода XIX – начала XX столетий, и этот факт, сам по себе, тем более в условиях острого кризиса макроистории [3, с. 151–184], приобретает для современных исследователей весьма существенное значение.

Оригинал рукописи хранится в личном семейном архиве А. Меницкой. Настоящая публикация осуществлена в соответствии с правилами издания исторических документов. В случае явных ошибок / опечаток в тексте мемуаров в скобках даются примечания публикатора. Стилль и грамматика рукописи в основном сохранены (хотя пунктуация по возможности исправлена) за исключением грубых грамматических ошибок, которые авторами публикации исправлены по умолчанию.

**Тетрадь воспоминаний
Ольги Михайловны Меницкой (Зоммар)
1936 г. (4)**

- Внукам и правнукам-

Род наш, со стороны моего отца, идет от шведов по фамилии Соммар (по-русски переделана на Зоммер), значение одинаковое т. е. «лето». Род дворянский, из Ritter Hous. Потомок рыцарей.

По матери – тоже древнедворянский – Стремоуховых (5) и по дедушке Бизюкиных (6) (ее отец), напоминающих о татарской примеси от выходца Баши-бузука, еще при Иоанне Грозном.

Дед Соммар Карл Карлович, участник русско-турецкой войны и покорения Кавказа, жизнь провел на этой длительной войне, в походах. Женат был на девице Марии Антоновне Богдановой, проведенной, тоже с ним жизнь в походах, в кибитке, где и родила ему 4-х сыновей – Михаила, Виктора, Вениамина и Александра. В походах, трудах и лишениях, среди мужчин она стала мужественной, загорелой, выносливой и отрицательно относилась к прекрасному полу. Карл Карлович в от-

ставку вышел в чине полковника, купил домик в Выборге, а сыновей отдал в Петербурге в кадетские корпуса. Старших в первый кадетский корпус, а младшего-Александра в морской. Два старших Михаил и Виктор вышли в офицеры и Михаил (мой отец) потом окончил Академию Генерального Штаба (7). Виктор женился, получил назначение в Самарканд, где купил домик, имел много детей, но они мало жили, умирали в детстве. В живых остался лишь один Николай. Связь с ними была потеряна. Вениамин, третий брат отца, был почтовым чиновником, женился на неграмотной казачке, умер бездетным. Александр 2 раза бегал из Морского Корпуса и сделался бродягой из любви к похождениям, несмотря на большие способности и отличные успехи.

После смерти деда, Карла Карловича, бабушка продала домик в Выборге, и на долю моего отца приходилось 40 р. Он от них, конечно, отказался в пользу матери. Женился (28-ми лет), по окончании Академии, на моей матери, Софии Николаевне Бизюкиной, окончившей гимназию с золотой медалью. Была на Бестужевских курсах 2 года (8). Ее мать, Анна Дмитриевна Бизюкина, урожденная Стремоухова, была умная передовая женщина, окончившая Смольный институт, отлично знавшая немецкий и французский языки, много читавшая, культурная женщина. Ее рано выдала замуж ее мать, которая тотчас же вышла замуж второй раз. Она тоже была очень умна и красива. Ее звали Мария Николаевна, урожденная графиня Румянцева. ...[у] её дочери Анны Дмитриевны был бархатный контраalto. Она восхищала своими песнями и пела гостям и в гостях, где ее всегда ждали с нетерпением. 15 лет ее выдали замуж за 35-летнего Николая Дмитриевича Бизюкина (9). О нем я знаю мало. Есть его фотография во весь рост в ополченческой форме. Не знаю, для какой войны он формировал ополченцев. Вероятно для первой Турецкой. Он был большой женолюб, и у него было несколько детей на деревне. Это были дети крепостных и кормилиц его детей. Их было двое от жены Анны Дм[итриевны] – сын Дмитрий и дочь София (моя мать) об ней я уже писала выше.

Итак, София вышла за Михаила Карловича Зоммер, получившего назначение после окончания Академии в город Иркутск. Мать моя рада была дальнему назначению, т. к. мать ее Анна Дмитриевна любила красавца сына Митю, больше некрасивой дочери. И вот поехали мои родители в далекую Сибирь. Дороги тогда туда были плохие, передвижение утомительное, ехали на перекладных 6 недель. Мать страшно измучилась, т. к. переезды были без остановок верст по 40–50. В глубине Сибири лошадей брали прямо из степи, не объезженных и они сразу с места рвали и мчались весь отрезок 50 верст, что есть духа. Было страшно от такой бешеной скачки. Срок пребывания в Иркутске был дан на 3 года. Но наши так истомились и истосковались, что решили уехать хотя бы на свой счет оттуда. У них уже был сынок Всеволод. И вот прожив в Иркутске полтора года, они двинулись в Россию.

Сначала заехали к бабушке Анне Дм[итриевне], в Петербург. Прожив у бабушки, некоторое время в Петербурге, отец получил место капитана штаб-офицера по поручениям (10) в городе Гельсингфорс. Но лето мать с Всеволодом прожила у брата, в его имении Олисове (11). Там похоронила сына, умершего от дизентерии. Нянька-бурятка, вывезенная из Сибири, не верившая в докторов и диету, обкормила его красной смородиной (12).

Из Олисова (родовое поместье дяди Д.Н.) мама двинулась в Гельсингфорс, там вскоре родился у нее сын Петр, через полтора года я – Ольга, а через год и 2 месяца – сестра Соня. Я родилась раньше времени. Мать кормила меня только 3 месяца. Была я худа, бледна, малокровна, кудрявая, живая шалунья. В Гельсингфорсе у родителей жила мать отца Мария Антоновна и когда в 1876 году отец получил повышение и назначение в г. Варшаву и квартиру при генеральном штабе, мать его уехала к сыну Виктору в Самарканд. Там ей очень понравилось, и она там осталась жить. В Варшаве у нас была большая казенная квартира из 5 комнат, кухни с антресолями, коридором и передней. Мне было 5 лет, когда мы уехали из Варшавы, но я до сих пор помню план квартиры и саксонский сад, в который выходили наши окна. Каждый день мы ходили туда гулять. По воскресеньям там играла музыка, и мы смотрели, из венецианского окна нашей залы, на толпы гуляющей, нарядной публики. Помню как я в одно из воскресений, когда мы с сестрой Соней (еще на руках) были на музыке с нашей кухаркой (няня была выходная) (13). Я увидела в толпе подругу и кинулась к ней. Вернувшись, я не нашла своих и начала метаться в страхе, что я потерялась. Стало смеркаться, публика расходилась, зажгли фонари, я плача, кидалась из стороны в сторону. Наконец, какая-то женщина подошла ко мне и спросила почему я плачу. Рыдая, я сказала, что потеряла своих. Она взяла меня за руку и повела к выходу. У ворот в будке стоял городской. Он строго спросил, как меня зовут, и где я живу. Хорошо, что я знала, кто я и назвала свой адрес. Женщина проводила меня до главного штаба. На крыльце сидел наш денщик, солдат Алексей, и он на руках нес меня домой. За столом в столовой сидели папа и мама. Увидав своих, я еще больше разрыдалась, насилу меня успокоили и дали ложку клубничного варенья в утешенье. С трех лет я сама одевалась и вообще стала самостоятельной. Не любила чужих услуг и всегда кричала «сама; сама!». Брат Петя заболел и живого я его не помню. Он долго болел воспалением мозга и к весне умер. Помню его в гробу перед выносом из квартиры. Все прощались с ним, и нянька поднесла меня его поцеловать, я закричала в ужасе и ни за что не могла это сделать. Отец и мать уехали с гробом на вокзал, чтобы похоронить Петю в Олисове рядом с Всеволодом.

Потеряв двух детей, отец решил купить небольшое имение, чтобы сохранить двух оставшихся – меня и Соню..., думая, что деревенский воздух укрепит нас. Искать подходящее имение он поехал в Псковскую губернию, чтобы найти что-либо подходящее по своим средствам. На руках было только собственных 3 тысячи. Мама получила от бабушки маленькое сельцо в Порховском уезде в приданое (14). Решили продать его, т. к. там была одна земля, в аренде у крестьян, за гроши, без построек. Продав землю, отец получил за нее 15 тысяч. Со своими это составило 18 тыс. Решили искать имение недалеко от Олисова и могил детей. Отец нашел два продающихся – «Стрелицы и Желабово». Выбор пал на Стрелицы (15), расположенные на берегу красавицы реки «Великой». Отец любил текучую воду и считал, что ландшафт без воды лишен души и жизни. Дело было только за деньгами, и отец решил купить Стрелицы с переводом долга. Оно было заложено за 7 тыс., а продавалось за 25 тыс. Пришлось пойти на кабальные условия и принять на себя долг в 7 тысяч. Итак, имение было благоприобретенное, не наследственное (16). Родители мои были культурные, гуманные люди, никогда не знавшие крепостного права и не имели в прошлом «рабов». К окружающему крестьянству относились с добротой, помогали и выручали без процентов, как добрые соседи. Из Варшавы собрались в 1878 году сначала в Стрелицы только на лето. В поезде брала тоска и желание скорее доехать. В Острове (17) нас встретила крестьянская телега, запряженная разношерстными лошадьми, лохматыми одрами. 60 верст ехали целый день с остановкой и кормежкой на половине дороги. Наконец доехали до деревни Тиханово (18), расположенной визави Стрелиц через реку. На другой берег переезжали в долбленной лодке, обшитой по краям досками и просмоленной. Все-таки вода просачивалась в дно, в котором лежала решетка, чтобы не промочить ноги. Было жутко, и я цеплялась руками за няню. Няня у нас была еще из Гельсингфорса, финка Каролина. Она плохо говорила по-русски, так искажала слова, что трудно иногда было иногда уловить смысл. Но помнится, что она была добрая, работающая девушка и знала много сказок.

Первые впечатления от водворения в Стрелицах стерлись из памяти. Мы никогда раньше не были на даче и все радовало нас: простор, река, трава, деревья и общая радость свободы. Постройки были различной давности: жилой дом, длинный как сарай, каждая комната состояла из отдельной крестьянской избы, приставленной одна к другой, с наружной обшивкой досками. Затем флигель на берегу реки из 2-х комнат, посредине сени. Окна из обоих домиков выходили в сад, с листвой и ореховой аллеей. Над флигелем стояли огромные толстые старые ели, на одной было гнездо аиста, каждый год прилетавшего на него. Во флигеле остались на лето бывшие владельцы и их семья в числе 5 человек. Наша семья поселилась в первом доме из 6 комнат,

кухни, сеней и верандой с кладовушками и т. д. Дом был настолько ветхий, холодный, продувной, что родители не решились зимовать в деревне и уехали обратно в Варшаву. Взяли с собой повара, бродяжку, пьяницу, пришедшего в Стрелицы, ища места. Повар он был прекрасный и чудесный, преданный, аккуратный бережливый, честный, но запойный пьяница. Запой редко приходил к нему, но зато уж на недели 2–3. Трезвый это был золотой, незаменимый человек, на которого можно оставить и доверить всю семью. За доверие он платил не щадя сил. Запивал, или обидясь на что либо, или местные крестьяне соблазняли его, принося водку из под полы, т. к. зная его влияние на господ и желая выпросить что-либо, подкупали. А он по слабости своей не мог устоять перед соблазном. В жизни повседневной это очень серьезный человек, любящий почитать. Зимой он плёл сети, т. к. любил и очень удачно ловил рыбу. В «Великой» её было много. Особенно щук, мерён, налимов и масса раков. Ребятишки целый день плескались в реке и из-под каждого камня таскали их за спинку. Тащили на кухню и жарили прямо на плите, на которой несчастные подпрыгивали пока не становились красными. Кроме повара, в Стрелицах был садовник – немец – Август, управляющий с женой и сыном лет 12 – поляками, скотница, 2 работника, 1 работница. Женщины обе с детьми. У скотницы Анфимии было двое ребят: Аксинья девочка 7 лет и мальчик Митька 1,5 лет. У другой сын 7 лет Ваня. Дети приходили с нами играть на елку, им дарили одежду и мы делились гостинцами. Они выросли у нас.

Зимой, в Варшаве, меня отдали в детский (частный тогда) сад (19). Начальница была хороший, добрый гуманный человек, педагог от природы. Были две руководительницы – немочка-куколка и француженка. Мы играли, играя учились читать, петь на немецком и французском языках песенки, учили стихи, плели из полосок бумаги корзиночки, закладки, клеели и т. д. Делали гимнастику и большие прогулки в «Лозняки», знаменитый сад, гордость Варшавы.

Весной 1879 года мы окончательно переехали в деревню, где мать поселилась на всю жизнь. Управляющий Семен Ив[анович] с семьей, уехал на родину в Польшу. Попробовали взять другого поляка, но он был если не дурак, то ленивый, болезненный человек. Помню его подвязанным старым красным набрюшником моего отца. У него оказалась рожа на лице, тогда верили, что красное сукно и посыпанный на него мел помогает излечит[ь] рожу. Расстались и с этим управляющим. Маме было 29 лет. Она стала интересоваться и вникать в хозяйство и оказала большие способности к его ведению. Увеличила запашку, ввела многолетнее травосеянье, переписывалась и советовалась с известным агрономом бароном Энгельгардтом (20). Имение, хозяйство и земля стали улучшаться и поднялись в цене. Мама стала и старалась быть одновременно хорошей хозяйкой и в домашнем быту. Кла-

довые были полны всякими запасами, ни в чем не было недостатка, стол был сытный, здоровый, вкусный. Повар проявил способности садовода и огородника, и ему была дана полная инициатива распоряжаться в этой отрасли. Были парники, мы имели к Пасхе свежие огурцы, салат, редиску, а в дальнейшем все остальные овощи и ранние цветы в цветниках. Жизнь вели мы скромную: ездили по-прежнему в телегах, на тех же лошадях. В телегу клали сена, на веревочный переплет и большую кожаную подушку.

За 12–14 верст был расположен уездный город Опочка (21), куда мама ездила по делам и за основными продуктами. Городок этот очень живописный, окружен изгибами реки Великой с большим мостом... Жителей тогда было тысячи 3. Постройки времен Екатерины II: два огромных корпуса, один напротив другого казарменной постройки на главной площади. В них помещались все градские учреждения: банк, казначейство, больница, мужская гимназия, небольшой гарнизон, городская управа, суд и т. д. Мать избрали казначеем в управе и попечительницей в нашей сельской, земской школе, находящейся около нашей приходской церкви (погоста) Утретки, в 3–4 верстах от Стрелиц, ниже по берегу р. Великой. Священник отец Павел не походил на туловатых, полуграмотных батюшек тех времен. Очень любил поговорить на высокие темы и о политике. Был очень не глуп, много читал, выписывал газеты и несколько журналов. У отца тоже была порядочная библиотека, все русские классики и другие писатели. Бабушка Анна Дм[итриевна] нам детям, выписывала в подарок к Новому Году всегда детские журналы: «Детский отдых», «Игрушечку», «Задушевное слово» и др. Кроме того, отец приезжал в отпуск, привозил разные популярные детские книги по истории, географии и общеобразовательные. Каждый день нам читали вслух, и мы были очень рано-развитыми детьми. Няня Каролина скоро уехала обратно в Варшаву, где ждал ее жених – писарь папиного штаба. Он вышел в отставку, переселился с женой в Петербург, где получил место околоточного, и они зажили хорошо. Первое время мама посылала ей вроде пенсии и крестила ее первого сына Сашу. Мальчик, когда вырос, приезжал к нам на лето погостить. Няню заменила нам тетя нашей тети – жены дяди Дмитрия Николаевича. Старая девушка Мария Семеновна Геракова. Институтка, культурная из хорошей большой семьи, отдавшая свою молодость и жизнь многочисленным племянникам и племянницам (22). Она была немного у детей дяди Дмитрия Николаевича, но жена его Анна Юрьевна захотела взять для своих детей (старше нас) настоящую гувернантку для подготовки в гимназии г. Петербурга. И таким образом уступила ее нам. Тетю Машу мы очень полюбили, она так самоотверженно заботилась о нас, дни и ночи, жила только нашими интересами, никогда не обижала, мы привязались к ней всей душой и в то время любили ее больше мамы.

Как описать характер мамы? Она была очень спокойная, добрая, справедливая, относилась очень ровно ко мне и Соне, заботилась о нас, чтобы мы были сыты и здоровы, но я никогда не видела с ее стороны безумной ласки, горячих объятий, какими я осыпала своих детей и внуков. Казалось, от любви сердце истекает кровью. Безумный страх за их жизнь и здоровье вечно терзает душу. Мама была спокойна и не терялась ни при какой опасности. Принимала разные меры и не сходилась с ума, как говорится. Никогда не шлепала нас за провинности. Утром здороваясь, мы целовали ее, на ночь, прощаясь тоже, благодарили за обед. Мама, что могла, шила на нас белье и платья простые – вроде пальто, спереди на пуговках. Мы носили всегда белые, или сурового полотна, передники вокруг шеи воротнички из вышивки на пуговке. Белье меняли 2 раза в неделю, на кроватях 1 раз в субботу.

В горничные взяли молоденькую деревенскую девушку лет 17 – Сашу. Через несколько лет она вышла замуж за Опочецкого кузнеца, прельстившегося ее приданым (100 р.) и поселилась с ним в «городе», предел ее мечтаний.

С тетей Машей мы жили в наших двух детских – спальне и игровой комнате. В спальне была железная печка и утром, когда мы были еще в постелях, зимой приносили дрова и она так весело пыхтела, дверца все время дрожала, пламя старалось вырваться, дрова трещали, стреляли и нам было весело и хотелось подпевать этим звукам тах-тах-тах.... Зимой вставали в 8 ч., летом в 7. Валяться не позволялось. Мылись, в столовой молились перед едой, пили молоко и хлеб с маслом, сыром, ветчиной или холодным мясом, давали и яйца. Мама вставала позже и пила кофе. Нам ни чая, ни кофе не полагалось. Соне давали рыбий жир, т. к. у нее была золотуха, и с 5 лет заболели глаза. Надели ей синие очки, которые она не снимала.

Детство наше прошло безмятежно. В добром режиме и порядке. Немного играя, немного читая, учась рукоделию, в скромной обстановке. Зимой, в глубоких снегах и сугробах, гуляли по тропинкам гуськом друг за другом с тетей. Было холодно в доме, в спальне у нас, в детских комнатах и у мамы, на окнах были ставни. Вечером они закрывались, и делалось темно. Спускали занавески и усаживались в столовой кругом стола. Слышны были вой волков, крики зайцев и сов в саду. Дворовые собаки тоже выли и лаяли. От мороза трещали углы дома, точно выстрелы. Волки утаскивали иногда собак, и они бесследно исчезали. Днем мы наблюдали из окон жизнь на улице. Работники возили дрова на заиндевевших лошадях, пилили и складывали в штабелях, припасая к лету. Возили к сараям и конюшням возы с сеном. Утром носили в большой кадке с реки воду. Выводили на водопой лошадей, стадо коров и овец. Ждали весны с большим нетерпением. На Рождество приезжал папа, которого перевели в Белосток начальником штаба кавалерийской дивизии. Его приезд был радостный праздник, любили

мы его безмерно, а он нас глубоко и нежно. Весь он жил для семьи, вне ее тосковал. Вся его жизнь была самопожертвованием. Привозил он всегда массу всего: материал для белья, платья, пудами сахар, консервы, лакомство ящиками, не знал чем угодить и порадовать. Играл с нами в настольные игры, а также в прятки, в «тепло и холодно», загадки, скороговорки... На Пасхе, на большом ковре он катал с нами яйца. Делал это очень ловко и быстро выигрывал и мы горевали с нашими опустевшими корзиночками, а он весело хохотал, как дитя, радуясь своему успеху. Вечная благодарная тебе память, добрый отец. Ты самый лучший, самый честный и добрый человек, которого я знала в жизни. Никого ты не обидел и никто не помянул тебя лихом. Никогда ты не сошел с дороги добра и правды, был верен своему долгу на службе родине и семье. Любил детей и, бывая у знакомых, всегда заходил в детскую, беседовал, развлекал, смешил и играл с детьми. Одна знакомая, будучи взрослой, вспоминала, что «взрослые гости не обращали на нас, детей, никакого внимания, один Михаил Карлович всегда заходил к нам, и как мы его любили!» «Здорово, ребята» звонко говорил он, и мы радостные кидались к нему. Он был среднего роста с правильными чертами лица и очень красивый. Очень походил на Александра III и его братьев.

([День рождения (Ольги) 1-го марта 1874 года] – вставка на полях текста источника. – В. В., В. К.).

В 1881 году мне было 7 лет. ...Когда мне исполнилось 9 лет, по совету и настоянию бабушки Анны Дм[итриевны] меня отдали в 4-х классную гимназию в г. Остров. Начальницей была лет под 60, бывшая классная дама одного из петербургских институтов. Сама институтка, вышла замуж в пожилых годах, очень некрасивая с длинным лицом, с высокой прической еще больше удлинявшая эту голову. Небольшого роста, толстенькая, с короткими маленькими беленькими ручками, которыми она очень гордилась. Кокетничала со своим старым мужем, поджимала губки, сюсюкала, жеманилась. Ее муж красивый старик с серебряными волосами, с большой белой бородой патриарха. Она была вторая жена, и у него было трое детей: два сына (Михаил и Леонид) офицера и дочь 18 лет, Маруся. Начальница была очень строгая, но добрая, звала мужа «папочка». Ее «папочка» был двоюродный брат отца моего папы, тоже Зоммер Евграф Иванович, бывший моряк. Встретился мой отец с ним случайно, совершенно не ожидая найти в Псковской губернии родственников. Случилось это так: отец сел в поезд, в Острове, отправляясь в Стрелиц после отпуска. Пока поезд стоял, отец, выглядывая из окошка вагона, заметил, что какой-то благообразный старик под руку с молодой девушкой, стоя на перроне, что-то очень внимательно присматривается к нему и переговаривается со своей спутницей. Отцу было очевидно, что говорят о нем. Наконец старик подошел к окну вагона и спросил у отца его фамилию. Услышав

свою собственную фамилию, он сказал, что необыкновенное сходство с его сыном (тоже Михаилом) поразило его. Установив свое родство, они расстались очень обрадованные знакомством, разменялись адресами и очень просили следующий раз заезжать к ним в Острове. И вот этой встречей была решена моя судьба. Дома стали говорить, что мне пора серьезно учиться, что Соня по своей болезненности не спутник мне в учебе и что единственная возможность дать мне первоначальное систематическое образование – это помещение меня в эту гимназию, где я могу жить у родственников (23). Грустно было уезжать мне из дома, но сшитые гимназические формы, черные передники и название гимназистки немного меня утешали. Грустно также расставаться с сестрой Соней, с которой мы дружно росли...

Начальница, Елизавета Павловна, приняла нас очень тепло и, т. к. ее семья была на даче в своем имении, уложила меня рядом с собой на кровати мужа. Мама думала, что я буду в хорошей обстановке под надежным присмотром. Недолго я спала в теплой комнате. Приехал Евграф Иванович с Марусей. Ее и меня устроили в большой передней, перегородженной ситцевой занавеской, которая колебалась при малейшем движении воздуха. Марусе и мне достались две внутренние стенки, а потом прибавились еще три жильца. Дочь какого-то урядника (любимица начальницы, Лидия Поцевич), подлизоватая девочка 13 лет, мой злой гений, вторая, бедная учительница, бледная личность, третья, Соня Бошняк 13 лет, красивая, крупная, толстенькая девушка. Избалованная, капризная, ленивая, обидчивая, отсталая, поступила только во второй класс. Добрая разиня, и Лидия Пацевич, хитрая, испорченная девчонка изводила и издевалась всячески над Соней. Все мы были на иждивении начальницы, которая довольно умеренно нас кормила. Помню, часто была гречневая размазня, форшмак из вареного мяса, селедка с картошкой иногда пельмени. Утром чай с хлебом. Мне был дан такой наказ из дома. Вставать в 7 часов и час упражняться на рояле. Иду через темные классы со свечой в руке: страшно. Прохожу какую-то комнату без названия, около кухни, без окон, потом столовую, второй класс, первый и, наконец, зала, где стоял рояль. Играю экзерсисы, гаммы, пьесы. Кончаю, иду обратно, соседки мои уже встали. Моемся, пьем чай, идем по классам. В моем классе все больше девочки купцов, две немочки, дочери доктора, остальные сборные. Учителя: священник отец Петр, добрый, хороший старик, был со мною очень ласков, т. к. видел, что я очень грущу по дому и вид у меня угнетенный от непривычного режима и строгой начальницы. Я была очень чуткая и застенчивая, скромная девочка, ходила на цыпочках, боялась всех и всего. Милая тетя Маруся одна ласкала меня, и я очень к ней привязалась. Она была толстенькая, свежая блондинка с густой косой с приятным контральным голосом и хорошо пела. Да, я хотела описать учителей: помню учительницу

арифметики, по всем моим наблюдениям, она, кажется, взялась не за свое дело. Коллектив, как будто, преследовал ее, и мне было ее очень жалко. Учительницу русского языка я плохо помню: какая-то худенькая брюнетка, строгая. Французский преподавала сама начальница, немецкий вводился со второго класса. Учитель рисования был молодой, красивый человек в синем фраке. Мы рисовали, что хотели в тетрадях с большими клетками и все больше звезды, в разных комбинациях и на разном фоне цветными карандашами. На уроках Закона Божия отец Петр в руках крутил из полоски бумаги звездочки и мы выпрашивали их на память.

Я сидела на первой парте против стола учителей, в самой середине. Училась хорошо, т. к. дома получила хорошее развитие. Учительница музыки была не молодая дама замужем за нашим молодым учителем рисования. Помнится, что про эту учительницу много шептались и решали, удобно ли ей приходить на занятия, когда..., а что я не понимала. После через много лет я сообразила, что она была в интересном положении и начальнице, как бывшей институтке, это казалось недопустимым (24).

На рождественские каникулы заехал за мной папа. ... С волнением ждала я отца. Давно не видя своих в непривычной суровой обстановке, домашней и школьной, я сильно соскучилась по родному дому. Неуют, дисциплина давили меня, но домой я об этом писать не стала, т. к. начальница говорила мне: «не пиши, что скучаешь, маме сделаешь больно». И я молчала, заперев свое сердце и его тоску. Папа приехал, с поезда рано утром. Увидав его, я разрыдалась. Он испугался и желая меня подбодрить, подсмеивался надо мной, особенно, когда я сказала, что узнала бы о его присутствии по его запаху, если бы он даже спрятался, он смеялся и говорил: «Разве я собака, что от меня пахнет?» Но я действительно по запаху узнала бы, т. к. он курил папиросы с табаком одной фабрики, и я этот запах хорошо знала.

...Приветливо сверкали в окнах огни, нас радостно встретили мама и тетя Маша, а сестренка Соня (Тумбочка) прыгала на месте от радости. Я была так счастлива. Я дома, впереди елка, Новый год, подарки, всякое баловство, своя кровать, лампадка перед образами в углу, к которому мои ноги в кровати, уют, наша печурка, в ней трещат дрова. Ах, как чудесно! 2 недели я дома, в своем уголке! Можно выспаться, вымыться в столовой около печки, куда ставят большую бадью, широкую на ножках и мы по очереди в ней плещемся. Тетя Маша нас так хорошо и ласково мыла и терла. Но у меня был большой секрет, который я старалась скрыть от домашних. У меня, беспризорной, завелись в гимназии вши в голове. Коса была уже до талии, мне было трудно ее самой убирать, причесывать. В баню редко водили в гимназии. Никому не было до меня дела. Девчонки из разной среды, мало опрятные, заразили меня вшами, причем уверяли, что вши всегда и у

всякого человека водятся. Дома я старалась потихоньку вычесывать частым гребешком и уничтожать их, но заботливая тетя подсмотрела это и приняла энергичные меры. Скоро она уничтожила все следы моего секрета и я избавилась от вечного зуда в голове. Скоро пролетели 2 недели каникул! Миновала елка, поездка к дяде в Олисово, там гаданье, жженка, на синий огонек которой, так интересно было смотреть. Туда приезжал товарищ дяди из Петербурга, инженер Романов Григорий Михайлович. Привозил новинки, журналы, книги, декламировал, говорил анекдоты, изображал в лицах разные сценки из быта разных слоев общества. Привозил игрушки и украшения для елки и сам весело играл с нами детьми. У дяди тогда было 5-ро детей да нас двое. Было весело и нам детям и взрослым. Они играли в винт, помаленьку заглядывали в карты, шутили, трунили, партнеры переговаривались откровенно. Пели, играли на фортепьяно. Пела моя мама и ее брат дядя Митя. ...Хорошие обеды, ужины, вино, масса сладкого, весело, уютно, гостеприимно. Быстро, быстро бежит время!..

И вот опять в кибитке обратно в гимназию! Снег, скрип полозьев и в утешенье (по моей просьбе) колокольчик однозвучный, утомительно гремит... Опять гимназия! Опять я в холодной передней нашей спальни, утром в 7 ч. Упражнение на рояле один час, в 8 одеваться, в 9 класс, потом учить уроки и строгий режим. Будучи уже взрослой, я думала, зачем меня выпихнули из дома, как я там томилась по дому, как бесприютная сирота. Омрачали мое ясное детство и безмятежное воспоминание о нем! Лидия Пацевич, мой злой гений, учила врать, хотела даже заставить красть из ярмарочных палаток и лотков на базаре. В Острове с 1-го марта до Пасхи, на Соборной площади открывалась каждый год большая Ярмарка, и торговцы выносили всякий товар. Я получила от начальницы из моих денег 1 рубль на покупку какого-нибудь лакомства. Лидия отняла этот рубль и купила себе что-то, а мне дала один гороховый пряник. Очень он был противный, горький. Сама она воровала с лотков, что плохо лежало, а меня называла разиней. Я не могла в силу традиций и воспитания ни воровать, ни лгать. Жаловаться на нее я не смела, боялась ее ужасно. Заборные слова она употребляла смело и говорила, что если крикнет их извозчику, то он даром накатает. Я неискушенная, застенчивая девчонка боролась с ее влиянием, но все ее проделки пачкали душу и воображение...

...неожиданно приехала из Стрелиц мама с Соней. Везла она Соню лечить глаза, т. к. ей стало хуже. Я очень обрадовалась опять видеть своих, водила, как старшая сестра с покровительственным видом Соню по классам гимназии, все показывала и объясняла. Решили мы, что когда глаза ее поправятся, она на следующий год тоже поступит в эту гимназию, и мы будем вместе. Вечером мама с Соней уехала на вокзал на Петербург. Не чувствовали мы, что виделись последний раз.

Дорогая моя сестренка, мой товарищ и маленький друг! Всю жизнь я тебя помню и скорблю. Мама скоро вернулась обратно и по пути опять заехала ко мне. Соню она устроила в Петербурге в глазную лечебницу барона Вилье (25). При ней осталась также тетушка отца нашего Евдокия Антоновна, сестра милосердия, участница двух русско-турецких войн. Это была наша двоюродная бабушка, которую мы очень любили и особенно уважаемая нашими родителями. В ее жизни была тайна, которую я уже взрослая узнала. В 16 лет она вышла тайно от родителей замуж за красавца офицера. Он оказался пьяница-кутила, и в пьяном виде страдал kleptomанией – из гостей возвращался с украденными вещами: ложками и другими серебряными вещами. Жена, когда он засыпал, отбирала от него краденое и с денщиком отсылала хозяевам вещей. В конце концов, не вынеся позора, она ушла от мужа, поступила в общество Красного Креста и уехала на войну.

...Как-то вечером, в марте я, окончив уроки, смотрела в окно на проходивший из Опочки в Остров дилижанс. Он проходил по нашей улице. Я увидела на крыше его среди багажа знакомую корзинку. Что это, мамина багажная корзина? Дилижанс остановился у нашего подъезда. Мама выходила из дилижанса. Что такое, в чем дело. Мама печально говорит: «Соня заболела корью в больнице». Я разрыдалась страшно потрясенная и не могла успокоиться несмотря на уверения мамы, что это детская болезнь и все пройдет. За ней хорошо смотрит и ухаживает тетушка – бабушка Евд[окия]. Ант[оновна]. Я все кричала: «Она умрет, она умрет!» Пробыв у нас 1–2 часа, мама уехала в Петербург. Через несколько дней она вернулась и успокоила меня, что Соня поправляется и что, вернувшись в Стрелицы, мама пошлет туда тетю Машу, т. к. тетушка устала и вдвоем будет легче. Через несколько дней папа заехал за мной, и мы поехали на пасхальные каникулы домой. Было грустно без Сони и тети Маши дома. Я одна спала в нашей детской, тихо и тоскливо встречать праздники без моих любимых.

...Вдруг собаки на дворе страшно залаяли, стали на кого-то кидаться. Мама вздрогнула – «телеграмма!» Так и было: «Соня опасно больна приезжайте». Я кинулась в детскую, стала на колени и горько зарыдала, склонив голову на стул. «Она умрет, она умрет!», – кричала я. Что могло с ней случиться? Какая болезнь при перенесенной благополучно кори? Отец решил – верно мозговое что-нибудь как у брата Пети. Мама совсем пала духом. Тотчас же собрались в дорогу. Погода была в тот вечер ужасная – метель, ветер, мороз. Надо ехать на перекладных от ближайшей станции Иссы, до которой 8 верст. Великая уже стала ломаться. Мама одела бараний тулуп нашего повара, чтобы не замерзнуть. Ведь до жел[езной] дороги верст 65... С фонарями перевели их через реку с палками, ощупывая лед, кругом полыньи. Мне дали ключи от буфета и кладовых и поручили самому солидному человеку – повару. Распорядились, чтобы утром съездили в погост ...и

привезли мне для компании девочку нашего дьякона Ньюшу лет 13-ти. Я была в тревоге, ожидая вестей из Петербурга, и эта девушка мне была не нужна, я любила только читать, а ее надо было занимать, она страшно скучала по дому. Очень не развитая, другого общества и воспитания. Я вела себя солидно, желая оправдать доверие и свою самостоятельность, исполняла все наказания. Запирала все, что привыкли видеть запертым на ключ к ночи, и клала связку ключей под подушку, как делала это тетя Маша. Не помню, сколько дней прошло в отсутствии родителей, но однажды ночью я проснулась от света и ходьбы по комнатам. Передо мной поклонились папа и мама. В глубине комнаты я увидела и тетю Машу. Ничего, не понимая, со сна я стала говорить: «Папа, нет мама, папа, нет мама» и быстро сунула руку под подушку. Ключей не было. Совсем растерялась и, очнувшись окончательно, спросила: «А где же Соня?» Папа так грустно ответил: «Она крепко больна!»

«Как вы ее все оставили?» «С нею тетушка-бабушка». Меня поразила бессердечность папы, мамы и т. Маши, которая так сильно любила нашу дорогую Софочку. Мама какая-то странная, ходит так медленно грустно и задумчива. Поужинав, все легли. Я заснула утром, когда я встала и оделась, мама пришла в детскую и позвала меня к себе. Мне стало страшно. Надо было пойти к ней в спальню, через ряд комнат: вторую детскую, столовую, кабинет, залу и я еле волокла ноги, какой-то ужас невольно охватывал меня в ожидании какой-то беды, несчастья. А, может быть, я что-нибудь наделала, провинилась в чем-нибудь и мама хочет меня отчитать. Боже мой, куда деться! Мама взяла меня за плечи, усадила рядом с собой на кушетку и грустно начала говорить:

«Соня не может поправиться, так сказали доктора, чуда не может быть, она должна умереть». «Мама, мама, зачем же вы ее бросили!», рыдала я от страшного горя. «Мы не можем ей помочь, наше присутствие бесполезно, доктор обещал написать нам, и вот мы уже получили это известие. Она умерла».

Нет слов описать мое горе, ничто не могло меня утешить. Теперь, когда прошло 75 лет с того времени, я плачу, записывая это событие. Первое глубокое горе ребенка, беззаветно любившего свою сестренку. Она была на 1 год и 2 месяца младше меня. Не могу выразить мои чувства к ней. Я была маленькая мама. Всегда охраняла ее, один раз она упала с мостков в реку, я ее выволокла на берег. Иногда она деспотично мной распоряжалась, я с радостью ей покорялась. Часто я слышала от старших – она умнее, она сообразительнее, она аккуратнее, она способнее Оли. Я никогда ей не завидовала, предоставляла ей первой право выбора лучшей конфеты, большего яблока, радовалась, когда ее хвалили и говорили, что она красивее меня. Я была очень худенькая с большим ртом, кудрявая, растрепанная. У Сони бы-

ли каштановые волосы, густые косички, красивые руки. В защиту меня вступала иногда мама, говоря: зато у Оли доброе сердце и она всегда говорит правду. Нам незачем было лгать, нас не наказывали, только иногда читали нравоучение и выматывали душу, доказывая, какие мы преступницы, что мы сами, поверив, этому плакали и молились Богу, прося нас исправить. ...Теперь, пережив долгую, долгую жизнь, переся столько горя, я потеряла веру в Божество, в счастье, в вечном трепете за близких и дорогих, за их жизнь и благополучие, совершенно отреклась от своего личного существования. Одно мое желание, когда придет мой час, уйти быстро, и доставить этим как можно меньше хлопот и неприятностей в связи с этим уходом. Все придет в свое время. Внуки просили меня написать хотя бы в виде конспекта мои переживания за долгие годы моей жизни. (9-го февраля 1959 года мне исполнится 85 лет) Успею ли я написать и возможно рельефнее обрисовать эпоху, которую мы переживаем и пережили.

...Соня умерла и ...ее привезли в гробу в родной дом. Гроб поставили во флигеле и к 12 ч. дня приехало духовенство и отслужило панихиду. «Вот в каком домике наша Сонечка», грустно сказала мама. Папа еще больше был убит. Был апрель. Пошли дожди, земля раскисла. Мы ехали целый день 35 верст до Олисова, где в приходе Синяя Никола была могила братьев Всеволода и Пети. Гроб прибыл раньше нас и был установлен в церкви. В цинковом гробу против головки было стекло, и я увидела Сонечку. Лежащую в профиль в белом платье с фатой, как невесту. Она была так хороша, нежная, с длинными ресницами как фарфоровая. Выглядела девушкой лет 15. хотя 25-го марта ей исполнилось 9 лет. В больнице корь застудили, перенеся из одной палаты в другую палату, корь бросилась внутрь. Сделалось воспаление кишок и это привело к смерти. Она лежала такая красивая в гробу, с распущенными волнами [волос], в цветах, что тетя Аня (художница) плакала на похоронах. Мне вместо траура надели гимназическое коричневое платье и обшили его крепом на рукавах и воротнике, и вот я, ребенок, немного утешилась своим трауром и развлеклась торжественностью службы, похоронами. Мне так понравился крест металлический, окрашенный под березу, с медной дощечкой на которой был написан стих из Евангелия: «Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им, ибо их есть царствие небесное» В своем глубоком горе отец позаботился обо всем с любовью и горестью. Соню похоронили в трех гробах. Первый цинковый ценный с серебром, второй серый жемчужный с золотой отделкой и третий деревянный ящик. Отец в своей великой любви хотел уберечь Соню, возможно дольше от тления. Долгое время, более года, отец страдал, тосковал, увлекся спиритизмом, вызывал Соню, беседовал с нею, выписал газету «Спирит» и не мог забыть ее ни на минуту. Перестал тревожить ее только после того, как на одном сеансе у знакомых он не получил письменно от Сони такие

слова: «Папа, мне хорошо, скажи маме, я помню ее». Это его немного утешило и успокоило. Его одиночество, вдали от дома (он жил тогда в Чугуеве, начальником юнкерского училища (26)). Приезжал домой 3 раза в год. На Рождество, Пасху и летом на школьные каникулы. По неволе он тосковал в чужом городе один, увлекся мистикой и нелегко переносил свое горе. Схоронив 3 детей, его любящее сердце страдало не выносимо, и он не позволил мне ехать опять в гимназию, говоря: «пусть душой вырастет, но жива останется». Мне взяли гувернантку 35 лет, бывшую институтку, отлично образованную, но очень некрасивую, со вставными зубами и у нее страшно пахло изо рта, так что за уроками мне было противно, т. к. мы сидели очень близко друг от друга. Она была очень милый, живой, веселый и добрый человек. Хохо-тушка, с нежным сердцем, любила и великолепно читала вслух, переживая все переживания героев романа, смеялась и плакала с ними вместе, и очень мы с мамой и тетей Машей любили ее чтение. Тетя Маша оставалась у нас в память Сони, и заведовала моим бельем и общим, а также чаем, кофе и порядком в доме. Но вот, как-то в разговоре взрослых я нечаянно подслушала, что т. Маша стара, малоразвита и лишний расход (10 р. в месяц) в доме, что ее надо отпустить. Я в ожидании этого, стала потихонечку прятаться и потихонечку плакать. Бедного папу такого чуткого и справедливого заставили сказать ей об этом, тяжело ему было решиться на это. Несколько дней он ходил сам не свой. Печальный, задумчивый. Уезжая после отпуска, прощаясь, он сказал ей и гувернантке, обеим: «до свиданья, нам придется расстаться, Оле придется опять поступить в гимназию, она плохо одна учится, и ей скучно в деревне одной со старушками». Свершилась огромная несправедливость! Теперь мне скоро 86 лет исполнится, но этого никогда не забуду. Добрый, любящий человек был выкинут на улицу! Гувернантке отец отказал за то, что она была похожа на чахоточную, и отец боялся, чтобы она меня не заразила, живя в общей комнате. Было это после пасхального отпуска, до осени Оля пусть побегаёт, а осенью возьмем гувернантку снова. И вот мама по хозяйству увлеклась сельскому (так в тексте мемуаров. – *В.В., В.К.*), приехали дачники – родственники, бабушка, мать матери и тетка отца, а я бегала на просторе и читала запоем. Игрушками играть не умела. Признавала только крокет, серсо, мяч, колесо, скакалку. Была худенькая и очень ловкая, проворная. Ходили за грибами, ягодами, в саду собирали, чистили на варенье, паслись в крыжовнике, масса была яблоч, осенью не знали куда девать. Осенью мама ездила обыкновенно в Петербург и эту осень взяла меня с собой. Первый раз показать Питер, о котором я слышала чудеса. Было мне 11 лет. Остановились у маминой мамы. Показали мне театр Александринку, 2 вещи Островского и Фауста оперу. Бабушка внучкам: мне, Бизюкиным и знакомым девочкам Климовым задала «бал». Кавалеры были студент и гимназисты. Недели 2 мы

погостили в Питере и с туманом в голове мы с мамой уехали домой в Стрелицы. Привезли гувернантку Марию Ивановну Кнедуш 21-го года, милостивую, стройную девушку... Очень воспитанную, высоконравственную, скромную. Привязалась она ко мне и хотела все, что в ней самого лучшего вложить в меня. Влияла на меня хорошо, это была необыкновенно, в высшей степени высококультурный, чистый, честный человек, оказавший во всех отношениях самое лучшее влияние на мой характер и всю жизнь. Я была очень мягкого податливого характера, и она сделала из меня что хотела. Сама она была доброты необыкновенной. На всю жизнь мы с ней были друзьями и всех моих детей, когда они учились в Питере, она принимала, любила, наши карточки все стояли у нее в гостиной на столике. Особенная любимица была моя первая Соня, которую она звала «Звездочка». Любила она и не скучала, несмотря на свою молодость – наши «Стрелицы», называя их «моя первая любовь».

Когда мне было 14 лет, я сильно заболела – брюшным тифом одновременно с воспалением левого легкого. Несколько суток в бреду без сознания с кровохарканьем. Отец далеко, на службе, в Чугуеве. Каждый день ему писали бюллетень. Он смертельно боялся за мою жизнь. Последний ребенок из четырех – умирает. Доктор из Опочки ездил через день. Ледяной компресс через 2 часа на живот, на легкое банки. Доктор милый, внимательный, осторожный, спас почти безнадежную. Дежурили мама, Мар[ия] Ив[ановна] и вместо т. Маши взяли молодую девушку, дочь дьякона Елену Александровну 19 лет. Веселую, немножко опоященную, много гостившую в Свенцянах (27) у дяди чиновника, женатого на воспитанной польке, передавшей Ел[ене] Ал[ександровне] свои культурные навыки и обхождение. Когда поправилась я после 6 недель, стала как ребенок всему учиться – ходить, вспоминать умение играть на рояле и т. д., многое вновь, т. к. подзабыла. Голова отчаянно болела, волосы все вылезли. Я была в отчаянии, совсем сделалась плешивая, несмотря на [то, что] косу [я] все короче и короче подрезала. Понемногу стала зарастать точно пухом или мышинной шерстью – густая, густая шерстка. А через полтора года обросла чудесными кудрями, к 16 годам стала девочка розовая, кудрявая, выросла, развилась, похорошела, сделали длинные платья, стали заглядываться и похваливать тетюшки, мамыши и однажды я услышала: «Оля настоящий "король девка!", "чайная роза" и т. д.» ...Ну довольно об этом. Это дань прошлому, т. к. теперь все мои современники умерли и некому похвалить. Папа получил полк в Бобруйске и переехал поближе. Затем умер командир Имеретинского полка в Двинске (28) и я упростила переехать его еще ближе, и он подал прошение перевестись в Двинск. Просьба была уважена, и милый папа принял Лифляндский 97 полк графа Шереметьева (29). В Двинске стояло много войск – 4 полка, 25-ая арт. бригада, крепостная артилл[ерия] и т. д.

И когда я кончила гимназию (с 15 лет), а затем курсы фр[анцузского] и русс[кого] языка Бобрищевой-Пушкиной – 2 курса (30), папа взял меня в лагерь погостить. Мне было 17 лет (31). Голова пошла кругом. Широкая величественная Зап[адная] Двина, пикник с коврами и музыкой на лайбах, вниз по течению, танцы на лугу в лесу, завтрак там, пение, горелки, прогулки, катание в экипажах, балы, молодежь, наряды. Жизнь такая отличная после ученья и жизни дома в деревне – скромной, тихой. Все туманило молодую голову, работа и забота только книги, вышивки, рисовала по фарфору, вязала, ухаживанье и больше ничего. Начали делать предложенья, и в 18 лет жених, мой кавалер постоянный в мазурке. В его предложении была фраза: «мы и так станцевались с вами, не станцевать ли нам всю жизнь?». Я ответила да. Но он боялся, что мой отец не согласится. Я тоже этого боялась, но уверяла его, что он согласится. Иосиф Иванович Меницкий был красивый, высокий, цветущий человек 28 лет (32), любящий книгу и собиравшийся идти в Академию Генерального Штаба. Пока служил в полку прокурором офицерского суда (33), поручик. Был жизнерадостный любимец товарищей, девушек и дам. Вот все что я о нем знала, а, в общем, сама не знала, за что полюбила его. Я была скромная, застенчивая девушка, наивная, чистая в помыслах, хотела любви, семьи, детей и скорее полюбила его за то, что он оценил и выбрал меня и его любовь ко мне. Внешний вид его мне нравился. Высокий, сильный, веселый, добродушный, опрятный. Одним словом, приятный, не такой как другие, неуклюжие, маленькие, в танцах такие потные, некоторые пожилые. Я чувствовала к пожилым отвращение и боялась таких ухаживателей. Их было на моем пути двое. Первый наш начальник дивизии генерал Турбин – вдовец, семья его состояла из дочери старше меня на несколько лет, сына кадета лет 14, и тетушки, ведшей хозяйство. Этот генерал всячески старался меня подружить со своей дочерью. Устраивал прогулки, приемы, куда непременно приглашал меня, и я принимала это за чистую монету. Но жена одного полковника, кумушка-сводница, открыла мне глаза, говоря: «Что же это Оля, вы отказываетесь от своего счастья, будете генеральшей, напрасно отталкиваете Н.М. Турбина» (34). Я так испугалась, что сразу стала чуть ли не дерзкой с ним, и он так рассердился, что стал мстить на отца, придирается в служебные дела (так в тексте источника. – В.К., В.В.). Потом этот генерал был назначен генерал-губернатором Финляндии, а его дочь Наташа, очень некрасивая, с длинным тонким носом вроде шила, вышла замуж за маркиза, благодаря своему богатству и положению отца. Я же никуда не жалела этого жениха и глубоко любила всю жизнь своего бедного, но умного и бережливого мужа, разделяя бедность, радости и горе. Второй поклонник был командир Елизаветинского кавалерийского полка полковник «Норд» (35). Красивый пожилой мужчина, который оценил меня так (как передали

свахи): «У меня было много женщин разных, француженки и другие, но эта (я) такая интересная и оригинальная, такой я еще не имел». Потом меня долго дразнили им, но я сердилась и даже грубила им, кто только вспоминал его фамилию. Я была все-таки деревенская девушка и светски мало воспитанная. Это пришло только с годами (моя светскость), притворяться и лгать я не умела....

В начале июля 1892 г. я поехала в Стрелицы к маме и оттуда 2 июля выехала в Петербург заказать себе венчальное платье. Почему-то было модно тогда суконное белое, закрытое в обтяжку по фигуре. Купить фату, флердоранж венков и другие свадебные мелочи. Мне мама дала деньги на все покупки, но я привыкла беречь и экономить, стеснялась покупать лишнее и дорого, поэтому не потратила всех данных мне.

...9-го июля был день рождения Иосифа, 10-го назначен день нашей свадьбы, а 11-го день моих именин, день Ольги. С тех пор, мы с мужем каждый год отмечали эти дни, называя их нашей троицей.

Мой папа был умным и страдал за меня, убежденный в своей оценке моего жениха, что он «юбочник», легкомысленный, и я не буду с ним счастлива. Не хотел ехать в церковь, но по моему настоянию и просьбе был, но плакал, стоя около столика с продажей свечей и плакал бедняга (36). Он был прав отчасти, т. к. я только 5 лет была уверена в верности мужа. Он был слишком здоров и любим женщинами, которые всячески старались отнять его у меня и соблазняли его всеми мерами. Но он меня любил, называл «несравненная», а я любила его бесконечно и главное, свою любовь, которую мы все же сохранили 35 лет.

Моя семья

[В] 1892 году я вышла замуж за любимого. Целый год длилось все крещендо ненасытной любви и счастья, хотя я чувствовала себя очень измученной и плохо, т. к. оказалась сразу в положении. Первое Рождество мы с мужем ездили в Стрелицы. Беременность была мучительной со страшной тошнотой, болями в пояснице, от которой я много плакала. Через 8 месяцев я не выдержала и родила малютку дочку, очень нежную и миниатюрную. В честь своей покойной сестры и моей мамы ее назвали Соней. Когда через 9 дней ушла акушерка, и осталась одна, я испугалась, боясь взять ее в руки – купать, пеленать, и плакала от беспомощности и страха. Вызванная телеграммой мама уехала уже, да она и своих детей не брала в руки. Были опытные няни. Я же никому никогда и после не давала своих детей (37). Видя, что я так боюсь купать Соню, муж воскликнул: «давай я ее возьму». Я тогда еще больше испугалась – решилась, и с тех пор все пошло благополучно, только непривычные соски болели, и я с ужасом приступала к кормлению. Я уехала в Стрелицы с ребенком после ее крещения через 6 недель. В Режице вышли к поезду родители мужа, до Острова (наша станция

была 4 станция от Двинска) за мной выслали экипаж, Стрелицы были от железнодорожной станции за 60 верст. Нечего говорить, как тяжело было ехать целый день летом по жаре с ребенком на руках...

...Все жители высыпали из изб – «Приехала наша барышня». Все молча смотрели на меня с ребенком. Подали лодку, на другом берегу встретила меня мама, младшие сестры и вся прислуга. Устроили визави маминой комнаты и началось райское житье и откармливание. Ребенок только был очень беспокойный, пришлось мало спать. Зато росла она прехорошенькая и нежная как цветочек. Через месяц я как-то во время дневного отдыха почувствовала, что меня трясут за ногу. Вскочила в страшном испуге с ужасным криком и дрожью. Марфуша, моя однолетка и деревенская подруга, наша горничная, всегда мрачная, говорит: «Осип Иванович приехал». Это было неожиданно, не в наших планах. Испуганная, но обрадованная, я живо вскочила и помчалась встречать на берег. Нечего говорить, какая радость и счастье! Его короткий отпуск и приезд внезапный был результатом того, что я не написала ему сразу после приезда, и он даже дал телеграмму: «Где Оля напишите». Мама даже рассердилась: «Твой муж делает глупости». При слове «твой муж», я закричала от испуга, думая, что с ним что-нибудь случилось. «Оба сумасшедшие!» Мы были так счастливы, гуляли по родным местам – по чудному березовому парку со столетними огромными березами, по липовыми саду по реке вверх и вниз. Чудно. Но пришел срок уезжать, и я рано проводила мужа. «Ах, ты моя растрёпушка!», – сказал ласково муж, глядя, что я не зашнуровала свои ботинки на скорую руку. Отец тоже сказал: «Как это он терпит такую неряшку?» Но наша экономка сказала: «Он ее называет – мое сокровище». Папа остался очень доволен.

Он уехал, мой любимый, и я до августа осталась, пока вернулись в Двинск после осенних маневров. Мама послала Иосифу письмо, в котором просила побережь от беременности меня, т. к. я истощилась до того, что после 3-х месячного кормления мне доктора запретили кормление, говоря, что одно кормление мне стоит дня жизни. Я уже прикармливала Соню и в Стрелицах, сама доила «Белочку» для одного стакана. В Двинске мы приговорили молочницу для одного литра молока, но я все-таки потихоньку, когда муж не видел, давала Соне грудь. Раз муж меня застал ночью с этим, схватил подушку и со злым лицом закричал размахнувшись: «Я убью этого ребенка, если ты хоть раз это сделаешь». Я испугалась, и обещала не делать этого, все равно бросить свою Сонечку не могла, и она росла розовая, здоровенькая. Я опять оказалась в ожидании, не смотря на письмо мамы, и мой муж радовался, желая иметь сына, и как можно больше от меня детей. В виду прибавления семейства мы нашли, что квартира наша мала: было 4 комнаты и кухня такая крошка, что из нее в столовую протягивали руку и ставили блюдо на стол. В спальне не было места для кро-

ватки ребенка, она спала в коляске в гостиной, куда ночью бегала к ней я. ...Взяли квартиру: три больших комнаты и кухню, пространство широкое, но не уютное. Там родился мой первый сын, должен был быть Костя. Но не повезло мне: акушерки не было дома, когда денщик бегал за ней, и пришлось взять первую попавшуюся (38). Она оказалась плохой, я мучалась целый день 2-го мая 1894 г. Он был очень большой ребенок и без помощи не мог родиться, а акушерка-немка говорила: «какая помощь натур сама должна» И вот результат. Он родился огромный хороший, но удушенный, захлебнувшийся кровью. В последнюю минуту был вызван доктор, прибежал со двора, но было поздно. Я испугалась – отчего он не кричит?! Никакие усилия не помогли, ни шлепки, ни искусственное дыхание. Мое первое горе!! Папа родной! Приехал крестить меня, я плачу. Полно говорит: «кусочек мяса не плачь!» А мне так горько видеть прелестное мертвое тельце красивого мальчика. Муж с денщиком увезли его в гробике и похоронили, купив пространство возле могилы брата Иосифа – Кости красавца 21 года, по портрету, и о котором [он] не мог рассказывать без слез. Долго я не могла оправиться после этого удара, а муж готовился в это время в академию, была горячая для нас пора. Я на лето с Соней опять уехала в Стрелицы.

В 1895 году осенью Иосиф уехал в Петербург держать экзамены в Академию Генерального Штаба. Выдержал их с честью, чем доказал моему отцу и сослуживцам свою силу и способности. Главное, конечно, настойчивость и прилежание. Поздней осенью он вызвал нас к себе в Петербург, где нашел квартиру и перевез необходимые вещи из Двинска. Мы поехали, взяв с собою деревенскую девушку Проню, служившую второй горничной у моей матери. Она была неграмотная, настоящая деревенская, угрюмая дура, но работающая, безропотная, пассивная, как заводная кукла. Пробовала я ее учить грамоте, но ничего не вышло. Она складывала кубики и больше всего любила складывать «ю п к а» тыча пальцем в пространство. В поезд она не решалась влезть и все отскакивала назад. Мне пришлось, держа на руках ребенка, поддать ей в зад коленкой, чтобы она, наконец, влезла. В поезде сидела, держа вещи двумя руками, боясь положить на скамейку. Много мы с ней намучались, пока приучили выходить на улицу и в магазин, так она боялась всего и всех. Это был второй ребенок трудно сгибаемый. В баню водила с собой и сама мыла. Настоящий первобытный человек. Видно скучала без деревни и людей своего общества, но прожила у нас 6 лет, всегда недовольная, голодная, т. к. господская пища ей не нравилась, и она прикупала на свои 4 р. в месяц, что ей по душе (39).

Зажили мы в Петербурге на плохой квартире – сырой, холодной с большой бочкой воды (без водопровода), со скудной, казенной охапкой дров. Дворник грубый скидывал их с грохотом в кухне и приносил

2 ведра воды. Стены и платье на них плесневели. Хозяин был генерал, доктор по фамилии Глазунов. Жадный скупой человек, собственник дома на Большой Пушкарской. Уборная была холодная, на лестнице второго этажа. Наша квартира на 3-м. Парадная дверь, она же и черная, была закрыта чьим-то шкафом до половины, и отворялась только одна створка. Было темно и одна знакомая, приезжая с родины, разбила себе лоб об этот шкаф. Мы с Соней ходили в валенках и теплых вязаных кофточках, она постоянно кашляла и чихала, я мерзла. Солнце не видели, т. к. это была северная сторона. Муж призвал комиссию из 3-х лиц: доктора, инженера и свидетеля, был и сам генерал – владелец дома и дворник. Комиссия признала квартиру вредной для здоровья. Владелец, брызжа слюной, и от сырости с каплей из носа выходил из себя, доказывая, что квартира настолько суха, что бывший раньше жилец мочил табак, т. к. он сох. Генерал говорил против нас, что мы делаем ванны ребенку и мочим окорока, (мать прислала копченый окорок к Рождеству) и сами разводим сырость. А ведь из той же воды, из его же бочки! Комиссия за нас, а он подал в суд, т. к. мы подписали контракт на полгода. Я была на суде первый раз в жизни, и муж меня предупредил: «Соглашайся на все, а то еще в академии будет скандал, еще выгонят за сутяжничество». И вот присудили штраф уплатить 125 р. Мы молодые, бедные, где их взять. Заняли у моей воспитательницы-гувернантки, доброй души и любящей меня на всю жизнь, родной тети Маши, обожавшей мою Сонечку. Переехали на другую квартиру на 4 этаже, прекрасную, солнечную, из 3 комнат с дровами в волю, с водопроводом за 36 р. в месяц ...на 9-той линии Васильевского острова. В этом доме 26-го ноября 1895 года родился у меня сын Коля, большой около 12 ф. весом. Третий ребенок, а мне всего 21 год, и я истощенная. Мне запретили кормить. Мама искала в деревне кормилицу, но это было очень трудно, т. к. деревенские бабы тоже истощены и обладают от бедности разными болезнями. При освидетельствовании: у одной трахома, у другой легкие, у третьей сердце. Освидетельствовали 6 женщин (40). Так продолжалось 4 месяца, и я все кормила сама. Наконец доктор в Опочке решил помириться на одной с пороком сердца, что у нее это от плохого питания, а у нас она поправится. И вот мама привезла ее. Это было кроткое существо, и хотя ее оторвали от семьи-мужа и 6-ти месячной дочки, она у нас ожила, покруглела и ходила важно со своим молочным сыном Колей. Но у нее было очень мало молока и Коле не хватало. Пришлось и мне кормить совместно. Он с радостью впивался в мою грудь, а у нее пришлось сыпать сахар, и он брыкался и ревел. Но она была хорошая няня, и нам пришлось примириться с ней. Она стала нашим другом, кроткая Паша. После года я ее свезла вместе с собой в Стрелицы и отпустила, наградив одеждой для дочки и чем могла деньгами.

Она осталась преданным другом и каждое лето навещала нас, когда я приезжала в Стрелицы.

Коля рос некрасивым мальчиком, немного упрямым и лгунишкой, но веселым и спокойным. Засыпал поразительно скоро, не то, что Соня, [которую] долго приходилось петь, качать или носить на руках. С годами Коля вырос цветущим ярким мальчиком и имел много побед. Дела у мужа в академии шли отлично – зимой в Петербурге, летом в окрестностях на съемках, с массой карт, в которых и я помогала. Они были такие огромные, что мы чертили и раскрашивали их лежа на полу. При моей помощи он овладевал постепенно обоими иностранными языками – французским и немецким. Итак, мы прожили на Васильевском острове до выпуска полного курса (с дополнительным) с награждением чина капитана. Мой отец радовался, что пошли по его стопам в ген[еральный] штаб. Про меня говорил: «генеральшей будет». Все хорошо шло и удачно в нашей жизни до революции. Чины, ордена, успехи на японской, на первой отечественной войне и даже на гражданской (3 года), затем демобилизация по возрасту, почет и уважение, служба преподавателя в высших гражданских учреждениях пока, после 35 лет сожителства в любви и дружбе, он, живя в Пскове (я с семейством в Стрелицах), не желая признать себя стариком, и живя во Пскове одиноко, не захотел испытать вторую молодость, не влюбился в молодую женщину – тунеядку. Она довела собственного мужа до тюрьмы и осталась одинокой без работы с 5 летней дочкой на руках. Мой муж пожалел ее стал поддерживать и, наконец, перешел к ней и ее родителям на квартиру. Он бросил свою семью ради нее и через 5 лет умер от паралича сердца (инфаркта). Не были приняты меры для его спасения: доктор-еврей «Рыбкин» прописал ему КАСТОРКУ. В течение 10 дней он погиб без любви и ухода – задыхаясь. Я бы не дала ему умереть, не приняв всех мер возможных и невозможных, т. к. любила его беспредельно.

Но я забегаю вперед. ...После выпуска из Академии мужа с не большой группой товарищей назначили для распределения в Виленский военный округ в г. Вильно (41). Я с Соней и Колей выехали туда после проведенного там лета 1827 года (так в тексте, правильно – «1897 г.» – *В.В., В.К.*) с экономкой Марией Федоровной Гривской, которую моя мама дала мне на зиму, т. к. в октябре я опять ждала ребенка. Приехали мы в готовую квартиру на окраине города в первом этаже совершенно пустую, т. к. все вещи в Петербурге не были проданы. Только в гостиной висело 3 масляных картины неизвестных художников – зимние виды с тройками. Одна из них – «боярин Морозов едет в ссылку». Я посмеялась над фантазией мужа, что вместо дельных вещей он увлекся картинами. Но зато в спальней был куплен платяной шкаф, а в нем подарки для меня. Это всегда меня ожидало после моего отсутствия. Получила я два шерстяных капота – темно-синий и го-

лубой и большой плед, платок. Я была очень тронута его заботой и любовью. В октябре 13-го родилась Верочка – здоровый бело-розовый ребенок. Но акушерка полька угрюмая, не ласковая, приходившая каждый день убирать меня и ребенка, ушла, открыв форточку. Думая, что я отдыхая заснула, дети, Мария Федоровна и прислуга заперли дверь и ушли в дальние комнаты. Я страшно озябла, кричала, но никто не слышал и не пришел ко мне часа 3-4, пока со службы не пришел муж. Я страшно простудилась и пролежала с температурой 6 недель. В это время в Стрелицах умирал мой дорогой отец от чахотки. Узнав о моей болезни, сказал: «видно мы с Олей под ручку пойдем на кладбище». Но я между жизнью и смертью при жестоком бронхите выздоровела благодаря чудесному доктору Квятковскому, внимательному и энергичному. Мне запретили опять кормить, но я не послушалась и кормила в продолжение года Верочку. Она росла здоровенькой, и знакомые – Вальтеры, увидев её, восхитились ее видом и сказали, что ее надо на выставку снести. К Рождеству я встала, и даже меня знакомые уговорили пойти в собрание на вечер 26-го декабря. Я не хотя согласилась и хотя была очень слаба все-таки танцевала. А в этот вечер умер мой папа, о чем мы получили утром 27-го телеграмму. Как я рыдала и звала его во весь голос: «Папа, папа!» Не забуду этого горя никогда.

Из 6 товарищей по академии я помню 2-х попавших в Вильно – Ивановы (42), поселившиеся на одной площадке с нами, и Вальтер (43), пара напротив наискосок. Мы [трое] ожидали детей. Я первая родила, вторая Иванова и третья Вальтер. С Ивановыми мы виделись почти ежедневно. Наши мужья учили нас вечерами играть в винт. Расставлялся ломберный столик, на нем 2 свечи и тарелка с незатейливым угощением – пряниками, изюмом, орехами. Но недолго мы прожили в Вильно. Через полгода нас перевели в Витебск и в марте мы туда и двинулись. ... Квартира была готовая, Васильевых, переведенных в Вильно. Она была на втором этаже угловая. 3 стены наружные и очень не уютная и несимпатичная. Прожили мы в Витебске 4 года, но на другой квартире, усадьбе. Владелец умер, и вдова с двумя воспитанниками взрослыми – девушка и парень, перешла во флигель на дворе, и дом деревянный большой с садом и другим через дорогу внизу. Дом стоял на архиерейской горке с большой открытой террасой, очень симпатичной, с хорошим воздухом вокруг и массой зелени, хотя холодный, но мы в нем жили счастливо. За домом было поле, где дети бегали вволю. Внизу под горой была кожевенная сушильня, и по вечерам рабочие пели хором русские песни очень хорошо, и мы слушали, сидя на террасе с удовольствием. Среди террасы росло огромное дерево. В ноябре 9-го родился у нас сын Георгий – Юрочка великан, здоровяк. Ему в 3 месяца давали полгода, а в полгода – год. Но у него была экзема на голове, и мы долго бились, пока не излечили ее. Зато у него выросли крутые локоны, и вообще он был очень хорош. Один

полковник-художник спрашивал, приходя к нам: «Где ваш красавчик?» Милое, доброе, ласковое, тихое дитя, его нянчил денщик Василий (44), и он звал его «Лакхилий», который очень любил его. За обедом Юра сидел за детской четырехместной партой, и Василий кормил его с ложечки говоря мне: «Барыня дайте Юрочке котлетку», и Юра повторял: «Балыня, дай Юле котетку». Милый мой мальчик погиб в революцию от сыпняка, о чем я узнала понаслышке через 4 года. Ему было 18 лет. Самый добрый и любящий сын. Он был очень привязан к Леночке, родившейся через 1 год и 6 месяцев после него. В Витебске нам жилось хорошо и приветливо. Завелись многие симпатичные семьи. ...Все Витебские дамы, очень хорошие хозяйки, соревновались в изделии разных вкусных блюд. Чему я многому научилась (так в тексте источника. – В.К., В.В.) (45).

Отрыгантов (46) был заведующим хозяйством в штабе и часто присылал мне коляску с парой лошадей и я ездила за город в лес, где на поляне дети резвились и дышали чистым воздухом. Когда пришло время через 4 года для повышения и переезда в другой город, я стала просить мужа хлопотать опять в Вильно, где была семья двоюродного брата моей матери – Н.Р. Стремоухова. Это удалось, и мы снова в Вильно. Там застала нас война с Японией, и все товарищи мужа отправившись на восток на войну, а так же его шеф – генерал Шевцов (47). И хотя мой муж не уважал его, но сказал: «Вот и я бы поехал, т. к. я начальником его штаба был». В это время, хотя муж был назначен начальником штаба пограничного округа (48), очень хорошее место, даровой проезд по железной дороге за границу, покупки заграничных товаров без пошлины и т. д. Но сказанные слова мужа я в разговоре передала г. Шевцову, и он стал хлопотать, чтобы ехать вместе со знакомыми ему сотрудниками, веря в его (т.е. – И. Меницкого. – В.В., В.К.) разум и военные способности, взял его себе. Нечего говорить, что я была в отчаянии, т. к. 31-го октября 1904 года родился сын Олег. В январе мы поехали провожать мужа и отца 6-ти детей на войну. Формировался корпус в Минске. И вот я с малюткой Олегом и 3 другими: Соней, Колей, Верочкой (у детей был злейший коклюш) и т. Женей, выписанной мужем, чтобы я не осталась одна, поехали в Минск. Устроились в гостинице. Нечего говорить, что провожая, я плакала до дурноты и страшной головной боли. Вернувшись в Вильно, мы переехали на квартиру подешевле и очень жалели свою, со всеми удобствами, прежнюю. В новой было много водяных рыжих крыс, которые съели канарейку и отгрызли кусок одеяла у няни, пока она спала. Кроме того, она была под горкой, с которой стреляли бандиты во время революции 1905 года по нашим домам, и мы однажды всей семьей лежали на полу, пережидая стрельбу.

20/VII 64г. ...Мне грустно вспоминается больше, тяжелые минуты, а сколько было всего хорошего, все покрылось пеплом и горечью...

Комментарии

(1) Разночтение даты рождения автора мемуаров – из самого текста их рукописи. В одном месте О.М. Меницкая пишет: «В 1881 г. мне было 7 лет» и на полях здесь же добавляет: «1-го марта д. р. 1874», а в другом: «9-го февраля 1959 года мне исполнится 85 лет» [2, с. 24, 47].

(2) Таких, например, как блокада Ленинграда (1941–1944 гг.), 40-летие «старшей внучки», имевшее быть 4 июня 1963 г., равно как и наличие более поздних дат – «5 VI 1963 г.», «1964 год», «20/VII 64 г.» [См. 2, с.68, 69, 95].

(3) Цветовые оттенки чернил, которыми написаны мемуары, начинают меняться на 88-й странице и далее становятся темнее, а еще ранее (на С. 51) заметно присутствие текста, написанного разным почерком [2, с. 51, 88].

(4) Пояснения относительно более точной даты написания мемуаров О. И. Меницкой см. в наших комментариях выше.

(5) *Стремоуховы* – дворянский род, происходящий, по сказаниям старинных родословцев, от гречанина Александра Афанасья Строматороса-Стромаухова, выехавшего в 1462 г. из Царьграда к великому князю Василью Васильевичу [Биографический словарь Академике. Стремоуховы. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/12298>. Дата обращения: 25.12.2016]. Судя по предметам, изображенным на гербе дворянского рода Стремоуховых (рыцарский шлем, три перекрещенные стрелы, кривая сабля), их деятельность была тесно связана с военной службой [Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Герб рода Стремоуховых. URL: <http://gerbovnik.ru/arms/319.html> Дата обращения: 25.12.2016]. Один из потомков этого рода, Дмитрий Стремоухов, офицер Главного управления путей сообщения и публичных зданий (ГУПС, к 1834 г. он дослужился до майора), возглавил в начале XIX в. строительную комиссию в г. Ярославле, которая занималась в т. ч. и строительством набережных и дамб [4, с. 67]. Другой Стремоухов, Николай Петрович (род. 29 августа 1861 г.) в 1888 г. окончил АГШ, 22 января 1915 г. был произведен в генерал-лейтенанты, а с 1918 г. служил в «белых» Вооруженных силах Юга России у генерала А.И. Деникина. Скончался Н.П. Стремоухов 8 декабря 1938 г. в г. Загребе (Югославия) [Картотека *Лихотворика* А.А. Стремоухов Николай Петрович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=223>. Дата обращения: 24.12.2016]. О сроке окончания последним АГШ см. также: 5? с. 24].

(6) Потомственные дворяне *Бизюкины* играли заметную роль в экономической, общественной и культурной жизни Опочецкого уезда Псковской губ. В «Памятных книжках Псковской губернии» упоминается имя инженер-поручика Николая Дмитриевича Бизюкина (его-то и упоминает О.М. Меницкая-Зоммар в своих мемуарах ниже. [См.: 2, с. 4]) – члена Опочецкого уездного попечительского комитета по тюрьмам. В 1856 г. штабс-капитан Н.Д. Бизюкин командует дружиной № 195 Подвижного Государственного ополчения. В 1859 г. инженер-капитан Н.Д. Бизюкин проживал в с. Олисово и владел деревнями Синеникольской волости Опочецкого уезда Псковской губ. За ним числилось 211 душ крестьян [Кто они – Бизюкины // Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. URL: <http://museums.pskov.ru/pskovoldmodern/konov/bizyukin>. Дата обращения: 25.12.2016].

(7) Другой вариант фамилии – «Зоммер». Отец Ольги Михайловны – *Михаил Карлович Зоммер* род. 13 декабря 1841 г. Окончил Павловский кадетский корпус и АГШ по 2-му разряду. В 1863 г. участвовал в подавлении мятежа в Польше. К 14 ноября 1896 г. дослужился до генерал-майора; 6 февраля 1896 г. был назначен командиром 2-й бригады 17-й пехотной дивизии [Зоммер Михаил Карлович // РИА. URL: <http://regiment.ru/bio/Z/51.htm>. Дата обращения: 25.12.2016].

(8) *Бестужевские курсы* – неофициальное название Петербургских высших женских курсов, дававших русским женщинам университетское образование. Курсы были основаны в 1878 г. как общественное учебное заведение в составе трех отделений: словесно-исторического, физико-математического и естественного. Значительную роль в их организации сыграл т.н. «триумвират» – Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.П. Философова. Официальным учредителем и первым директором был К.Н. Бестужев-Рюмин (по его фамилии названы курсы). Срок обучения – 3 года, с 1881 г. – 4 года. Несмотря на то что значительная часть женщин, обучавшихся на курсах, не ставила своей задачей получение профессии, а предполагала преимущественно повысить свой культурный уровень, кажется крайне сомнительным, чтобы жена офицера, проживавшая в конце 1870-х гг., как следует из дальнейшего текста мемуаров, на западных границах империи и имевшая уже несколько детей, могла отправиться в столицу на курсы на целых два года. Тем более, в воспоминаниях ничего не говорится об отъезде матери из имения в Псковской губернии в С.-Петербург на значительный срок. Возможны два объяснения подобного разночтения: либо автор имеет в виду какие-то другие курсы, например, Курсы ученых акушеров (Женские врачебные курсы), действовавшие с 1872 г., либо мать могла учиться в С.-Петербурге на Бестужевских курсах где-то между 1889 и 1891 гг., пока ее дочь получала образование на курсах новых языков, также расположенных в столице [См.: 6; https://readtiger.com/wkp/ru/Высшие_женские_курсы. Дата обращения: 25.12.2016].

(9) Согласно законам Российской империи возраст брачного совершеннолетия мужчин составлял 18 лет, а женщин – 16 лет. Вместе с тем епархиальным архиереям было предоставлено право «в необходимых случаях разрешать браки, по личному своему усмотрению, когда жениху или невесте недостает не более полугода до узаконенного на сей случай совершеннолетия» В то же время по каноническим нормам всех христианских религий брачное совершеннолетие наступало значительно раньше минимума, определенного государством. Например, у православных оно устанавливалось согласно гл. 50 «Кормчей книги» для жениха в 15, а для невесты в 12 лет, а по указу Синода от 17 декабря 1774 г. – соответственно в 15 и 13 лет. Разноречие канонических и правовых норм приводило к разным последствиям для судьбы брака в случае нарушения тех или других. Если не соблюдались правила церковного канона, то заключенный брак признавался незаконным и недействительным, а вступившие в него лица подлежали обязательному разлучению. Если же венчались супруги, «достигшие церковного, но еще не достигшие гражданского совершеннолетия», то они не разлучались, а последствием нарушения могло быть только взыскание с тех, кто совершил обряд венчания, с родителей или опекунов, а также и с самого несовершеннолетнего брачующегося [См.: 7].

(10) Так в тексте мемуаров. В наивном сознании женщины, хотя и выросшей в военной среде, офицерский чин «капитана», видимо, просто сливается с должностью, которую на раннем этапе своей карьеры по Генштабу, как правило, получали выпускники АГШ – «штаб (или – обер-) – офицер для поручений» или – «старший адъютант» при штабах войсковых соединений или учреждений [См., например: 5, с. 120–154].

(11) В наше время Олисово – деревня в Чагодощенском районе Вологодской области URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE_%28%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29 (Дата обращения: 25.12.2016).

(12–13) В третьей четверти XIX в. в значительной части дворянских семей сохранилась существовавшая еще с крепостных времен традиция полностью пере-

давать своих детей на попечение няnek и прочей прислуги. Только с 50-х гг. XIX в. можно выделить небольшую (но постоянно растущую) группу дворян-родителей (как отцов, так и матерей), которые сами занимались своими детьми, даже младенцами. Передав детей прислуге, матери мало контролировали ее деятельность и в подавляющей массе случаев няни осуществляли уход за детьми, исходя исключительно из собственных представлений о «санитарии» и «способах оздоровления». Организация присмотра становилась результатом значительного опыта, полученного женщиной в ходе «выращивания» собственных (т. е. крестьянских) детей, а уровень ее подготовленности и квалификации определялся количеством выживших из них. Вполне обычным было и то, что в случае временного отсутствия няни ее обязанности брала на себя не мать детей, а какая-либо другая прислуга, в данном случае кухарка [См.: 8].

(14) Общеимперское гражданское право предусматривало полную раздельность имущества супругов. Все имущество жены и даже приносимое ею в дом мужа приданное официально рассматривались как ее единоличная собственность. Практика же демонстрировала причудливые сочетания самых разных имущественных взаимодействий супругов, от полной реализации принципа раздельности, даже в рамках фактически единого дома, до всевластия одного из них в «неприкосновенном» имении другого. В обыденной жизни разные социальные группы, в том числе и дворяне, традиционно разделяли предоставляемое семьей невесты накануне свадьбы имущество на три части, по праву собственности на него. Исключительные права жены признавались лишь за той частью приданного, которая включала ее личные вещи, прежде всего одежду и белье. Входившие в состав приданного имение и предметы быта, как правило, рассматривались и передатчиками, и получателями, как общее владение супругов. Денежные средства поступали к мужу [См.: 9–13].

(15) Сегодня это: деревня Стрелицы Бежаницкого района Псковской обл. (Стрелицы. URL: <http://www.bankgorodov.ru/place/inform.php?id=99155>. Дата обращения: 25.12.2016).

(16) Родовым имуществом в Российской империи считалось то, которое было получено по законному наследству или в приданное (как часть наследственной доли) от других родственников, а также «дошедшие от первого их приобретателя хотя и по духовному завещанию, но к такому родственному лицу, которое имело бы по закону право наследования». Такое имущество не могло подлежать свободному завещанию и распределялось лишь в соответствии с условиями законного наследования. Ближайшими наследниками умершего в данном случае считались его нисходящие, преимущественно мужского пола, т. е. после смерти отца или матери имение переходило к их сыновьям, а в случае отсутствия их всех, или одного из них, по праву представления – к внукам или правнукам. Сыновья должны были делить наследство поровну, предварительно выделив «указанные части» оставшемуся в живых супругу умершего ($1/7$ долю недвижимого и $1/4$ долю движимого имущества), а также его дочерям ($1/14$ часть недвижимого и $1/8$ часть движимого имущества каждой). Благоприобретенное – все движимое имущество и денежные капиталы, а также недвижимое, но купленное, полученное в дар не от членов своего рода, выслуженное, «собственным трудом и промыслом нажитое» и т.д. имущество. Оно, наоборот, могло завещаться совершенно свободно, причем никаких норм по ограничению распоряжений владельца, например обязательной доли в пользу наиболее близких родственников, не существовало [См.: 14, ст. 396–399; 7].

(17) В наши дни Остров – третий по величине город Псковской области после Пскова и Великих Лук. URL: <http://redigo.ru/geo/Europe/Russia/poi/6244>. Дата обращения: 24.12.2016).

(18) Деревня Тиханово существует и сегодня в Псковской обл. Опочецкий район (д. Тиханово, р-н Опочецкий на карте Псковской области. URL: http://postid.ru/pskov/index.php?url=view_addr_list&lvl=sity&id=4762. Дата обращения: 24.12.2016).

(19) Детские сады появляются в Российской империи во второй половине XIX в. как образовательные учреждения для детей представителей привилегированных слоев общества (первый платный детский сад был открыт 1859 г. в Гельсингфорсе, а второй – в Санкт-Петербурге в 1863 г.). К в 1874 г. в России насчитывалось уже 56 детских садов, причем более половины из них располагались в Петербургском (14), Московском (9) и Рижском (8) округах. В эти учреждения принимали детей в возрасте от 3–4 до 8–9 лет. Плата была довольно значительной и составляла от 50 до 80 р. в год. При приеме предъявлялось свидетельство врача о состоянии здоровья ребенка и о прививке от оспы. Занятия велись с 10 до 14 час. В соответствии с идеями немецкого педагога Ф. Фребеля, детские сады были нацелены на социализацию детей, их физическое и нравственное воспитание в обществе сверстников, в процессе игр и иных занятий, подходящих по возрасту, а также эти учреждения были призваны содействовать подготовке детей к дальнейшему обучению в средней школе [См.: 15].

(20) *Энгельгард Александр Николаевич* (21.07 (02.08). 1832 – 21.01 (02.02) 1893) – русский публицист, ученый агрохимик. По окончании Михайловской артиллерийской академии (1853) служил в Петербургском арсенале. Организовал первую в России публичную химическую лабораторию (1857), издавал первый отечественный химический журнал («Химический журнал Н. Соколова и А. Энгельгардта», 1859–60). В 1866–1870 г. – профессор химии Петербургского земледельческого института. За распространение среди студентов демократических идей был в 1870 г. арестован и выслан под надзор полиции в с. Батищево, где создал образцовое хозяйство и школу для подготовки «интеллигентных землевладельцев». Автор знаменитых писем «Из деревни», дающих описание пореформенного помещичьего и крестьянского хозяйства [См.: 16].

(21) Город Опочка сегодня – административный центр Опочецкого района Псковской обл. (Опочка. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0>. Дата обращения: 24.12.2016).

(22) Во второй половине XIX в. во многих дворянских домах, особенно живших в деревне, присутствовали вдовые или незамужние родственницы (нередко очень дальние), выполнявшие функции экономки и/или гувернантки, но не получавшей за свой труд зарплату, а служившей за кров и стол. Помимо такого содержания, они могли еще рассчитывать на одежду (или деньги на ее приобретение) и небольшие подарки на праздники. Тяжелое материальное положение, в котором оказались представители первенствующего сословия в результате отмены крепостного права и мирового аграрного кризиса 1880-х гг., способствовало росту заинтересованности значительной части обедневших дворянок в данном труде. Бескорыстное служение их строилось, как правило, на двух основах. С одной стороны, постепенно сформировавшейся глубокой привязанности к «своей семье», усугубленной пониманием важности выполняемых ими в доме функций, без чего домашние во главе с хозяином «точно пропадут», а с другой – на очевидной безальтернативности существующей жизненной стратегии, заменой которой могла стать только богадельня [См.: 17].

(23) На протяжении второй половины XIX в. постоянно росла численность дворянских детей, получавших среднее образование в специализированных учебных заведениях, и соответственно, сокращалось число находившихся на домашнем обучении. К концу столетия в провинциальных губерниях получал домашнее образование только каждый третий дворянский ребенок, а в столичных – каждый пятый. Отправляя детей учиться, родители, прежде всего должны были решить вопрос об организации проживания школьников, когда учебное заведение находилось на достаточном расстоянии от постоянного места жительства семьи. Если дети изначально не поступали в зарытые государственные учебные заведения, число которых было невелико, а места в них, как правило, предоставлялись сиротам и детям из многодетных и малоимущих дворянских семей, то учащиеся могли поселить у родственников, в пансионе, организованном при учебном заведении, на квартире учителей и, наконец, у совершенно посторонних людей, зарабатывавших предоставлением школьникам крова и стола. Соответственно, и подход лиц, взявших на временное попечение детей к выполнению своих обязанностей, мог быть совершенно различным: либо просто обеспечение нуждающихся жильем, но без особого контроля над их жизнью, деятельностью, соблюдением гигиенических норм и пр., либо специально организованное совместное проживание, с тем, чтобы «постоянная совместная жизнь детей с учительским персоналом создала из школы большую семью, где полная свобода ребенка тесно слилась с строгим семейным режимом». Автор воспоминаний проживала в здании школы, но на квартире начальницы учебного заведения, которая вместе с тем приходилась девочке родственницей. В этой связи мать мемуаристки была уверена, что ее дочь будет находиться «в хорошей обстановке под надежным присмотром». Однако на деле это особое положение мало отражалось на условиях жизни школьницы, находившейся в тех же санитарно-гигиенических и педагогических условиях, что и другие пансионерки заведения [См.: 18–19].

(24) Вопрос о возможности работы для беременных учительниц был во второй половине XIX в. не только предметом пересудов коллег, но и темой обсуждения государственных инстанций. Борьба за «приличие» вызывала со стороны школьных начальников отдельных территорий полный запрет на службу в образовательных учреждениях замужних женщин. Так, работающие в петербургских начальных школах обязаны были заблаговременно заявить о своем планируемом замужестве в городскую думу и подать прошение об отставке. Беременность же девушки-учительницы означала обязательное удаление ее от должности «за не совсем безупречное поведение». Так как упомянутая в тексте мемуаров начальница заведения сама состояла в браке, то уволить свою подчиненную с выходом замуж она не могла, а других законных причин для ее отставки не находила... [См.: 7].

(25) Видимо речь идет о лейб-медике Якове Васильевиче Виллие. Его биографию см. напр.: Российской некрополь. URL: <http://necropol.org/villie.html>. Дата обращения 25.12.2016).

(26) Должность начальника Чугуевского пехотного юнкерского училища М. К. Зоммер занимал с 4 июня 1882 г. – до 10 мая 1888 г. (Зоммер Михаил Карлович // РИА. URL: <http://regiment.ru/bio/Z/51.htm>. Дата обращения 25.12.2016).

(27) Сегодня Швянчёнис (лит. *Švenčionys*, белорус. *Свенцяны*) – город на востоке Литвы, в 84 км к северо-востоку от Вильнюса; административный центр Швянчёнского района. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B2%D1%8F%D0%BD%D1%87%D1%91%D0%BD%D0%B8%D1%81> (Дата обращения: 25.12.2016).

(28) Здесь подразумевается, видимо, полковник Михаил Ильич Бибииков, командовавший 157-м пехотным Имеретинским полком Русской императорской армии с

16 июля 1878 г. до 21 сентября 1887 г. URL: 157-й пех. Имеретинский полк. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_157-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B%D0%BA#.D0.9A.D0.BE.D0.BC.D0.B0.D0.BD.D0.B4.D0.B8.D1.80.D1.8B_.D0.BF.D0.BE.D0.BB.D0.BA.D0.B0

(29) Полковник Михаил Карлович Зоммер командиром 97-го пехотного Лифляндского полка был назначен 30 декабря 1889 г. (Зоммер Михаил Карлович. URL: <http://regiment.ru/bio/Z/51.htm>. Дата обращения: 25.12.2016). На указ. срок и на период, включая Первую мировую войну, названный полк входил в состав 1-й бригады 25-й пехотной дивизии, квартировавшей на 1 января 1909 г. в г. Двинске [20, с. 282–283; 21, с. 491].

(30) Женские курсы новых языков были открыты М.М. Бобрищевой-Пушкиной в С.-Петербурге в 1889 г. Задачей учебного заведения являлась подготовка преподавательниц иностранных языков, а также русского языка. Помимо языков в учебном заведении преподавались история, литература, преимущественно западноевропейская, а также изящные рукоделия (выжигание по дереву, рисование по фарфору и проч.) (См.: https://readtiger.com/wkpr/ru/Высшие_женские_курсы. Дата обращения: 25.12.2016).

(31) Речь идет о 1891 г.

(32) В последней трети XIX в. всем офицерам запрещалось вступать в брак до достижения ими 23 лет. Не достигшие же 28 лет, могли получить разрешение начальства на женитьбу не иначе, как по представлении имущественного обеспечения. Такое обеспечение могло быть собственностью жениха, невесты, или обоих вместе, состоять как из недвижимой собственности, так и из процентных бумаг всех родов, принимаемых казной в залоги вообще и приносить чистого годового дохода не менее 250 р. Соответствующие документы полагалось хранить в полковых ящиках или в других местах хранения казенных сумм, до достижения офицером 28 лет, выхода его в отставку или прекращения брака, (если последние два обстоятельства наступали ранее достижения им необходимого возрастного рубежа). Таким образом, указание в мемуарах возраста жениха имеет принципиальное значение – только достигнув 28 лет, офицер получал материальную возможность свободно жениться, правда если его невеста соответствовала обязательному требованию благопристойности, которому юная дочь полковника очевидно отвечала [См.: 22–23].

(33) В тексте, видимо, опечатка. Скорей всего, имеется в виду должность председателя офицерского суда чести.

(34) В 1891–1892 гг., о которых в данном отрывке повествует О.М. Меницкая, среди начальников 25-й пехотной дивизии генерала с фамилией и инициалами «Турбин Н.М.» не было. С 29 сентября 1888 г. – после 1 января 1891 г. и на срок не позднее 8 апреля 1896 г. – дивизией командовал генерал-лейтенант (с 1891 г. – генерал от инфантерии) *Евфимий Яковлевич Офросимов*. Страдал ли престарелый генерал Офросимов обильным потоотделением, нам сказать сложно, однако в описываемое время он явно перешагнул брачный возраст: в 1891 г. ему уже стукнуло 65 лет, а 7 июля 1896 г. он вообще ушел в мир иной (URL: <http://bsenc.ru/274/924202-25-ya-pehotnaya-diviziya-rossiya.html>; Генералитет Российской Императорской армии и флота. URL: http://www.rusgeneral.ru/general_o1.html. Дата обращения: 26.12.2016).

(35) По всей вероятности, речь идет о 3-м гусарском Елизаветградском полку (на 26 июня 1885 г. – 24 октября 1892 г. – 9-й драгунский), входившим на начало 1890-х гг. вместе с 25-й пех. дивизией в состав 3-го арм. корпуса (штаб-квартира

располагалась в г. Вильно) (3-й армейский корпус. Российская империя. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/3-%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81_\(%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F](https://ru.wikipedia.org/wiki/3-%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81_(%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F). Дата обращения: 26.12.2016). А вот полковник Виктор Егорович «Норд» (О.М. Меницкая дает его фамилию почему-то в кавычках, точно какую-то кличку. [См.: 2, с. 62]) – совершенно реально существовавший персонаж. На лето 1892 г. он как раз и командовал 9-м драгунским Елизаветградским полком (Подробнее см.: 24, с. 13–14).

(36) Во второй половине XIX в дворянской среде произошло кардинальное изменение взгляда на заключение брака. Характеризуя произошедшую в этой сфере эволюцию, необходимо выделить следующие этапы. Первый – до середины 1860-х гг. – был ознаменован преобладанием брака по сговору, заключаемого при значительном участии родителей, с минимальным учетом личных пристрастий молодых людей, особенно девушек. Во второй период – середина 60 – первая половина 70-х гг. XIX в. – возросла возможность заключения брака по свободному выбору, однако такая возможность нередко использовалась дворянками как средство достижения независимости в рамках фиктивного супружества. Третий период, начальной границей которого является конец 1870-х гг., связан с формированием в дворянской среде идеала супружеского союза, основанного исключительно на свободном выборе и чувстве любви. В конце века недовольные выбором детей (как и отец – мемуаристы) родители все что могли сделать – это пытаться отговорить молодых от брака, наконец страдать, лить слезы, но вынуждены были соглашаться с желанием детей (даже дочерей) [См.: 7].

(37–38) К середине 80-х гг. XIX в. практически все дворянские дети появлялись на свет дома (в усадьбе), но при помощи квалифицированных специалистов. В большинстве своем это были дипломированные повивальные бабки и акушерки, и очень редко, и только в крупных городах – врачи. Как правило, акушерка заранее приезжала в усадьбу и оставалась в ней в течение недели-двух после родов. В городе с акушеркой договаривались заранее, но приглашали в дом уже при начавшихся родах. Она находилась в семье день-два, а затем ежедневно навещала своих подопечных 2–3 недели. Доктора, обычно, вызывали только в особо сложных случаях. Наиболее обеспеченные столичные дворяне приглашали и акушерку и врача, при этом если первая находилась при роженице несколько дней, то второй – не более 3–4 часов. К концу XIX столетия в дворянской среде сформировалось твердое убеждение в необходимости *личного* участия родителей, особенно матерей, в вскармливании младенцев и уходе за ними. Вскармливание материнским молоком однозначно воспринималось как один из важнейших факторов жизни новорожденного, позволяющий устанавливать «тесную связь матери с ребенком». Поэтому кормилица могла быть взята только в том случае, если состояние здоровья матери внушало опасение. Наличие же в семье няни не снимало с дворянки-матери признаваемой обществом обязанности самой мыть, пеленать, кормить и т. д. своего ребенка [См. 8; 25–26].

(39) Проблема прислуги является обязательной темой дневников и, как видим, воспоминаний дворянок. Хозяйки находились в постоянном поиске «хорошего» варианта. Главное противоречие заключалось в том, что умелая прислуга стоила дорого и предпочитала работать по узкой специальности, т. е. либо няней, либо кухаркой, либо горничной и отказывалась совмещать эти функции. Дешевая же ничего особо не умела, требовала постоянного надзора и помощи, но ее можно было подключать ко всем домашним делам. Мемуаристка использовала второй

вариант причем, так как поскольку она сама привезла прислугу в Петербург, то могла платить ей меньше, чем если бы наняла деревенскую неумеху в самой столице империи. На конец XIX столетия в крупных городах страны только что пришедшая из деревни прислуга брала за свой труд – ок. 6 р. в месяц, опытная кухарка – до 12 р., а няня, взятая к нескольким разновозрастным детям – до 20 р. [См.: 17].

(40) В последней трети XIX – начале XX в. в российском обществе широко обсуждалась «эпидемия» сифилиса, охватившая русскую деревню. Волновали и другие широко распространенные среди населения болезни – малокровие, чахотка, инфекции. Это обстоятельство стало важным фактором отказа дворян от кормилиц. Опасаясь заразить всю семью и навредить ребенку, родители были вынуждены тщательно освидетельствовать каждую претендентку, и поиски подходящей кандидатуры могли затянуться на месяцы. Поэтому в случае, когда врачи запрещали матери кормить самой, многие дворяне предпочитали не тратить время, силы и деньги на поиски подходящей кормилицы (даже если семья была вполне обеспеченной), а применяли искусственное вскармливание, используя либо кипяченое, стерилизованное или пастеризованное коровье (козье) молоко, либо – с 90-х гг. XIX в. – специальные питательные смеси [См.: 15; 26–27].

(41) *Иосиф Иванович Меницкий* окончил АГШ в 1897 г., по 1-му разряду (Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 16; Список лиц с высшим общим военным образованием. М., 1923. С. 146; Картотека *Лихотворика А.А. Меницкий Иосиф Болеславович-Иванович*. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=929>. Дата обращения: 26.12.2016), однако к Генштабу причислен не был. По крайней мере, его фамилии в списках Генштаба, составленных на 1914 и 1917 гг., нет. По окончании АГШ И. Меницкий, получивший чин капитана за отличие по службе, состоял при штабе Виленского военного округа [28, с. 96; Картотека *Лихотворика А.А. Меницкий Иосиф Болеславович-Иванович*].

(42) *Иванов Владимир Степанович* – род. 25 июня 1870 г. в г. С.-Петербурге. В 1890 г. окончил Николаевское инженерное училище, а в 1897 г. – АГШ с последующим причислением к Генштабу. По окончании академии состоял при штабе Виленского военного округа. В «добольшевицкой» армии дослужился до генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии (Северный фронт), генерал-майор. После развала бывшей императорской армии В. С. Иванов последовательно сменил трех «хозяев» (украинская гетманская армия П. П. Скоропадского, «белые» Вооруженные силы Юга России и даже – армянская национальная армия) пока, наконец, не оказался в большевицком лагере. Не позднее 16 марта 1922 г. он занимал в Красной армии должность частного преподавателя 13-х Бакинских пехотных командных курсов. На 18 июля 1914 г. – женат, имел двоих детей [См.: (29, с. 311; 5, с. 59; 31, с. 521). В справочнике В.В. Каминского, одного из авторов настоящей публикации, будет представлена значительно более подробная биография В.С. Иванова].

(43) *Вальтер Ричард-Кирилл Францевич* – род. 15 октября 1870 г. Окончил Александровский кадетский корпус и Николаевское инженерное училище (последнее – в 1891 г.). В 1897 г. окончил АГШ по 1-му разряду. Участник Первой мировой войны, во время которой был награжден Георгиевским оружием. В «добольшевицкой» армии дослужился до начальника штаба армий Западного фронта, генерал-лейтенант. Успел послужить и большевицкому режиму: приказом Наркомата по военным делам от 16 апреля 1918 г. за № 272 он был назначен военным агентом в Берлине. В мае-июне 1918 г. – член Советской дипломатической миссии в Германии. На конец лета – 6 сентября 1918 г. – военный агент большеви-

ков в Германии; «остаётся как командированный существующим (т. е. ленинским – В.К.) правительством». Служил в армии А.В. Колчака, однако подробностей такой службы не обнаружены. С крахом «колчаковщины» эмигрировал в Шанхай. Скончался в Шанхае в январе 1945 г. На 18 июля 1914 г. был женат, имел троих детей [См.: 32. Л. 67; 33, Л. 111; 34, с. 244; 35, с. 31; 36, с. 26; 29, с. 248; 30, с. 33; Картотека *Лихотворика* А.А. Вальтер Ричард-Кирилл Францевич. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=993>. Дата обращения: 26.12.2016]. В справочнике В.В. Каминского, одного из авторов настоящей публикации, биография Р.-К. Ф. Вальтера будет представлена более подробно].

(44) Использование денщиков в качестве домашней прислуги было широко распространено в русской армии второй половины XIX – начала XX в. Вопрос о недопустимости превращения нижних чинов в бесплатных нянек, кухарок и горничных (женские названия домашней прислуги должны были дополнительно подчеркнуть то унижительное положение, в котором оказывались солдаты, вынужденные прислуживать в домах офицеров) постоянно обсуждался в «демократической» печати. Эта тема активно использовалась для дискредитации офицерского корпуса и армии в целом, особенно в период первой русской революции [См.: 37–38].

(45) К началу XX в. не только самостоятельное вскармливание, личное участие в уходе за маленькими детьми и подготовка к школе дошкольников, но и умение самой приготовить кушанья на различный случай становится широко поддерживаемым и одобряемым обществом качеством замужней дворянки. Гигантскими тиражами выходят кулинарные книги. То, что для тысяч обедневших представительниц привилегированного сословия являлось вынужденной реальностью, преподносилось в общественном мнении как добровольный выбор каждой «достойной жены и матери». Поддавшись общему ажиотажу, даже вполне обеспеченные дворянки проводили часы на кухне, осуществляя свои кулинарные эксперименты с тем, чтобы несколько раз в месяц поразить своих гостей невероятными блюдами собственного приготовления. Характерно при этом, что девушек не готовили ни к обязанности матери, ни к обязанности хозяйки, и они должны были осваивать все необходимые в домашнем быту знания уже после выхода замуж, преимущественно используя специализированную литературу, популярные курсы по домоводству и советы более опытных подруг [См.: 39].

(46) Возможно, имеется в виду *Константин Прокофьевич Отрыганьев* – род. 5 апреля 1861 г. В 1882 г. окончил Тифлисское военное училище. С 1 апреля 1894 г. – ст. адъютант штаба 41-й пех. дивизии; на указ. срок – поручик или штабс-капитан. 16 марта 1915 г. умер от ран в германском госпитале в г. Гольдап. Посмертно высочайшим приказом от 10 июня 1915 г. награжден Георгиевским оружием и производством в чин генерал-майора – 5 августа 1917 г.). На 1903 г. штаб 41-й пех. дивизии располагался в г. Витебске (Вильновский военный округ), где и проживало семейство Меницких. Однако о замещении К.П. Отрыганьевым к.-л. хозяйственной должности в указанном штабе ничего неизвестно [Картотека *Лихотворика* А.А. Отрыганьев Константин Прокофьевич. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2909> 41-я пех. дивизия. Россия. – URL: <http://bsenc.ru/274/983718-41-ya-pehotnaya-diviziya-rossiya.html>. Дата обращения: 26.12.2016].

(47) *Александр Прохорович Шевцов* (1853–1918) во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) будучи в чине генерал-лейтенанта, командовал 30-й пехотной дивизией, в которой на то же время должность начальника штаба занимал супруг О.М. Меницкой – И.И. Меницкий [Картотека *Лихотворика* А.А. Меницкий Иосиф Иванович; Первая мировая война. 30-я пехотная дивизия (Россия). – URL: <http://nutidig.ru/w/30-ya-pehotnaya-diviziya-rossiya>. Дата обращения: 26.12.2016].

(48) С 16 июля по 28 сентября 1904 г. И.И. Меницкий занимал должность начальника штаба 2-го окружного отдельного корпуса пограничной стражи [Карто-тека *Лихотворика А.А.* Меницкий Иосиф Иванович].

Список литературы

1. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. – 736 с.
2. Тетрадь воспоминаний Ольги Михайловны Меницкой (Зоммар) // Личный архив семьи Меницких.
3. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: Весь мир, 2000. – 294 с.
4. Дутов Н.В. Которосльская набережная // Губернский город. – 2011. – Окт.
5. Список Генерального Штаба (исправлен по 3-е января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). – Пг., 1917.
6. Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Исследования и материалы: моногр. – СПб.: Диада-СПб, 2003. – 352 с.
7. Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Европейский дом, 2009. – 684 с., илл.
8. Верременко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. История. – № 3. – С. 18–31.
9. Казимир А.Ф. Об отношениях супругов по имуществу. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1884. – 78 с.
10. Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву семейному и наследственному. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1877. – 499 с.
11. Победоносцев К. Курс гражданского права. Ч. 2. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1875. – [4], X, 687 с.
12. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. – Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1910. – XII, 352 с.
13. Шменин Э. Личные и имущественные отношения супругов // Журн. гражданского и уголовного права. – 1893. – № 6. – С. 1–63.
14. Свод Законов Российской империи. Т. X. Законы Гражданские. – СПб.: Тип. Второго отделения С.Е.И.В.К, 1876.
15. Верременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с., илл.
16. Энгельгардт А. Письма из деревни (1872–1887 гг.). – М.: Наука, Рос. академия наук, 1999. – 286 с.
17. Верременко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». – 2013. (21). – С. 241–273.
18. Верременко В.А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 8 (61). – С. 33–36.
19. Верременко В.А. Пансионы в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 33–39.
20. Общий Список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1 января 1909 г. – СПб., 1909.
21. Залесский К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники: биограф. энцикл. слов. – М.: Вече, 2000.

22. О браках офицеров. Действующие статьи кн. VII Св. В.П. 1869 года с последующими дополнениями, объявленными в приказах по Военному Ведомству и цирк. Главн. Штаба. – СПб., 1903.

23. Верременко В.А. Проблемы внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 157–164.

24. Воронов А.В. Ольгины гусары. 3-й Гусарский Елисаветградский Ея Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны Полк. 1764–1864. Страницы полковой истории. – М.: Рейтар, 1999. – 95 с.

25. Верременко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 3. – С. 138–144.

26. Мицюк Н.А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. – Смоленск: Смолен. гор. тип., 2015. – 384 с.

27. Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков / пер. с англ. – М.: Терра, 1996. – 571 с.

28. Список полковникам по старшинству, сост. по 1 марта 1914 г. с указанием главнейших перемен по прибыли и убыли полковников, происшедшие за время печатания списка с 1 марта по 15 июля 1914 г. – Петроград, 1914.

29. Список Генерального Штаба, исправлен по 1 июня 1914 г. с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г. – Петроград, 1914.

30. Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в рабоче-крестьянской Красной Армии: сост. по данным к 1-му марта 1923 г. [Л.], [1923]. – 261 с.

31. Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921 рр.). Кн. 1. Київ, 2007.

32. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 6. Д. 96.

33. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125.

34. Алексеев М.А. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. – 398 с.

35. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г. 26 марта.

36. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916 г. 7 ноября.

37. Пельмен (Завьялов А.) Среди военных (Дневник). – СПб.: Вперед, 1907. – 32 с.

38. Верременко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4. История. – № 1. – С. 181–191.

39. Верременко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-ию Русской революции 1917 г.): сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 315–323.

References

1. Kaminskij V.V. Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii [The graduates of the Nicholas Academy of the General Staff serving in the red Army]. – SPb.: Aletejya, 2011. – 736 s.

2. Tetrad' vospominanij Ol'gi Mihajlovny Menickoj (Zommar) [Notebook memoirs of Olga Mikhaylovna Minicoy (Sommer)] // Lichnyj arhiv sem'i Menickih [Personal archive of a family Menisci].
3. Tosh Dzh. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika [The pursuit of truth. How to master the art historian]. – M.: Ves' mir, 2000. – 294 s.
4. Dutov N.V. Kotorosl'naya naberezhnaya [Kotorosl'naya Naberezhnaya] // Gubernskij gorod [Provincial city]. – 2011. – Oktyabr'.
5. Spisok General'nogo SHtaba (ispravlen po 3-e yanvaryu s prilozheniem izmenenij po 8 fevralya 1917 g.) [A list of the General Staff (fixed on the 3rd of January with app of the changes on 8 Feb 1917)]. – Petrograd, 1917.
6. Vahromeeva O.B. Duhovnoe prostranstvo Universiteta. Vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy (1878–1918 gg.): Issledovaniya i materialy. (Monografiya) [The spiritual space of the University. Higher women's (Bestuzhev) courses (1878–1918.): Studies and materials. (Monograph)]. – SPb.: Diada-SPb, 2003. – 352 s.
7. Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). 2-e Izd., ispr. i dopoln. [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries). Ed 2-e., ISPR. and more.]. – SPb.: Izd-vo «Evropejskij dom», 2009. – 684 s., ill.
8. Veremenko V.A. Uhod za det'mi rannego vozrasta v dvoryanskijh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Care of infants in noble families in Russia in second half XIX – early XX centuries] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2012. – T. 4. Istorija. № 3. – S. 18–31.
9. Kazimir A.F. Ob otnosheniyah suprugov po imushchestvu [About the relationship of the spouses on property]. – SPb.: tip. M-va put. soobshch. (A. Benke), 1884. – 78 s.
10. Orshanskij I.G. Issledovanie po russkomu pravu semejnemu i nasledstvennomu [The study of Russian law of family and inheritance]. – SPb.: tip. V. Bezobrazova i K, 1877. – 499 s.
11. Pobedonoscev K. Kurs grazhdanskogo prava [The course of civil rights]. CH. 2. – SPb.: tip. M-va put. soobshch., 1875. – [4], X, 687 s.
12. Sinajskij V.I. Lichnoe i imushchestvennoe polozhenie zamuzhnej zhenshchiny v grazhdanskom prave [Personal and property situation of married women in civil law]. YUr'ev: Tip. K. Mattisen, 1910. – XII, 352 s.
13. SHmenin EH. Lichnye i imushchestvennye otnosheniya suprugov [Personal and property relations of spouses] // ZHurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava [Magazine of civil and criminal law]. – 1893. – № 6. – S. 1–63.
14. Svod Zakonov Rossijskoj imperii [The code of Laws of the Russian Empire]. T. X. Zakony Grazhdanskie. – SPb.: Tip. Vtorogo otdelenii S.E.I.V.K, 1876.
15. Veremenko V.A. Deti v dvoryanskijh sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Children in noble families of Russia (second half XIX–beginning of XX centuries)]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – 204 s., ill.
16. EHngel'gardt A. Pis'ma iz derevni (1872–1887 gg.) [Letters from the village (1872–1887 gg.)]. – M.: Nauka, Rossijskaya akademiya nauk, 1999. – 286 s.
17. Veremenko V.A. «Dura v dome» – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskijh sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. [Fool in the house" – female domestic servants in noble families of Russia second half of XIX – early XX centuries] // Al'manah gendernoj istorii «Adam i Eva» [Anthology of gender history "Adam and eve"]. – 2013. (21). – S. 241–273.
18. Veremenko V.A. Osobennosti shkol'nogo byta dvoryan v gosudarstvennyh zakrytyh uchebnyh zavedeniyah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Fea-

tures a school life of nobles in the state of closed educational institutions of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries) // [Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta Bulletin of Cherepovets state University]. – 2014. – № 8 (61). – S. 33–36.

19. Veremenko V.A. Pansiony v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Pensions in Russia in second half XIX – early XX centuries] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2015. – № 3. – S. 33–39.

20. Obshchij Spisok oficerskim chinam Russkoj Imperatorskoj Armii. Sostavljen po 1 yanvarya 1909 g. [General List officer ranks of the Russian Imperial Army. Compiled on January 1, 1909]. – SPb., 1909.

21. Zaleskij K.A. Pervaya Mirovaya vojna. Praviteli i voenachal'niki [The first World war. Rulers and warlords]. – M., 2000.

22. O brakah oficerov. Dejstvuyushchie stat'i kn. VII Sv. V.P. 1869 goda s posleduyushchimi dopolneniyami, ob'yavlennymi v prikazah po Voennomu Vedomstvu i cirk. Glavn. SHtaba [About marriage officers. Existing articles vol. SV VII. V. P. 1869 with later additions, announced in orders by the war Department and the circus. Main. Staff]. – SPb., 1903.

23. Veremenko V.A. Problemy vnebrachnyh semej oficerov i zapasnyh v Rossii nachala XX veka [Problems of non-marital families of officers and replacement in Russia of the early twentieth century] // Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII – XIX vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny): materialy mezhdunar. nauch. konf., 14–16 marta 2014 g. [War and everyday life of the population of Russia XVII–XX centuries (to the centenary of the First world war): proceedings of the international. scientific. Conf. March 14–16, 2014] / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova; otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2014. – S. 157–164.

24. Voronov A.V. Ol'giny gusary. 3-j Gusarskij Elisavetgradskij Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyazhny Ol'gi Nikolaevny Polk. 1764–1864. Stranicy polkovoj istorii [Olgeni hussars. 3rd Elisavetgrad hussar Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Nikolaevna Regiment. 1764–1864. Page regimental history]. – M.: Rejtar, 1999. – 95 s.

25. Veremenko V.A. Organizaciya akusherskoj pomoshchi dvoryankam v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Organization of obstetrical care the noblewomen in Russia in second half XIX – early XX centuries] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2011. – № 3. – S. 138–144.

26. Micyuk N.A. Rozhdenie materi: subkul'tura materinstva v vysshih sloyah obshchestva industrial'noj Rossii [Birth mother: the subculture of motherhood in the higher strata of society of industrial Russia]. Smolensk: Smolenskaya gorodskaya tipografiya, 2015. – 384 s.

27. Engelstein L. Klyuchi schast'ya: Seks i poiski putej obnovleniya Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. [Keys to Happiness: sex and the search for ways of updating of Russia in the XIX – XX centuries] [Per. s angl.]. – M.: Izd. centr "Terra", 1996. – 571 s.

28. Spisok polkovnikom po starshinstvu, sost. po 1 marta 1914 g. s ukazaniem glavnejshih peremen po pribyli i ubyli polkovnikov, proissshedshie za vremya pechataniya spiska s 1 marta po 15 iyulya 1914 g. [The list of colonels by seniority, comp. on March 1, 1914, indicating major changes on profit and loss of the colonels that occurred during the printing of the list from March 1 to July 15, 1914]. – Petrograd, 1914.

29. Spisok General'nogo SHtaba, ispravlen po 1 iyunya 1914 g. s prilozheniem izmenenij, ob'yavlennyh v Vysochajshih prikazah po 18 iyulya 1914 g. [A list of the General Staff, fixed June 1, 1914, with the application of the changes announced in the Higher orders on 18 July 1914]. – Petrograd, 1914.

30. Spisok lic s vysshim obshchim voennym obrazovaniem sostoyashchih na sluzhbe v raboche-krest'yanskoj Krasnoj Armii: Sost. po dannym k 1-mu marta 1923 g. [The list of people with the highest General military education in the service worker-peasant red Army]. according to the 1st March 1923] [L.], [1923]. – 261 s.
31. Tinchenko YA.YU. Officers'kij Korpus Armii Ukrains'koi Narodnoi Respubliki (1917–1921 rr.) [The officer Corps of the Ukrainian Army Narodno Republic (1917–1921)] Kn. 1. Kiiv, 2007.
32. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [Russian state military archive]. F. 11. Op. 6. D. 96.
33. RGVA. F. 11. Op. 6. D. 125.
34. Alekseev M.A. Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II [Military intelligence of Russia from Rurik to Nicholas II]. Kn. I. M., 1998. – 398 s.
35. Vysochajshie prikazy o chinah voennyh [The highest orders on ranks of the military]. 1916 g. 26 marta.
36. Vysochajshie prikazy o chinah voennyh [The highest orders on ranks of the military]. 1916 g. 7 noyabrya.
37. Pel'men (Zav'yalov A.) Sredi voennyh (Dnevnik) [Among the military (Diary)]. – SPb.: Vpered, 1907. – 32 s.
38. Veremenko V.A. Domashnyaya prisluga v dvoryanskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Domestics in the noble families of Russia in second half XIX – early XX century] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. – 2013. – T. 4. Istoriya. № 1. – S. 181–191.
39. Veremenko V.A. Hozyajka na kuhne: adaptacionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvoryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of Russian noble families in the second half of XIX – early XX centuries] // EHkstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-iyu Russkoj revolyucii 1917 g.). Sb. mater. mezhdunar. nauch. konf. [The Extreme in the everyday life of the population of Russia: history and modernity (100-UW Russian revolution of 1917). SB. mater. Intern. scientific. Conf.] / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. – S. 315–323.

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470+571):316.728
ГРНТИ 03.23. История России

С.В. Зайцева

Рецензия на сборник статей: *Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – 430 p.*

В статье рецензируется сборник статей по истории повседневности России. Материалы, представленные американскими и российскими учеными, рассматривают широкий круг тем в рамках истории, антропологии, литературо- и киноведения и охватывают преимущественно советский и постсоветский периоды истории Российского государства. Исследования, представленные в издании, проведены на основе научных данных, воспоминаний, записей, на материалах художественных и документальных фильмов, художественной литературы. Авторы публикаций анализируют понятия «повседневность», «быт», «частное», «общественное» с позиций подходов различных школ микроистории, регионоведения, семиотики.

Ключевые слова: повседневность, история повседневности, повседневная жизнь в России, быт, частное и общественное, общество, микроистория.

S.V. Zaitseva

Review of the Collection of Articles: *Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – 430 p.*

The article reviewed the collection of papers dedicated to the history of everyday life in Russia. Materials submitted by American and Russian scholars examine a broad range of topics within history, anthropology, literature and film studies and cover mostly Soviet and post-Soviet periods of Russian history. The studies presented in the publication conducted on the basis of scientific data, memories, the fiction and documentary films, literature. The authors analyze the concept of “everyday life”, “povsednevnost”, “byt”, “private”, “public” from the standpoint of the approaches of different schools of microhistory, regional studies, semiotics.

Key words: everyday life, daily life, history of everyday life, daily life in Russia, byt, private and public, society, microhistory.

Данное издание представляет собой сборник статей, основные идеи которых, по словам редакторов, были обсуждены на междисциплинарном семинаре «Повседневная жизнь в России и Советском Союзе» (*Everyday Life in Russia and the Soviet Union*), проходившем в мае 2010 г. в Блумингтоне при поддержке Университета Индианы. В семинаре приняли участие специалисты по исследованиям российской истории императорского, советского и постсоветского периодов из России, Великобритании и Соединенных Штатов Америки [более подробно см.: 1]. По словам составителей, работы, представленные в издании, отражают «интеллектуальную широту наших материалов и наше общее желание выйти за границы принятых установок и стандартной периодизации» [2, р. 1].

Публикации авторов объединены в пять тематических разделов. Первый раздел «Подходы к изучению повседневности» (*Approaches to Everyday Life*) отражает основные научные направления в исследовании повседневной жизни, а также вклад западных и российских ученых в становлении истории повседневности как отдельного направления исторических и социальных исследований.

Неслучайно именно очерк Дэвида Рэнсела открывает данное издание, поскольку автором выделены основные научные подходы к истории повседневности в рамках научных школ и направлений: микроистории, немецкого направления микроистории (*Alltagsgeschichte*), семиотики Ю. Лотмана, регионоведения (*local history*) [см. также: 3].

Дэвид Рэнсел отмечает, насколько данные подходы получили отражение в российской исторической науке и в целом в изучении российской истории. Так, он выделяет ряд современных западных и американских исследований, преимущественно по истории советского периода, а также рассматривает развитие истории повседневности в российской науке, начиная с работ И. Забелина в XVIII в., включая появление исследований в советский и постсоветский периоды. По мнению автора, то, что в настоящее время появляется в России под рубрикой «история повседневности», адресовано широкому кругу читателей и представляет собой переиздания ранних этнографических исследований и литературных публикаций. В большинстве случаев, как отмечает Дэвид Рэнсел, это обычные исторические работы, к которым добавлено наименование «повседневность» для привлечения внимания читателей [4, р. 18]. Самым ярким примером, по мнению автора, является серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества», опубликованная издательством «Молодая гвардия», которая включает более 85 наименований и освещает темы по истории и государственной политике, в том числе в Российском государстве на разных этапах его развития. Тем не менее, автор публикации приводит ряд монографий, которые, по его мнению, способствуют изучению истории повседневности, раскрывая такие темы, как криминальное под-

полье, жизнь в провинции и др.; датируются они не позднее 2011 г. Однако следует отметить, что в последние годы в российской науке появилось большое количество публикаций, научных статей и монографий, касающихся различных аспектов истории повседневности и соответствующих основным критериям данного подхода [см., например, 5; 6; 7 и др.].

По мнению Дэвида Рэнсела, особое внимание стоит обратить на исследования по истории повседневной жизни отдельных регионов, городов, деревень и их жителей. Новые подходы пытаются отразить внутреннюю динамику развития исторических событий на местном уровне. В итоге они либо демонстрируют несовместимость принятых взглядов на макроисторию с поведением на местном уровне и, соответственно, неспособность провести объективное объяснение событий прошлого, либо предлагают вникнуть в сущность власти местных политических сил и проводимого ими выбора, придающего социальным отношениям новую форму таким образом, который модифицирует динамику и развитие на макроуровне. Следовательно, новые научные подходы показывают, как события, явления и их восприятие на местном уровне изменяют наше понимание макроисторических процессов [4, p. 26–27].

Об истории элиты, жизни провинциального дворянства размышляет Мэри Кавендер. Местная элита помогала организовать порядок на местах и управлять отдаленными районами. Большое место в жизни провинциального дворянства исследователь отводит развитию сельского хозяйства в поместьях и распространению агрономических знаний. Каким образом это связано с историей повседневности в рамках обозначенного Дэвидом Рэнселом подхода? Ежедневная полезная работа по ведению хозяйства в сельской местности в восприятии помещиков выступала как значимость всей их жизни не только в их владении, но и за пределами отдельного региона и в целом как полезность государству. Подобное подтверждение значимости частной жизни в поместье, по мнению Мэри Кавендер, помогало местному дворянству осознать важность своего сословия для империи, а в связи с этим и тех законных привилегий, которыми обладало дворянство, в том числе власть над крестьянами. Традиционная роль дворян в рамках службы государству, с этой точки зрения, была расширена и включала частную работу в провинциальных поместьях. К середине XIX столетия, по словам автора публикации, провинциальные дворяне полагали, что сельская местность может стать образцом прогрессивного труда, а не оставаться рассадником лени и паразитизма, если помещики обратят внимание на управление поместьем и крестьянами. Дворяне верили, что мелочные и порочные владельцы, а не сама система крепостного права, представляют угрозу для государства. С

этой точки зрения работа провинциального дворянства укрепляла государственные и социальные интересы [8, р. 47–48].

Автор следующей публикации, О. Шевченко, сталкивается с проблемой определения понятия «повседневность», «повседневная жизнь». По её мнению, подходы к определению данного термина часто связаны с одной из трех взаимосвязанных позиций: ограниченный круг предметов (чаще всего люди, «не имеющие власти»), определенный способ рассмотрения (повседневность как вариант сопротивления), или как произвольно определенный заранее круг тем (таких как досуг, сфера потребления, бытовой уклад и др.). Ни один из этих пунктов, по словам автора, полностью не раскрывает понятие «повседневность» [9, р. 52]. Работая над темой постсоциалистических трансформаций и противодействия власти в российском обществе, О. Шевченко приходит к выводу, что понятие «повседневность» является одновременно слишком узким, и слишком широким.

Насколько понятия «повседневность» и «быт» могут сопоставляться друг с другом для создания нового понимания постсоветской жизни, пытается показать Дуглас Роджерс. Ссылаясь на ряд статей Н.Л. Пушкаревой, автор представляет быт как изображение традиционных народных практик. По его мнению, быт постепенно затмевает повседневность, как это произошло в первом десятилетии XXI в. в Пермском крае: повседневность как неопределенная деятельность сменилась изображением повседневной жизни как средства, которым российские государственные компании и корпорации типа Лукойл-Пермь классифицировали и категоризировали людей и создавали тем самым свою власть и влияние. По словам Дугласа Роджерса, зона повседневности, выразившаяся в 1990-е гг., в частности, в вопросе о том, как выжить и прокормить семью, превратилась в 2000-е гг. в зону быта, нашедшую отражение в нескончаемой серии фестивалей и праздников, отражающих местные культурные различия [10, р. 77]. Инициатива Лукойл-Пермь, направленная на развитие местных промыслов, традиций, туристских центров, помогла компании через культурные проекты улучшить свою репутацию, хотя эти проекты и не смогли сократить значительное неравенство между рабочими Лукойла и другими людьми, не занятыми в компании, а также предотвратить критику Лукойла как организации, наживающейся за счет населения и ресурсов Пермского края. Таким образом, быт и повседневность не исчезают, а переплетаются друг с другом.

В статьях следующего раздела «Общественные идентичности и общественное пространство» (*Public Identities and Public Space*) речь идет о том, как под воздействием комплексного взаимодействия стандартных суждений формируются общественные идентичности матерей, женщин-академиков, бесправных и обездоленных граждан, а

также индивидуальные и групповые стремления, которые проявляются в рамках повседневности.

В своей работе Н.Л. Пушкарёва исследует повседневную жизнь женщин-академиков, причины выбора ими жизни ученого, восприятие и интерпретацию препятствий развития научной карьеры, гендерной дискриминации. Большинство респонденток, по словам автора, представляют свои жизненные истории маловыразительными, но находящимися в постоянном развитии. По её мнению, они представляют собой истории адаптации к сложившимся обстоятельствам. Женщины-ученые редко жалуются на отсутствие взаимопонимания в семье, в том числе в отношениях с детьми. Они занимаются научной работой, которая приносит им моральное удовлетворение и желаемую идентичность [11, р. 116], для них – это главная ценность.

Элизабет Скомп на материале романов Н. Баранской и И. Грековой (псевдоним Е.С. Вентцель), публикаций в журнале «Работница», а также дидактической литературы по вопросам семьи рассматривает различные способы описания материнства в брежневское время. В этот период материнство считалось природной обязанностью женщины, несмотря на то что женщины несли двойную ношу: в качестве работницы и в качестве домашней хозяйки. Выполнение только роли матери или только специалиста в своей профессиональной сфере представлялось в дидактической литературе, пропагандируемой государством, как неполноценное и недостойное настоящей советской женщины. Дидактическая литература не признавала и такого явления, как неполные, или «материнские», семьи, хотя для страны это явление было характерно в широком масштабе, описания безотцовских семей встречались крайне редко в таких материалах, в то время как в художественных произведениях рассматриваемых авторов женщины нередко попадали в подобные ситуации. Тем не менее, как отмечает Элизабет Скомп, героини женской прозы брежневского периода не испытывают отчаяния и разочарования. По её мнению, подобные книги могут рассматриваться как своеобразный ответ или реакция на официальные утверждения о материнстве. Видение авторами женской прозы материнства не предстает идеальным или идеализированным; тексты Н. Баранской и И. Грековой в большей степени лишены высокопарных слов о материнстве, что было повсеместно в брошюрах и зачастую фигурировало на страницах «Работницы». Описывая противоречия и переживания работающей женщины, рисуя одинокое материнство как распространенное явление, вставляя материнские голоса в повествование, Н. Баранская и И. Грекова, по мнению Э. Скомп, предприняли попытку подвергнуть переоценке женские роли в русской литературе [12, р. 135].

Публикация Дэвида Рэнсела в этом разделе касается отрицательных последствий процессов приватизации начала 1990-х гг., в частно-

сти приватизации быстро разбогатевшими чиновниками и представителями общественности территорий, ранее рассматривавшихся как зоны рекреации, культуры и отдыха, а также ликвидации социальной поддержки на промышленных предприятиях. Когда местные жители стали осознавать, что их лишили права на отдых в ранее принадлежавших государству и открытых для доступа лесах, лугах, озерах и т. д., они осознали и то, что защитить их интересы некому. Данную ситуацию Дэвид Рэнсел рассматривает в ряде населенных пунктов под Москвой: как изменения, произведенные приватизацией, проявились на местном уровне, в частности как в восприятии людей они повлияли на их повседневную жизнь. Сложившаяся ситуация и невозможность местных жителей повлиять на нее, по мнению автора, заключается в отсутствии политических механизмов и социальных институтов, которые могли бы координировать действия местного сообщества в ответ на подобные захваты территорий частными владельцами. В советское время подобными полномочиями обладали партийные органы власти и профсоюзы, которые в постсоветский период потеряли политическую и финансовую поддержку. Анализируя ответы респондентов на заданные вопросы, в частности что делать в сложившейся ситуации, к кому обращаться за помощью в отстаивании своих прав, Дэвид Рэнсел приходит к выводу, что подход, заключающийся в самоорганизации сообщества для решения своих проблем и защиты своих интересов, не характерен для российского общества [13, р. 153]. Однако проявлением изменения ситуации и отношения к рассматриваемым проблемам, по мнению исследователя, являются отдельные крупные акции протеста против произвола олигархов (в частности, выступления в 2011 г. рыбаков против введения платы за доступ к водоемам, а также перенесение строительства Лахта-Центра из исторического центра Санкт-Петербурга).

В тематическом разделе «Жизненное пространство и личный выбор» (*Living Space and Personal Choice*) помещены материалы об эмоциональных связях, социальных отношениях, идеологическом представлении и физическом облике жилого и жизненного пространства в послесталинский период российской истории.

Дебора Филд в своем исследовании утверждает невозможность разграничения общественного и частного в хрущевский период. В это время понятие «быт» включало в себя домашнюю жизнь, образ жизни, личные отношения, которые продолжали подвергаться попыткам реформирования со стороны государства. Быт был тесно связан с частной жизнью, но рассмотрение на уровне государства таких бытовых вопросов, как воспитание детей, свадьба, аборт, отношения между соседями, приводит, по мнению автора, к путанице в определении понятий, что относится к частному, а что к общественному. Государственная политика хрущевского правительства проявила, как

подробно показывает Дебора Филд, парадоксальное отношение к частной жизни. С одной стороны, были предприняты новые попытки отслеживать и регулировать повседневную жизнь (быт) и поведение человека-гражданина Советского государства, придерживавшегося коммунистической морали. С другой стороны, государством были проведены реформы, позволявшие людям больше контролировать свою частную жизнь (например, облегчение процедуры развода, жилищная программа, легализация аборт). Говоря о разграничении частной жизни как некоего общего понятия (противоположного публичной жизни) на частную жизнь и личную жизнь, исследовательница отмечает, что в условиях коммунальных квартир личная жизнь советских граждан была невозможным явлением. В целом, по мнению автора, проявления хрущевской политики в повседневной жизни затрагивали сферы публичного и частного, которые выступали как взаимосвязанные категории. Тем не менее, используемые нами и привычные нам обозначения данных категорий, по мнению Деборы Филд, не всегда полностью совпадают с тем, что было характерно для быта Советского Союза. В связи с этим исследователь призывает прийти к новому пониманию частного и общественного в зависимости от явлений того или иного исторического периода [14, р. 176–177].

Политика правительства Н.С. Хрущева в сфере быта и повседневности, в частности в области жилищного строительства, стала темой исследования Стивена Харриса. Полет Ю. Гагарина и идея открытия новых космических пространств в будущем были соотнесены им с массовым жилищным строительством, что рассматривалось хрущевским правительством как советский успех на пути к коммунизму [15, р. 183]. По мнению автора, жилищная политика Хрущева привела к складыванию нового вида повседневного существования – коммунистического быта, коммунистического способа жизни [15, р. 181], который проявлялся в сочетании и взаимосвязи частного и общего. В представлении государства жизнь в отдельных квартирах должна была способствовать еще большему объединению и сплочению граждан, в частности через добровольные организации, домовые объединения, комитеты, дружины и т. д. В восприятии жильцов новых, зачастую некачественно построенных домов, расположенных в районах со слабо развитой инфраструктурой, возможность объединяться использовалась для решения внутренних домовых вопросов, урегулирования споров с органами жилищного хозяйства, жалоб в вышестоящие органы власти и др. Тем не менее, подобные совместные действия приводили, наоборот, к расколу домового сообщества на антагонистические группы (например, компании против автомобилистов-«единоличников»). Среди негативных влияний подобного восприятия коммунистического образа жизни среди обычных граждан, по мнению исследователя, стало и массовое самовольное заселение в строящиеся дома и на земель-

ные участки, с которым государство было вынуждено в итоге считаться. Таким образом, подводит итог автор исследования, значение, которое имели официально принятые идеологические установки, например коммунистический образ жизни, для борьбы обычных граждан за приспособление к жизни в городском пространстве и понимание смысла полученного ими городского жилищного пространства, значительно отличалось от предполагаемых пропагандируемых результатов.

Исследование И. Утехина также касалось жилищных проблем: особенностей коммунальных квартир в постсоветский период. В 1990-е гг. начался процесс скупки комнат в коммунальных квартирах в престижных районах и исторических центрах Москвы и Санкт-Петербурга и принудительного расселения бывших жителей коммуналки. В средствах массовой информации активно обсуждался вопрос о ликвидации коммунальных квартир как советского пережитка. Тем не менее, в настоящее время коммунальные квартиры не исчезли, по мнению автора, произошли лишь изменения в форме собственности, условиях жизни, облике жильцов, степени постоянства образа жизни [16, р. 249]. В постсоветской России коммунальная квартира стала одной из самых дешевых и доступных форм жилья, над которой практически отсутствует контроль и надзор со стороны государства.

Материальная культура жилищного пространства стала темой исследования Сьюзан Рейд. В своей работе она пытается найти ответы на следующие вопросы: как предметы массового производства (в частности разновидности шкафов для посуды) создавали интерьер советской квартиры в 1960-е гг., насколько этот образ был стандартным и какие давал возможности для самовыражения личности в рамках социалистической действительности? В рамках научного проекта «Повседневная эстетика современной советской квартиры» (*Everyday Aesthetics in the Modern Soviet Flat*), составной частью которого является данная публикация, была сформулирована гипотеза о том, что получение отдельных квартир в 1960-е гг., последующее приобретение телевизоров и автомобилей способствовало своеобразной «приватизации» жизни, переходу общественных ценностей в частную жизнь, что в конечном счете привело к развалу Советского Союза [17, р. 205].

Советский образ жизни нашел отражение и в духовной культуре более поздних поколений. Наиболее ярко это показано в исследованиях, помещенных в тематический раздел «Миф, память и история повседневности» (*Myth, Memory, and the History of Everyday Life*) и основанных на примерах постсоветских художественных и документальных фильмов, а также современной литературы.

Петер Позефский рассматривает отражение о сталинском периоде российской истории в художественных фильмах, снятых в 1980–1990-х гг. В целом, признается автор, интерпретация сталинизма в фильмах сталинского цикла предстает двойственной. С одной стороны, в конце

каждого фильма режим разоблачен и ставится вопрос о его моральном влиянии на жизнь и судьбы простых граждан. С другой стороны, фильмы создают ощущение ностальгии и сожаления о потере оптимизма объединенных высокой идеей людей, защищенности, уверенности в общественном и государственном порядке. Более того, художественный кинематограф, по мнению автора, не просто пытается представить морально тяжелую историю сталинских лет, но и показать (с особым отношением к повседневной жизни обычных граждан) «вхождение общественного в историю тоталитаризма» [18, р. 276]. При этом в фильмах отсутствует прямая критика сталинского режима. «Маленькие люди» в произведениях кинематографа предстают жертвами, но вместе с руководителями, которым они служат или за которыми наблюдают, эти «маленькие люди» пропускают через себя важность исторического момента и также несут ответственность за направление истории [18, р. 276]. Как считает исследователь, изучение повседневности в фильмах сталинского цикла предлагает критический взгляд на жизни рядовых людей и их место в истории.

В отличие от Петера Позефского С. Ошакин рассматривает документальные фильмы-хроники (в частности, «Намедни» Л. Парфенова и «Частные хроники. Монолог» В. Манского), отражающие события послесталинского времени. По мнению исследователя, данные работы представляют неидеологизированный взгляд на позднюю советскую жизнь. Они не выделяют конкретный объект для изучения, а выполнены в виде своеобразного визуального каталога с эмоциональным воздействием на зрителя, без конкретных теоретических объяснений или интерпретаций событий [19, р. 307].

Изображение советской жизни в художественной литературе выполнено Бенджамином Сатклиффом на примере романа Л. Улицкой «Медея и ее дети». Исследователь утверждает, что дом героини и повседневная жизнь его обитателей служат своеобразным убежищем от грубости и жестокости российской действительности XX в. [20, р. 311]. Семья Медеи, состоящая из представителей разных народностей и разных поколений, предстает на страницах романа особым микромиром, основанном на моральных, этических качествах и существующим в рамках утопического мирового сообщества.

Заключительный раздел «Возвращаясь домой: межгосударственные связи» (*Coming Home: Transnational Connections*), по мнению составителей издания, дает новое направление изучению истории российской повседневности – исследование восприятия российской повседневности иностранцами – гражданами других государств.

Элизабет МакГир выбрала темой своей публикации обучение военному делу китайских студентов-коммунистов в учебных заведениях Советского Союза в 1920-х гг. Распространение Коминтерном идеи всеобщей революции нашло ярых сторонников в Китае, для осуществ-

ления ее на практике было принято совместное решение об отправке наиболее способных молодых коммунистов в Москву. Однако, по словам автора, несмотря на важность поставленной задачи, дело было провалено во многом из-за недостаточной организации повседневной жизни обучающихся, недостатка оборудования и необходимых материалов для тренировок, а также невнимании к нуждам и потребностям студентов [21, р. 345].

Карен Петрон исследовала образ советского ветерана-афганца, боровшегося после возвращения домой за свои права, льготы и отношение к себе других людей, в том числе друзей и близких. По её мнению, данный образ соотносится и очень близок фигуре американского ветерана вьетнамской войны [22, р. 364].

Интересным направлением для изучения является научный труд Чой Чэттерджи, посвященное восприятию американскими путешественниками повседневной жизни Советского Союза в 1920–1930-е гг. Автор анализирует заметки и отзывы известных американцев и рядовых путешественников о посещении нового для них социалистического государства. Во многом эти записи похожи: путешественники, привыкшие к американской модели образа жизни и идеологии потребительского общества, негативно отзывались об отсутствии товаров, низком качестве обслуживания в гостиницах и магазинах и т. п., что, с другой стороны, по её мнению, компенсировалось высоким уровнем русской культуры. Тем не менее, по словам Чой Чэттерджи, восприятие повседневной жизни советского населения отличалось у представителей разных партийных и общественных направлений, что было вызвано во многом политическими обстоятельствами и причинами [23, р. 384–385].

В заключительном слове, составленном Шейлой Фитцпатрик, отмечены основные направления истории российской повседневности в западном и российском научном мире и выделены основные компоненты, объединяющие публикации данного тома: смешение дисциплин и жанров для исследования, изучение разных сторон повседневности на протяжении длительного периода и привлечение тематики межгосударственных отношений. Тем не менее, как отмечает исследователь, несмотря на самый разнообразный круг изучаемых проблем повседневности, многие темы ждут своего исследователя [2, р. 390–405].

Таким образом, данное издание содержит работы по исследованию российской повседневности, предпринятые ведущими американскими и российскими учеными в рамках антропологии, истории, литературо- и киноведения. Главная цель, которую ставили перед собой авторы и редакторы сборника, – расширить представления о повседневной жизни российского общества – была достигнута. Одним из принципов, на которых построено издание, по мнению составителей

сборника, было рассмотрение поставленных проблем в разные исторические периоды. Тем не менее, практически все работы касаются советского и постсоветского этапов, тогда как история повседневности дореволюционной России представлена лишь в одной публикации. Однако это не умаляет ценности рецензируемого издания, что предполагает возможность дальнейших исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Пушкарева Н.Л. Повседневная жизнь в России: междисциплинарный подход (13–15 мая 2010 г., Блумингтон (штат Индиана), США) // Антропологический форум. – №14-online. – 2011. – С. 457–470.

2. *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – 430 p.

3. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы «Анналов» к российской философской школе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С.Пушкина. – Т.4. – 2014. – №1. – С. 7–21.

4. David L. Ransel. The Scholarship of Everyday Life. // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 17–34.

5. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. – СПб.: Алетейя, 2014. – 480 с.

6. Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб.: Европейский дом, 2007. – 624 с.

7. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. – М.: Новое лит. обозр., 2013. – 864 с.

8. Mary Cavender. Provincial Nobles, Elite History, and the Imagination of Everyday Life // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 35–51.

9. Olga Shevchenko. Resisting Resistance: Everyday Life, Practical Competence, and Neoliberal Rhetoric in Postsocialist Russia // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 52–71.

10. Douglas Rodgers. The Oil Company and the Crafts Fair: From *Povsednevnost'* to *Byt* in Postsocialist Russia // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 72–93.

11. Natalia Pushkareva. “We Don’t Talk about Ourselves”: Women Academics Recall Their Path to Success. // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 97–117.

12. Elizabeth Skomp. The Literature of Everyday Life and Popular Representations of Motherhood in Brezhnev’s Time // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 118–139.

13. David L. Ransel. “They Are Taking That Air from Us”: Sale of Commonly Enjoyed Properties to Private Developers // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 140–160.

14. Deborah A. Field. Everyday Life and the Problem of Conceptualizing Public and Private during the Khrushchev Era // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 163–180.
15. Steven E. Harris. Soviet Mass Housing and the Communist Way of Life. // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 181–202.
16. Ilya Utekhin. The Post-Soviet *Kommunalka*: Continuity and Difference? // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 234–251.
17. Susan E. Reid. Everyday Aesthetics in the Khrushchev-Era Standard // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 203–233.
18. Peter C. Pozefsky. Everyday Stalinism in Transition-Era Film // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 255–278.
19. Serguei Oushakine. Totality Decomposed: Objectalizing Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 279–310.
20. Benjamin Sutcliffe. Everyday Life and the Ties That Bind in Liudmila Ulitskaia's *Medea and Her Children* // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 311–325.
21. Elizabeth McGuire. Sino-Soviet Every Day: Chinese Revolutionaries in Moscow Military Schools, 1927–1930 // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 329–349.
22. Karen Petrone. Coming Home Soviet Style: The Reintegration of Afghan Veterans into Soviet Everyday Life // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 350–367.
23. Choi Chatterjee. Everyday Life in Transnational Perspective: Consumption and Consumerism, 1917–1939 // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 368–389.

References

1. Pushkareva N.L. Povsednevnyaya zhizn' v Rossii: mezhdistsiplinarnyi podkhod (13–15 maya 2010 g., Blumington (shtat Indiana), SShA) [Everyday life in Russia: a multidisciplinary approach (13–15 May, 2010, Bloomington (Indiana), USA)] // *Antropologicheskii forum* [Anthropological forum]. №14-online. 2011. – P. 457–470.
2. *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – 430 p.
3. Pushkareva N.L., Lyubichankovskii S.V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly «Annalov» k rossiiskoi filosofskoi shkole [Understanding the history of everyday life in contemporary historical studies: from the Annales school to the Russian philosophical school] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. – T. 4. – 2014. – № 1. – P. 7–21.

4. David L. Ransel. The Scholarship of Everyday Life // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 17–34.

5. Belova A.V. «Chetyre vozrasta zhenshchiny»: Povsednevnyaya zhizn' russkoi provintsial'noi dvoryanki XVIII – serediny XIX v. [“Four ages of a woman”: Everyday life of Russian provincial noblewoman in XVIII – mid XIX century]. – SPb.: Aleteiya, 2014. – 480 p.

6. Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX – beginning of XX century)]. – SPb.: Evropeiskii dom, 2007. – 624 p.

7. Rossiiskaya povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii: sb. st. [Russian everyday life in the mirror of gender relations: collection of articles]. / otv. red. i sost. N. L. Pushkareva. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 864 p.

8. Mary Cavender. Provincial Nobles, Elite History, and the Imagination of Everyday Life // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 35–51.

9. Olga Shevchenko. Resisting Resistance: Everyday Life, Practical Competence, and Neoliberal Rhetoric in Postsocialist Russia // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 52–71.

10. Douglas Rodgers. The Oil Company and the Crafts Fair: From *Povsednevnost'* to *Byt* in Postsocialist Russia // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 72–93.

11. Natalia Pushkareva. “We Don’t Talk about Ourselves”: Women Academics Recall Their Path to Success // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 97–117.

12. Elizabeth Skomp. The Literature of Everyday Life and Popular Representations of Motherhood in Brezhnev’s Time // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 118–139.

13. David L. Ransel. “They Are Taking That Air from Us”: Sale of Commonly Enjoyed Properties to Private Developers // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 140–160.

14. Deborah A. Field. Everyday Life and the Problem of Conceptualizing Public and Private during the Khrushchev Era // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 163–180.

15. Steven E. Harris. Soviet Mass Housing and the Communist Way of Life. // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 181–202.

16. Ilya Utekhin. The Post-Soviet *Kommunalka*: Continuity and Difference? // *Everyday Life in Russia Past and Present* / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 234–251.

17. Susan E. Reid. Everyday Aesthetics in the Khrushchev-Era Standard // *Everyday Life in Russia Past and Present*. / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 203–233.

18. Peter C. Pozefsky. Everyday Stalinism in Transition-Era Film // Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 255–278.
19. Serguei Oushakine. Totality Decomposed: Objectalizing Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles // Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 279–310.
20. Benjamin Sutcliffe. Everyday Life and the Ties That Bind in Liudmila Ulitskaia's *Medea and Her Children* // Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 311–325.
21. Elizabeth McGuire. Sino-Soviet Every Day: Chinese Revolutionaries in Moscow Military Schools, 1927–1930 // Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 329–349.
22. Karen Petrone. Coming Home Soviet Style: The Reintegration of Afghan Veterans into Soviet Everyday Life // Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 350–367.
23. Choi Chatterjee. Everyday Life in Transnational Perspective: Consumption and Consumerism, 1917–1939 // Everyday Life in Russia Past and Present / Choi Chatterjee, David L. Ransel, Mary Cavender (Hg.). – Bloomington: Indiana University Press, 2015. – P. 368–389.

Сведения об авторах

Бенда Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент межфакультетской кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Веретенко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Зайцева Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: svlanaz@yandex.ru

Каминский Валерий Владимирович, PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminsckij.valera@yandex.com

Котова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры Международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: filippova-es@mail.ru

Медеубаев Ерлан Ислямович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Истории Казахстана, Актюбинский региональный государственный университета им. К. Жубанова (Республика Казахстан); e-mail: emedebaev@mail.ru

Сактаганова Зауреш Галимжановна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (Республика Казахстан); e-mail: zauresh63@mail.ru

Самарина Любовь Андреевна, магистрант, факультет истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: ravel-poletika@mail.ru

Семенова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: ln.semenova@mail.ru

Тютинна Екатерина Олеговна, Rock Valley College. США. Научные руководители: Timothy Spielman, Bethany Eangle; e-mail: ikaterina.ty@gmail.com

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Санкт-Петербургский горный университет; зав. НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: s-w-n@mail.ru

About authors

Benda Vladimir N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Independent Department of History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: bvn.1962@mail.ru

Kaminsky Valeriy V., PhD in History, independent researcher (Ashdod, Israel); e-mail: kaminsckij; e-mail: valera@yandex.com

Kotova Ekaterina S., Graduate student, Department of International Relations, Mediation, Political Science and History, The Saint Petersburg State University of Economics and Finance; e-mail: filippova-es@mail.ru

Medeubayev Yerlan, Ph.D. (Candidate of Historical Sciences) in History, Chair of Kazakhstani History, History Department, Aktobe Regional State University named after K. Zhubanov (Republik Kazakhstan); e-mail: emedebaev@mail.ru

Saktaganova Zauresh G., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Ethnology and National history, Director of Ethno-cultural and Historical-anthropological Research Center, Karaganda State University of the name of academician E.A. Buketov (Republik Kazakhstan); e-mail: zauresh63@mail.ru

Samarina Lyubov A., faculty of history and social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: ravel-poletika@mail.ru

Semenova Lyudmila N., candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor istorichny leaders, Pushkin Leningrad State University; e-mail: ln.semenova@mail.ru

Shaidurov Vladimir N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, St. Petersburg Mining University (Mining University); head of NOTs of historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: s-w-n@mail.ru

Tiutina Ekaterina O., Rock Valley College. The United States. Supervisors: Timothy Spielman, Bethany Eangle; e-mail: ikaterina.ty@gmail.com

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of Department of History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Zaitseva Svetlana V., candidate of Historical Sciences, senior lecturer, Department of history, Pushkin Leningrad State University; e-mail: svlanaz@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.

2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetского интеллигента: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (3)

На обложке размещена репродукция картины
В. Маковского «Варят варенье», 1876 г.

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 17.03.2017. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Agial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1351

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10